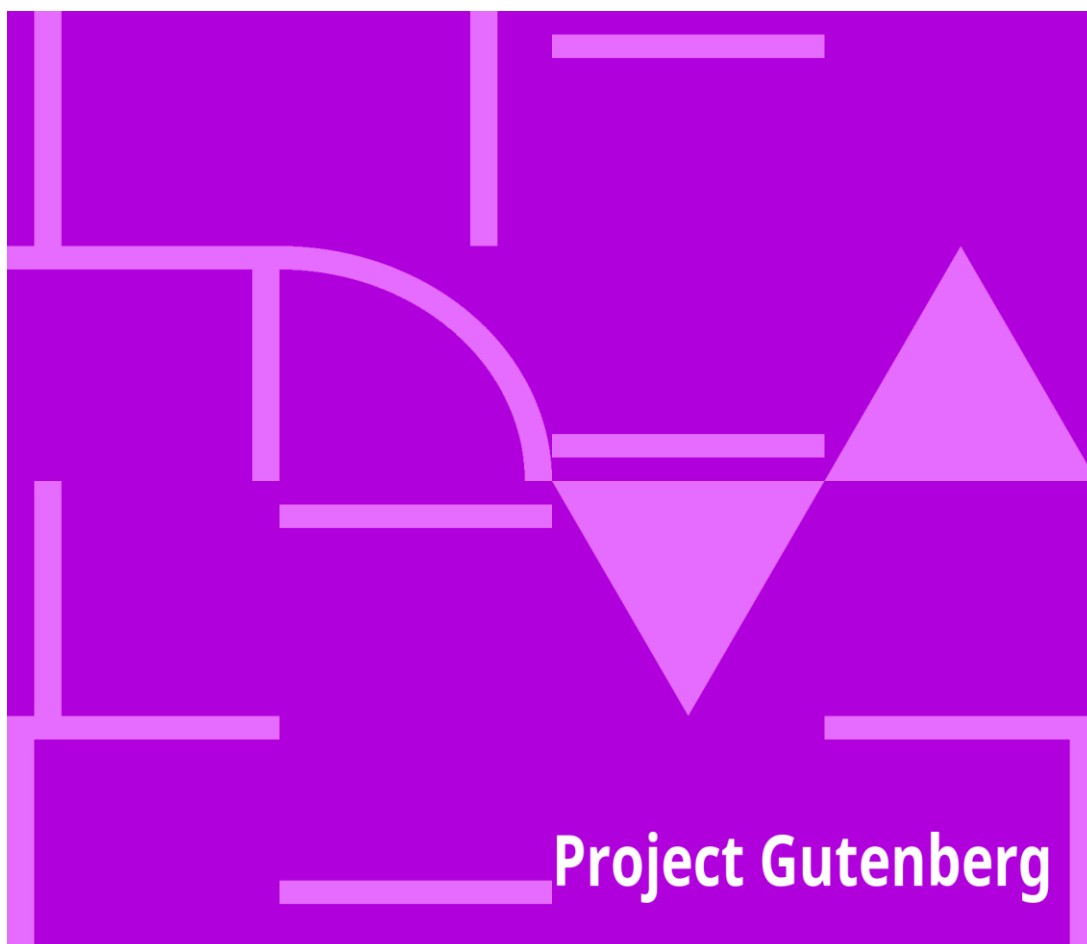

Пираты Панама
А. О. Эксквемелин

The Pirates of Panama

A. O. Exquemelin and George Alfred

Оглавление

[ПИРАТЫ ПАНАМЫ](#)

[ПИРАТЫ ПАНАМЫ](#)

[ИЛИ](#)

[АМЕРИКАНСКИЕ БУКАНЬЕРЫ](#)

[ДЖОН ЭСКЕМЕЛИНГ](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

[ВВЕДЕНИЕ](#)

[ПЕРЕВОДЧИК](#)

[К](#)

[ЧИТАТЕЛЮ \(от 1684 г.\).](#)

[ПИРАТЫ ПАНАМЫ](#)

[БУКАНЬЕРЫ АМЕРИКИ](#)

[ГЛАВА I](#)

[ГЛАВА II](#)

[ГЛАВА III](#)

[ГЛАВА IV](#)

[ГЛАВА V](#)

[ГЛАВА VI](#)

[ГЛАВА VII](#)

[ГЛАВА VIII](#)

[ГЛАВА IX](#)

[ГЛАВА X](#)

[ГЛАВА XI](#)

[ГЛАВА XII](#)

[ГЛАВА XIII](#)

[ГЛАВА XIV](#)

[ГЛАВА XV](#)

[ГЛАВА XVI](#)

[ГЛАВА XVII](#)

[ГЛАВА XVIII](#)

[КОНЕЦ](#)

[Примечания переводчика:](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга "Пираты Панама" издательства "Проект Гутенберг".

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях лицензии Project Gutenberg License, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: The Pirates of Panama

Автор: А. О. Эксквемелин

Редактор: Джордж Альфред Уильямс

Дата выхода: 23 сентября 2008 [eBook #26690]

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Сюзанной Лайбаргер и книготорговцами на сайте <http://www.eBookForge.net>.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE PIRATES OF PANAMA ***

Электронный текст подготовлен Сюзанной Лайбаргер
и книготорговцами на сайте <http://www.eBookForge.net>

Примечание транскриптора:

Номера страниц указаны на правом поле. Изображение оригинальной страницы можно увидеть, нажав на номер страницы.

"Военный корабль пустился в погоню" - СТРАНИЦА 43 - СТРАНИЦА [43](#)

ПИРАТЫ ПАНАМЫ

ИЛИ АМЕРИКАНСКИЕ БУКАНЬЕРЫ

ПОДЛИННЫЙ РАССКАЗ О ЗНАМЕНИТЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ И ДЕРЗКИХ ПОСТУПКАХ СЭРА
ГЕНРИ МОРГАНА И ДРУГИХ ОТЪЯВЛЕННЫХ ВОЛЬНЫХ РАЗБОЙНИКОВ ИСПАНСКОГО
ПОБЕРЕЖЬЯ

ДЖОН ЭСКЕМЕЛИНГ

Один из буканьеров, присутствовавших при этих трагедиях

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ДЖОРДЖА АЛЬФРЕДА УИЛЬЯМСА

НЬЮ-ЙОРК
КОМПАНИЯ ФРЕДЕРИКА А. СТОКСА
ПУБЛИКАЦИИ

Copyright, 1914, by
КОМПАНИЯ ФРЕДЕРИКА А. СТОУКСА

Все права защищены, включая права на перевод на иностранные языки.

Отпечатано в Соединенных Штатах Америки

СОДЕРЖАНИЕ

	СТРАНИЦА
(1) ВВЕДЕНИЕ ДЖОРДЖА АЛЬФРЕДА УИЛЬЯМСА	xi
(2) ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ	xv
ГЛАВА I.	
Введение Автор отправляется к западным островам на службе у Вест-Индской компании Франции, встречается с английским фрегатом и прибывает на остров Тортуга	1
ГЛАВА II.	
Описание Тортуги - плоды и растения, произрастающие там - как французы впервые поселились там, причем несколько раз, и вытеснили испанцев - автор дважды торговал на упомянутом острове	7
ГЛАВА III.	
Описание Испаньолы, а также рассказ о французских буканьерах	19
ГЛАВА IV.	
Подлинник самых знаменитых пиратов у берегов Америки - знаменитый подвиг Пьера ле Гранда	34
ГЛАВА V.	
Как пираты вооружают свои суда и регулируют свои путешествия	39
ГЛАВА VI.	

О происхождении Франциска Лолонуа и начале его разбоев [57](#)

ГЛАВА VII.

Лолонуа снаряжает флот, чтобы высадиться на испанских островах Америки, намереваясь грабить, разграблять и сжигать все, что ему встретится [63](#)

ГЛАВА VIII.

Лолонуа делает новые приготовления, чтобы взять город Сент-Джеймс-де-Леон, а также Никарагуа; там он несчастно погибает [81](#)

ГЛАВА IX.

Происхождение и род капитана Генри Моргана, его подвиги и самые примечательные поступки в его жизни [101](#)

ГЛАВА X.

Об острове Куба Капитан Морган пытается сохранить остров Святой Екатерины как убежище для пиратского гнезда, но его замысел не удается - он прибывает в деревню Эль-Пуэрто-дель-Принсипе и захватывает ее [112](#)

ГЛАВА XI.

Капитан Морган решает напасть на город Пуэрто-Бельо и разграбить его, снаряжает флот и с небольшими затратами и малыми силами берет его [123](#)

ГЛАВА XII.

Капитан Морган берет город Маракайбо на побережье Нейва-Венесуэлы - пиратство в этих морях - отход трех испанских кораблей, отправленных для пресечения разбоя пиратов [134](#)

ГЛАВА XIII.

Капитан Морган отправляется на Испаньолу, чтобы снарядить новый флот, намереваясь вновь разбойничать на побережье Вест-Индии [170](#)

ГЛАВА XIV.

Что произошло на реке Де-ла-Хача [173](#)

ГЛАВА XV.

Капитан Морган покидает Испаньолу и направляется к острову Святой Екатерины, который он занимает [179](#)

ГЛАВА XVI.

Капитан Морган берет замок Чагре с четырьмя сотнями человек, посланных для этой цели с острова Святой Екатерины [187](#)

ГЛАВА XVII.

Капитан Морган отправляется из Чагре во главе двенадцати сотен человек, чтобы взять город Панаму [195](#)

ГЛАВА XVIII.

Капитан Морган отправляет каноэ и лодки в Южное море - он поджигает город Панаму - грабежи и жестокости, совершенные там пиратами, до их возвращения в замок Чагре [213](#)

ИЛЛЮСТРАЦИИ

"Военный человек пустил их в погоню".

[Фронтиспис](#)

ЛИЦО
СТРАНИЦА

Пьер ле Гран приказывает испанскому капитану сдать корабль

[36](#)

"Португес сделал все возможное, чтобы добраться до дель Гольфо Тристе"

[46](#)

"Они взошли на корабль с большим проворством"

[92](#)

"Лолонуа с теми, кто еще оставался, с большим трудом выбрались на борт своих лодок"

[96](#)

Капитан Морган набирает войска

[114](#)

"Придя на место дуэли, англичанин ударил француза ножом в спину"

[120](#)

"Морган приказал религиозным мужчинам и женщинам приставить лестницы к стенам"

[128](#)

"Они повесили его на дереве"

[146](#)

"Пожарный корабль, плывший впереди остальных, упал на большой корабль"

[158](#)

Морган делит сокровища, захваченные в Маракайбо

[166](#)

Разграбление Панама - "Морган снова вошел в город со своими войсками"

[214](#)

ВВЕДЕНИЕ

Этот том был первоначально написан на голландском языке Джоном Эскемелингом и впервые опубликован в Амстердаме в 1678 году под названием *De Americaenische Zee Roovers*. Книга сразу же стала очень популярной, и вскоре эта история американских буканьеров, написанная из первых рук, была переведена на основные европейские языки. Первое английское издание было напечатано в 1684 году.

Об авторе, Джоне Эскемелинге, известно очень мало, хотя принято считать, что он, по всей вероятности, был фламандцем или голландцем, что вполне естественно, поскольку его первые работы были написаны на голландском языке. Он прибыл на остров Тортуга, штаб-квартиру буканьеров, в 1666 году в составе французской Вест-Индской компании. Несколько лет спустя эта же компания из-за неудачных деловых отношений отозвала своих представителей во Францию и отдала приказ своим офицерам продать земли компании и всех ее слуг. Эскемелинг, тогда еще слуга компании, был продан суровому хозяину, который обращался с ним очень жестоко. Из-за тяжелой работы, плохого питания и облучения он опасно заболел, и хозяин, видя его слабое состояние и боясь потерять деньги, которые Эскемелинг ему стоил, перепродал его хирургу. Новый хозяин отнесся к нему по-доброму, так что здоровье Эскемелинга быстро восстановилось, и после года службы он был отпущен на свободу под обещание выплатить своему благодетелю, хирургу, 100 кусков восьмерки, когда у него появятся средства.

Став свободным человеком, он решил присоединиться к пиратам, был принят в их общество и оставался с ними до 1672 года. Эскемелинг служил буканьерам в качестве цирюльника-хирурга и присутствовал при всех их подвигах. Он и не подозревал, что его наблюдения из первых рук когда-нибудь станут единственной достоверной и правдивой историей буканьеров и маронеров Испанского материка.

Время от времени выходили новые издания этой работы, но во многих случаях добавлялось много нового материала, не всегда достоверного, и в результате оригинальное повествование, изложенное Эскемелингом, было искажено. При подготовке этого издания был использован только оригинальный английский текст, и в него были внесены лишь незначительные изменения за счет вырезания длинного и утомительного описания растительного и животного мира Вест-Индии, о котором Эскемелинг имел лишь малую толику правды. Однако история капитана Моргана и его товарищей-буканьеров напечатана здесь почти идентично оригинальному английскому переводу, и мы считаем, что это первый случай, когда эта история опубликована в форме, подходящей для юного читателя, без потери интереса для взрослого.

Внимание всего мира в это время к Панамскому перешейку и великому каналу, соединяющему Атлантический и Тихий океаны, придает этому повествованию дополнительный стимул. Здесь рассказывается о дерзких подвигах диких вольных разбойников, которые пересекли перешеек и напали на города Пуэрто-Беллоу и Панама. Разграбление и сожжение этих мест, сопровождаемые грабежами, пожарами и поисками сокровищ как на суше, так и на море, - захватывающее чтение. *Книга "Буканьеры и мародеры Америки"* вполне заслуживает места на книжной полке вместе с такими любимыми во всем мире произведениями, как *"Робинзон Крузо"* и *"Швейцарская семья Робинзон"*.

ДЖОРДЖ АЛЬФРЕД УИЛЬЯМС.

ПЕРЕВОДЧИК

К

ЧИТАТЕЛЮ (от 1684 года).

Настоящий том, как за его любопытство, так и за изобретательность, я смею рекомендовать к прочтению нашей английской нации, чьи славные деяния он содержит. Что касается любопытства, то этот труд, как естественной, так и гуманитарной истории, не успел выйти в свет в голландском оригинале, как его расхватили для самых любопытных библиотек Голландии; он был переведен на испанский (два оттиска с него были отправлены в Испанию в один год); на него обратила внимание Парижская академия наук; и, наконец, его рекомендовал как достойный нашего уважения гениальный автор еженедельника "Памятки для гениальных", напечатанного здесь, в Лондоне, около двух лет назад. И все это незаслуженно, поскольку она расширяет наше знакомство с естественной историей, столь ценимой и исследуемой учеными нынешнего века, с несколькими наблюдениями, которые нелегко найти в других отчетах, уже полученных из Америки: и, кроме того, он сообщает нам (с огромной новизной) о столь же великих и смелых попытках, с точки зрения военного поведения и доблести, какие когда-либо предпринимались человечеством; не исключая, здесь, ни Александра Великого, ни Юлия Сезара, ни остальных из Девяти Достойных Славы. Обо всех этих действиях, как мы не можем признаться, что до сих пор были в неведении (само имя Буканьеров пока известно лишь немногим из находчивых; как и их жизнь, законы и беседа), так и они не могут не вызывать восхищения, из этого бесхитростного автора, у всех, кому интересно узнать о различных поворотах человеческих дел. Но в особенности наша английская нация, к которой эти вещи относятся в большей степени. Мы имеем здесь более половины книги, заполненной непараллельными, если не сказать неподражаемыми, приключениями и героическими подвигами наших собственных соотечественников и родственников, чьей неустрашимой и образцовой храбрости, когда нас призывают наш король и страна, мы должны подражать.

Откуда взялось, что в Англии до сих пор не было опубликовано ничего подобного, мне нелегко определить; разве что, как скажут некоторые, из какого-нибудь тайного Ragion di Stato. Пусть причина будет такова, как угодно, но это несомненно, и тем более мы обязаны нынешнему автору, который, хотя и чужой для нашего народа, все же с такой откровенностью и верностью записал наши действия, чтобы в металл нашей истинно английской доблести больше верили и боялись за границы, чем если бы эти вещи были разглашены нами самими дома. Отсюда, возможно, другие народы узнают, что английский народ по своему гению более склонен действовать, чем писать; так как и они, и мы жили, не зная об этих действиях нашей нации, до тех пор, пока иностранный автор не приехал в нашу страну, чтобы рассказать о них.

Помимо достоинств этой пьесы, связанных с ее любопытством, не меньшего уважения заслуживают также правда и искренность, с которыми, как кажется, все написано. Нет большего украшения или достоинства для истории, как человеческой, так и естественной, чем правда. Все остальные украшения, если они не соответствуют истине, не заслуживают никакого уважения; если же они

соответствуют истине, то являются ненужными или излишними. Что касается этого требования к нашему автору, то его строки повсюду свидетельствуют о верности и искренности его ума. Он пишет не понаслышке, а был очевидцем, как он вам где-то рассказывал, всех и каждой из смелых и опасных попыток, о которых он рассказывает. И это он излагает с такой откровенностью стиля, такой изобретательностью ума, такой простотой слов, такой краткостью периодов, настолько лишен риторических гипербола или малейших изысков красноречия, настолько лишен страсти или национальных размышлений, что он решительно убеждает всех в достоверности того, что говорит; Да, он заставляет читателя поверить в то, что эти вещи намного больше, чем то, что он сказал; и, прочитав его, он оставляет после себя только это недоумение или беспокойство, и вы больше не можете его читать. Одним словом, таковы его заслуги, что некоторые люди, возможно, не преминут сравнить его с отцом историков, Филиппом де Комином; по крайней мере, так можно сказать со всей правдой, которую только можно себе представить, что он похож на этого великого автора во многих своих превосходных качествах.

Я знаю, что некоторые возражали против величия этих невероятных приключений, ссылаясь на то, что сопротивление, которое наши буканьеры встретили в Америке, везде было незначительным. Ибо испанцы, говорят они, в Вест-Индии в последние годы стали не менее, а скорее более вырождаться, чем в Европе. Этому немало способствуют постоянный мир, которым они пользовались в тех краях, недостаток военной дисциплины и европейские соулдеры в качестве командиров. Но в особенности, и прежде всего по другим причинам, сама роскошь почвы и богатства, крайняя жара тех стран и влияние звезд таковы, что полностью склоняют их тела к бесконечной женственности и трусости умов.

На эти доводы я отвечу лишь вкратце. Эта история убедит их в том, что они явно ложны. Ибо что касается непрерывного мира, о котором здесь говорится, то мы знаем, что со времени первого владения испанцами Вест-Индией до сожжения Панамы за этой линией никогда не мог установиться мир. В то время или за несколько месяцев до этого сэр Уильям Годольфин, ведя благоразумные переговоры в качестве посольства нашего всемилостивейшего монарха, заключил в Мадриде мир, который будет соблюдаться даже за линией фронта, и через всю территорию испанских владений в Западных Индиях. Эта сделка дала испанцам новые поводы для жалоб на наши действия, что не успел установиться мир для этих частей Америки, как наши войска взяли и сожгли Чагре, Сент-Катрин и Панаму. Но наш ответ был убедителен: в то время как восемь или десять месяцев были отведены статьями для опубликования упомянутого мира во всех доминионах обеих монархий в Америке, эти военные действия были совершены не только без приказа его величества Англии, но и в течение упомянутых восьми или десяти месяцев. До этого времени испанские жители Америки находились, как бы, в вечной войне с Европой, и несомненно, что ни одно побережье или королевство в мире не подвергалось более частым вторжениям нескольких народов, чем их. Так, с самого начала своих завоеваний в Америке англичане, французы, голландцы, португальцы, шведы, датчане, курляндцы и все другие народы, плавающие по океану, часто посещали Вест-Индию и наполняли ее своими грабежами и нападениями. С этих пор они были в постоянном страхе и настороже, и держали свое ополчение в постоянном упражнении, а также свои гарнизоны довольно хорошо обеспеченными и оплачиваемыми; опасаясь, что каждый парус, который они обнаруживали в море, был пиратом той или иной нации. Но тем более, что Курасао, Тортуга и Ямайка были заселены англичанами, французами и голландцами и возрастили ту расу охотников, которая никогда не была ни более отчаянной, ни более

смертельной враги испанцев, называемых буханьярами. Скажем ли мы теперь, что эти люди, благодаря слишком долгому продолжению мира, полностью отменили военные упражнения, будучи все это время непрерывно измученными их волнениями и тревогами?

Точно так же неверно обвинять их в недостатке военной дисциплины из-за отсутствия европейских полководцев. Ибо кто не знает, что все места, как военные, так и гражданские, в этих обширных владениях Вест-Индии, предоставляются из Испании? И те из ополченцев, которые чаще всего отдаются опытным командирам, с младенчества обученным в войнах Европы, либо в Африке, Милане, Сицилии, Неаполе или Фландрии, сражаясь против англичан, французов, голландцев, португальцев или мавров? Да и сами их гарнизоны, если обыскать их в тех краях, наверняка окажутся на три части к четырем укомплектованы соулдерами, рожденными и воспитанными в Королевстве Испания.

Из этих соображений можно сделать вывод, насколько мала разница между испанскими соулдерами, жителями Вест-Индии, и европейскими. И как мало почва или климат влияют на их мужество или заставляют их деградировать в сторону трусости или подлости ума. Как будто тот же самый аргумент, выведенный из природы того климата, не ополчился бы в равной степени против доблести наших знаменитых буханьяров и не представил бы ее как вырождение металла, как и у них.

Но ничто не может быть более очевидным, чем доблесть американских испанцев, как соулдеров, так и офицеров, в продолжении этой истории. Какие люди когда-либо сражались более отчаянно, чем гарнизон Чагре? Их было 314 человек, и из них осталось только тридцать; из них едва ли десять были ранены, и среди них не нашлось ни одного офицера в живых? Разве не было 600 убитых на месте в Панаме, 500 в Гибралтаре, еще почти столько же в Пуэрто-дель-Принсипе, все они погибли с оружием в руках, храбро сражаясь с врагом ради защиты своей страны и личных дел? Разве жители города Сан-Педро не укрепились, не устроили несколько засад и, наконец, не продали свои жизни так дорого, как это мог бы сделать любой европейский соулдер; Лолонуа был вынужден шаг за шагом продвигаться к городу, неся огромные потери как в живой силе, так и в людях? Можно было бы привести еще много примеров из этого обширного тома, свидетельствующих о великодушном сопротивлении, которое испанцы оказали в нескольких местах, хотя фортуна не благоволила к их оружию.

Далее, что касается личной доблести многих их командиров, то какой человек когда-либо вел себя бодрее, чем губернатор Гибралтара, чем губернатор Пуэрто-дель-Принсипе, оба из которых погибли при защите своих городов; чем дон Алонсо дель Кампо и другие? Или какие примеры могут сравниться с отчаянным мужеством губернатора Чагре, который, хотя палицы были обстреляны, терраплены были погружены в ров, бреши были заделаны, дома все сожжены над ним, весь замок взят, его люди все убиты, все же не признавал никакой четверти, но предпочел скорее умереть под своим оружием, получив пулю в мозг, чем сдаться в плен буханьярам. Какой лев сражался до последнего вздоха более упорно, чем губернатор Пуэрто-Вело, который, видя, что город ночью неожиданно захвачен, один главный замок взлетел на воздух, все остальные крепости и замки взяты, его собственный штурмовали несколькими способами, а религиозных мужчин и женщин поставили перед врагом для крепления лестниц к стенам, все же не пожалел убить столько религиозных людей, сколько мог. И вот, наконец, стены были взломаны, замок взят, все его люди, побежденные огнем и мечом, сложили оружие и стали просить врага о пощаде, но ни одного не допустили ради собственной жизни. И все же он собственными руками убил нескольких своих соулдеров, чтобы заставить их сохранить оружие, хотя все

были потеряны. Да, хотя его собственная жена и дочь умоляли его на коленях, чтобы он сохранил свою жизнь, требуя четверти, хотя враг желал того же, он не слушал ни криков, ни уговоров, но они были вынуждены убить его, сражаясь с его оружием в руках, не имея другой возможности взять его в плен, как они желали сделать. Можно ли сказать, что эти люди были подвержены влиянию трусости, которые таким образом действовали до последней сцены своих собственных трагедий? Или лучше сказать, что им нужна была не храбрость, а удача? Конечно, верно, что тот, кто убит в битве, может быть в равной степени храбрым с тем, кто убивает. И тот, кто умаляет доблесть испанцев в Вест-Индии, умаляет таким же образом храбрость буканьеров, своих соотечественников, которые, казалось, действовали в Америке не хуже смертных.

Теперь скажу кое-что о Джоне Эсквемелинге, первом авторе этой истории. Я считаю его голландцем или, по крайней мере, уроженцем Фландрии, несмотря на то, что в испанском переводе он представляется уроженцем Королевства Франции. То, что он напечатал эту историю изначально на голландском языке, который, несомненно, должен быть его родным языком, поскольку в остальном он был неграмотным человеком, а также само звучание его имени убеждают меня в этом. Правда, он отплыл из Франции и несколько лет пробыл на Тортуге; но ни один из этих двух аргументов, вытекающих из истории, не является преобладающим. Ибо если бы он был французом по происхождению, как бы он смог выучить голландский язык в таком совершенстве, чтобы предпочесть его своему родному? Тем более что ни на Тортуге, ни на Ямайке, где он проживал все это время, на нем не говорили.

Надеюсь, я сделал этот английский перевод более простым и правильным, чем испанский. Некоторые малоизвестные недостатки печатника или переводчика, я уверен, я исправил. Но испанский переводчик жаловался на большую запутанность стиля оригинала (как исходящую от человека, который, как уже было сказано, не был ученым), и ему было простительно, будучи в большой спешке, не сделать свою собственную версию столь отчетливой и продуманной, как он мог бы пожелать; так что я должен быть оправдан за одно, то есть изящество, если я осторожно отказался от другого, я имею в виду запутанность.

ПИРАТЫ ПАНАМЫ

БУКАНЬЕРЫ АМЕРИКИ

ГЛАВА I

Вступление - Автор отправляется к западным островам на службе у Вест-Индской компании Франции - Встречается с английским фрегатом и прибывает на остров Тортуга.

Мы отплыли из Гавр-де-Граса во Франции, откуда отправились на корабле под названием "Сент-Джон" 2 мая 1666 года. На нашем судне было двадцать восемь пушек, двадцать моряков и двести двадцать пассажиров, включая тех, кого компания отправила в качестве бесплатных пассажиров. Вскоре после этого мы встали на якорь у мыса Барфлер, чтобы присоединиться к семи другим кораблям той же Вест-Индской компании, которые должны были прийти из Дьеппа под конвоем военного корабля с тридцатью семью пушками и двумястами пятьюдесятью людьми. Из этих кораблей два направлялись в Сенегал, пять - на Карибские острова, а наш - на Тортугу. Здесь к нам собралось около двадцати парусов других кораблей, направлявшихся на Ньюфаундленд, и несколько голландских судов, шедших в Нанц, Рошель и Сент-Мартин, так что всего у нас было тридцать парусов. Здесь мы заняли оборонительную позицию, заметив, что четыре английских фрегата по шестьдесят пушек каждый поджидают нас у Олдернея. Наш адмирал, шевалье Сурдис, отдав необходимые распоряжения, отплыл туда при благоприятном ветре, а возникший туман полностью помешал английским фрегатам обнаружить наш флот. Опасаясь врага, мы держали курс как можно ближе к побережью Франции. Проплывая вдоль него, мы встретили судно из Остенде, которое пожаловалось нашему адмиралу, что французский капер ограбил его тем же утром; тогда мы попытались преследовать упомянутого пирата, но наши усилия были напрасны, так как нам не удалось его догнать.

Наш флот, пока мы плыли, вызывал немалые опасения и тревогу у жителей побережья Франции, которые принимали нас за англичан и считали, что мы ищем удобное место для высадки. Чтобы развеять их страх, мы вывесили свои флаги, но они не поверили нам. После этого мы встали на якорь в бухте Конке в Бретани, недалеко от Ушана, чтобы набрать воды. Запасшись здесь свежей провизией, мы продолжили плавание, намереваясь пройти мимо реки Фонтенау и не подвергать себя опасности попасть в Сорлинги, опасаясь англичан, которые крейсировали в этих местах. Река Рас имеет очень сильное и быстрое течение, которое, перекатываясь через множество скал, впадает в море на побережье Франции, в 48 градусах 10 минутах широты; так что этот проход очень опасен, поскольку все скалы еще не до конца известны.

Здесь я упомяну о церемонии, которая в этом и некоторых других местах используется мореплавателями и называется крещением, хотя она может показаться малозначительной для нашей цели. Прислужник хозяина облачился в нелепую одежду, доходившую ему до ног, а на голову надел подходящий колпак, сделанный очень нелепо; в правой руке он держал обнаженный деревянный меч, а в левой - горшок, полный чернил; лицо его было ужасно почерневшим от сажи, а шею украшал ошейник из множества маленьких кусочков дерева. В таком одеянии он велел позвать всех, кто еще не проходил через это опасное место; затем, поставив их на колени, он чернилами начертал на их лбах крестное знамение и ударил каждого своим деревянным мечом по плечам. Тем временем стоявшие рядом люди вылили на голову каждого по ведру воды, и на этом церемония закончилась. Но после этого каждый

из крещаемых должен дать бутылку бренди, поставив ее рядом грот-мачтой, не произнося ни слова; даже те, у кого нет такого напитка, не могут быть оправданы. Если судно никогда не проходило этим путем, капитан обязан раздать немного вина морякам и пассажирам; что же касается других даров, которые новокрещенные часто приносят, то их делят между старыми моряками, и из них они устраивают банкет между собой.

Голландцы также, не только в этом проходе, но и у скал, называемых Берлингуэс, недалеко от побережья Португалии, в 39 градусах 40 минутах (это очень опасный проход, особенно ночью, когда в темноте скалы не различимы, а земля очень высока), используют некоторые подобные церемонии: но их способ крещения сильно отличается от французского; ибо того, кто должен креститься, закрепляют и трижды поднимают на верфи, как если бы он был преступником. Если его поднимают в четвертый раз, именем принца Оранского или капитана судна, то честь ему оказана более чем обычная. Таким образом, в главном океане каждый погружается несколько раз; но тот, кто погружается первым, имеет честь быть отсалютованным из пушки. Те, кто не желает падать, должны заплатить двенадцать пенсов выкупа; если это офицер, то два шиллинга, а если пассажир, то по своему усмотрению. Если корабль никогда не проходил этим путем, капитан должен дать небольшой рундук вина, и если он откажется, мореплаватели могут отрубить форштевень судна. Вся прибыль, полученная в результате этой церемонии, остается у помощника капитана, который, достигнув своего порта, обычно выкладывает ее в вино, которое пьют древние моряки. Некоторые говорят, что эту церемонию ввел император Карл V, хотя она не входит в число его законов. Но на этом я оставляю эти морские обычаи и возвращаюсь к нашему плаванию.

Миновав Рас, мы имели очень хорошую погоду, пока не подошли к мысу Финис Терра: здесь внезапная буря застала нас врасплох и отделила наш корабль от остальных, которые были в нашей компании. Этот шторм продолжался восемь дней, и за это время мы с состраданием наблюдали, как жалкие пассажиры метались туда-сюда со всех сторон корабля, так что мореплаватели, исполняя свой долг, были вынуждены наступать на них. Когда эта бурная погода закончилась, снова начались очень благоприятные штормы, пока мы не подошли к тропику Рака. Этот тропик представляет собой воображаемый круг, который астрономы придумали на небе, ограничивая продвижение солнца к северному полюсу. Он расположен на широте 23 градуса 30 минут. Здесь мы крестились во второй раз, как и раньше. Французы всегда совершают эту церемонию на тропике Рака, а также под тропиком Козерога. В этой части света стояла очень благоприятная погода, чему мы были несказанно рады, поскольку нам очень не хватало воды; ведь этот элемент у нас так скуден, что нам не хватало двух полпинты на человека в день.

Примерно на широте Барбадоса мы встретили английский фрегат или капер, который сначала начал нас преследовать, но, обнаружив, что не превосходит нас по силе, вскоре скрылся: тогда мы погнались за ним, выпустив по нему несколько восьмифунтовых пушек; но в конце концов он скрылся, и мы вернулись на свой курс. Вскоре после этого мы подошли к Мартинико. Мы направились к побережью острова Святого Петра, но нам помешал шторм, который отнес нас сюда. Поэтому мы решили направиться к Гаудалупе, но не смогли достичь этого острова по причине упомянутого шторма; тогда мы направили свой курс к острову Тортуга, который был той самой землей, к которой мы были привязаны. Мы прошли вдоль побережья Пунта-Рики, которое чрезвычайно приятно и восхитительно на вид, будучи украшено прекрасными лесами, вплоть до вершин гор. Затем мы открыли остров Испаньола (о котором я дам описание) и обогнули его, пока не пришли в Тортугу, наш желанный порт. Здесь мы бросили якорь 7 июля того же года, не потеряв за время плавания ни одного

человека. Мы высадили на берег товары, принадлежавшие Вест-Индской компании, и вскоре после этого корабль был отправлен в Каль-де-Сак с некоторыми пассажирами.

ГЛАВА II

Описание Тортуги - плоды и растения, произрастающие на ней - как французы впервые поселились на ней, причем несколько раз, и вытеснили испанцев - автор дважды торговал на этом острове.

Остров Тортуга расположен на северной стороне острова Испаньола, на широте 20 градусов 30 минут; его справедливая протяженность составляет триста десять лиг. Испанцы, давшие название этому острову, назвали его так из-за формы земли, чем-то напоминающей большую морскую черепаху, которую они называли Тортуга-де-мар. Страна очень гористая, изобилует скалами, но при этом густо поросла высокими деревьями, которые растут на самых твердых из этих скал, не прибегая к более мягкой почве. Поэтому их корни в большинстве своем видны голыми, запутавшимися среди камней, как ветви плюща на стенах. Та часть острова, что тянется к северу, совершенно необитаема: причина этого, во-первых, в том, что она неудобна и нездорова, а во-вторых, в изрезанности берега, который не дает возможности подойти к берегу, если только не среди почти недоступных скал: По этой причине он заселен только в южной части, где есть только один порт, безразлично хороший: однако эта гавань имеет два входа, или канала, которые позволяют пройти кораблям в семьдесят пушек; сам порт не представляет опасности и способен принять большое количество судов. Обитаемые части, из которых первая называется Лоу-Лендс, или Лоу-Кантри: она главная среди остальных, потому что в ней находится вышеупомянутый порт. Город называется Кайона, и здесь живут самые главные и богатые плантаторы острова. Вторая часть называется Средней плантацией: ее почва еще почти новая, и известно, что она годится только для табака. Третья называется Рингот и расположена в западной части острова. Четвертая и последняя называется Гора, в этом месте были сделаны первые плантации на этом острове.

Что касается древесины, которая здесь растет, то мы уже говорили, что деревья очень высокие и приятные на вид; в этом никто не сомневается, но их можно использовать в разных целях. Это желтый саундер, который жители называют *bois de chandel*, или, по-английски, *candle-wood*, потому что он горит как свеча и служит им для освещения во время ночной рыбалки. Растет здесь и лингнум санктум, или гваяк: его достоинства очень хорошо известны, особенно тем, кто не соблюдает седьмую заповедь и предается нечистоплотным совокуплениям, - медики используют его в нескольких составах как величайшее противоядие от венерических болезней, а также от холода и вязкой сырости. Деревья, также, которые дают камедь элеме, растут здесь в большом изобилии; как и *radix Chinæ*, или китайский корень: но он не так хорош, как в других частях западного мира. Он очень белый и мягкий, и служит приятной пищей для диких кабанов, когда они не могут найти ничего другого. На этом острове также нет недостатка ни в алоэ, ни в бесконечном количестве других лекарственных трав, которые могут порадовать любопытство тех, кто предается их созерцанию: кроме того, для строительства кораблей или любого другого вида архитектуры здесь можно найти несколько сортов древесины. Кроме того, фрукты, которые растут здесь в изобилии, ни по количеству, ни по качеству не уступают тем, что растут на других островах. Я назову лишь некоторые из самых обычных и распространенных: это магноит, картофель, абажурские яблоки, янны, баконы, пакаи, каросоли, мамыны, аннаны и множество других

сортов, которые я не буду перечислять. Здесь также растут в большом количестве деревья, называемые пальмито, или пальмиты, из которых получают некий сок, служащий жителям вместо вина, и листья которых покрывают их дома вместо черепицы.

На этом острове в изобилии водятся дикие кабаны. Губернатор запретил охотиться на них с собаками, опасаясь, что, поскольку остров невелик, весь их род за короткое время будет уничтожен. Причина, по которой он счел нужным сохранить этих диких зверей, заключается в том, что в случае какого-либо вторжения жители могли бы прокормить себя их пищей, особенно если бы им пришлось удалиться в леса и горы. Однако этот вид охоты почти сам по себе затруднен из-за множества скал и обрывов, которые в большинстве своем покрыты мелким кустарником, очень зеленым и густым; отсюда охотники часто падали и оставили нам печальное воспоминание о многих памятных катастрофах.

В определенное время года на Тортугу прилетают большие стаи диких голубей, и тогда жители питаются ими очень обильно, получая больше, чем могут съесть, и оставляя в покое все другие виды птиц, как диких, так и прирученных, чтобы в отсутствие голубей они могли заменить их. Но поскольку ничто во вселенной не может быть столь приятным, как то, что имеет в себе нечто горькое, то символом этой истины мы видим вышеупомянутых голубей: ведь к ним, когда сезон уже прошел, едва можно прикоснуться языком, настолько они становятся тощими и горькими до восхищения. Причину этой горечи приписывают некоему семени, которое они едят в это время, даже горькому, как желчь. На морских берегах, повсюду, можно встретить великое множество крабов, как сухопутных, так и морских, и оба вида очень большие. Ими хорошо кормить слуг и рабов, чьи вкусы они услаждают, но они очень вредны для зрения: кроме того, если их есть слишком часто, они вызывают сильное головокружение в голове и сильную слабость мозга, так что очень часто они лишают зрения на четверть часа.

Французы, поселившись на острове Святого Христофора, посадили там деревья, которых в настоящее время, возможно, больше; из их древесины они делали баркасы и шлюпки, которые затем отправляли на запад, хорошо укомплектованные и снабженные продовольствием, чтобы открыть другие острова. Отплыв от Святого Христофора, они подошли к Испаньоле, куда прибыли с радостью. Высадившись на берег, они отправились в страну, где нашли большое количество скота: коров, быков, лошадей и кабанов; но, не найдя большой выгоды в этих животных, если только они не смогут заключить их в тюрьму, а также зная, что остров довольно хорошо заселен испанцами, они решили, что будет удобно войти и захватить остров Тортуга. Это им удалось без особого труда: на острове находилось не более десяти или двенадцати испанцев, чтобы охранять его. Эти несколько человек позволили французам мирно войти и владеть островом в течение шести месяцев без всякого труда; тем временем они переплыли и переплыли на своих каноэ на Испаньолу, откуда перевезли множество людей и, наконец, начали заселять весь остров Тортуга. Немногочисленные испанцы, оставшиеся там, видя, что французы с каждым днем увеличивают свое число, начали, наконец, возмущаться их процветанием и обижаться на них за владение: поэтому они уведомили об этом других своих соседей, которые послали несколько лодок, хорошо вооруженных и укомплектованных, чтобы отбить у французов их владения. Эта экспедиция удалась их желаниям, так как новые владельцы, увидев большое количество испанцев, бежали со всем, что у них было, в леса, а оттуда ночью на каноэ переправились на остров Испаньола: это было тем легче сделать, что с ними не было ни женщин, ни детей, ни большого имущества, которое можно было бы унести. Здесь они также удалились в лес, как для поиска пищи, так и для того, чтобы оттуда, в тайне, передать сведения другим членам

своей фракции; они были уверены, что через некоторое время смогут помешать испанцам укрепиться на Тортуге.

Тем временем испанцы большого острова не переставали преследовать своих новых гостей, французов, намереваясь по возможности выкорчевать их из леса или заставить их погибнуть голода; но этот замысел вскоре провалился, поскольку французы оказались мастерами и хороших ружей, и пороха, и пуль. Поэтому беглецы ждали удобного случая, когда, как они знали, испанцы должны были прийти с Тортуги с оружием и большим числом людей, чтобы вместе с жителями Большого острова уничтожить их. Когда представился такой случай, они тем временем покинули леса, где находились, вернулись на Тортугу и разогнали небольшое число испанцев, оставшихся дома. Сделав это, они укрепились, как могли, чтобы предотвратить возвращение испанцев, если те попытаются это сделать. Кроме того, они немедленно послали к губернатору Сент-Кристо фера, прося его о помощи и содействии и требуя от него губернатора, чтобы лучше сплотиться между собой и укрепиться на все случаи жизни. Губернатор Сент-Кристофера принял их прошение с большим удовлетворением и, не откладывая, отправил к ним месье ле Пассера в качестве губернатора, вместе с кораблем, полным людей, и всем необходимым для их создания и защиты. Не успели они получить это пополнение, как губернатор приказал построить крепость на вершине высокой скалы, откуда он мог препятствовать входу в порт любых кораблей и других судов. В эту крепость можно было попасть не иначе, как почти пробравшись через очень узкий проход, способный принять только двух человек одновременно, да и то не без труда. В середине этой скалы была большая полость, которая теперь служит для склада: кроме того, здесь было очень удобно возводить батарею. Закончив строительство форта, губернатор приказал установить две пушки, что невозможно было сделать без больших трудов и затрат, а также построить внутри форта дом, после чего узкую дорогу, ведущую к форту, сломать и разрушить, не оставив иного пути, кроме как по лестнице. Внутри форта бьет обильный фонтан чистой пресной воды, достаточный, чтобы освежить гарнизон из тысячи человек. Овладев этими удобствами и безопасностью, которую они могли обещать, французы стали заселять остров, и каждый из них стал искать себе пропитание; одни охотились, другие сажали табак, третьи крейсировали и грабили у берегов испанских островов, и эта торговля продолжается у них до сих пор.

Тем не менее, испанцы не могли не наблюдать, но с завистью смотрели на ежедневное увеличение численности французов на Тортуге, опасаясь, что со временем они могут лишиться и Испаньолы. Поэтому, воспользовавшись случаем (когда многие французы были в море, а другие занимались охотой), они с восемьюстами человек на нескольких каноэ снова высадились на Тортуге, почти не замеченные французами; но обнаружив, что губернатор срубил много деревьев для лучшего обнаружения врага в случае нападения, а также что без больших пушек ничего путного сделать нельзя, они посоветовались, где лучше всего построить батарею. Вскоре было решено, что это место - вершина горы, которая находилась в поле зрения, и только оттуда они могли бы направить свои пушки на форт, который теперь лежал открытым для них с тех пор, как новые владельцы вырубili деревья. Поэтому они решили открыть путь для перевозки на вершину нескольких орудий. Гора эта несколько высока, а верхняя ее часть равнинна, откуда можно обозревать весь остров: стороны ее очень изрезаны, потому что ее окружает множество недоступных скал; так что подъем был очень труден и всегда был бы таким же, если бы испанцы не подверглись огромному труду и усердию, проложив путь, о котором я сейчас расскажу.

С испанцами было много рабов и индейцев, работяг, которых они называли матадесами, или, по-английски, полужелтыми людьми; им они приказали железными инструментами

прорыть путь в скалах. Это они делали с величайшей быстротой, какую только можно себе представить; и через этот путь, с помощью множества веревок и шкивов, они наконец-то смогли поднять два орудия, из которых на следующий день сделали батарею, чтобы обстреливать форт. Тем временем французы, зная об этих замыслах, приготовились к обороне (пока испанцы возились с батареей), рассылая повсюду извещения своим товарищам о помощи. Таким образом, охотники острова объединились, а вместе с ними и все пираты, которые еще не слишком далеко ушли от дома. Ночью они высадились на Тортуге, чтобы их не увидели испанцы; и под тем же покровом ночи все вместе, окольными путями, взобрались на гору, где расположились испанцы, что было тем легче сделать, что они были знакомы с этими скалами. Они поднялись в тот самый момент, когда испанцы, находившиеся наверху, готовились стрелять по форту, ничуть не подозревая об их приближении. Здесь они набросились на них со спины с такой яростью, что большая часть была вынуждена броситься сверху вниз и разбить свои тела на куски: немногие или никто не спасся, ибо если кто-то оставался в живых, его предавали мечу. Некоторые испанцы еще держались у подножия горы; но они, услышав крики и вопли убитых и полагая, что наверху происходит какой-то трагический переворот, немедленно бежали к морю, отчаявшись когда-либо вернуться на остров Тортуга.

Губернаторы этого острова вели себя как собственники и абсолютные лорды до 1664 года, когда Вест-Индская компания Франции вступила в его владение и послала туда своего губернатора, месье Ожерона. Они основали колонию для себя с помощью своих факторов и слуг, думая вести оттуда значительную торговлю с испанцами, как голландцы ведут торговлю с Кюрасао; но этот замысел не оправдался, ибо с другими народами они не могли вести никакой торговли, потому что с самого начала не могли установить надежную торговлю со своими собственными; так как при первом учреждении этой компании во Франции они договорились с пиратами, охотниками и плантаторами, первыми владельцами Тортуги, что те будут покупать все необходимое у этой компании на условиях доверия. И хотя это соглашение было приведено в исполнение, однако вскоре факторы компании обнаружили, что не могут взыскать с этих людей ни денег, ни доходов, и были вынуждены ввести на остров вооруженных людей от имени компании, чтобы получить часть их платежей. Но ни эти, ни другие усилия не помогли наладить вторую торговлю с жителями острова. Тогда компания отозвала своих факторов, дав им приказ продать все, что у них было на упомянутой плантации, как слуг, принадлежащих компании (которые были проданы, некоторые за двадцать, а другие за тридцать кусков по восемь), так и все другие товары и имущество. И таким образом все их замыслы рухнули.

По этому случаю был продан и я, будучи слугой в упомянутой компании, на службе которой я покинул Францию; но судьба моя была очень плоха, ибо я попал в руки самого жестокого и вероломного человека, какой когда-либо рождался, который был тогда губернатором, или, скорее, генерал-лейтенантом, того острова. Этот человек обращался со мной со всеми жестокостями, какие только можно себе представить, да еще и с голодом, от которого, как мне казалось, я должен был неизбежно погибнуть. Тем не менее он был готов позволить мне выкупить мою свободу и вольность, но только не за триста кусков по восемь, поскольку я не был хозяином ни одного куска в мире. Наконец, в результате многочисленных страданий, которые я перенес, а также душевных терзаний, я впал в опасную болезнь. Это несчастье, добавив к остальным, стало причиной моего счастья: ведь мой злой хозяин, видя мое состояние, начал бояться, как бы не потерять свои деньги вместе с моей жизнью. Тогда он продал меня во второй раз хирургу за семьдесят кусков из восьми. Находясь у этого второго хозяина, я вскоре начал поправлять свое здоровье благодаря хорошему обращению, которое я получил, он был гораздо более гуманным и вежливым, чем мой первый

покровитель. Он дал мне и одежду, и очень хорошую еду; и после того как я прослужил ему всего один год, он предложил мне свободу, только с тем условием, чтобы я заплатил ему сто кусков по восемь, когда буду в состоянии это сделать; это его любезное предложение я не мог не принять с бесконечной радостью и благодарностью.

Будучи теперь на свободе, хотя и подобно Адаму при его первом сотворении, то есть нагим и лишенным всего необходимого, не зная, как добыть себе пропитание, я решил вступить в орден морских пиратов или разбойников. В это общество меня приняли с общего согласия как высшие, так и вульгарные чины, где я пробыл до 1672 года. Помогая им во всех их замыслах и попытках и служа им во многих выдающихся подвигах (о которых в дальнейшем я предоставлю читателю правдивый отчет), я вернулся в свою родную страну. Но прежде чем начать свое повествование, я расскажу кое-что об острове Испаньола, который лежит к западу от Америки, а также дам читателю его краткое описание, согласно моим скромным способностям и опыту.

ГЛАВА III

Описание острова Испаньола, а также рассказ о французских буканьерах.

Большой и богатый остров, называемый Испаньолой, расположен от 17 до 19 градусов широты; его окружность составляет 300 лиг, протяженность с востока на запад - 120, а ширина - почти 50, причем в некоторых местах он то шире, то уже. Впервые этот остров был открыт Христофором Колумбом в 1492 году; он был послан для этой цели Фердинандом, королем Испании; с тех пор и по сей день испанцы постоянно владеют им. На этом острове есть очень хорошие и сильные города, поселки и деревушки, а также множество приятных загородных домов и плантаций - результат заботы и промышленности испанцев, его населяющих.

Главный город и метрополия острова - Санто-Доминго, посвященный святому Доминику, от которого он и получил свое название. Он расположен на юге, и из него открывается прекрасная перспектива; страна вокруг украшена бесчисленными богатыми плантациями, а также зеленеющими лугами и плодовитыми садами; все они производят множество и разнообразие отличных приятных фруктов, в соответствии с природой этих стран. Губернатор острова живет в этом городе, который является как бы хранилищем всех городов, поселков и деревень, которые отсюда экспортируют и обеспечивают себя всем необходимым для жизни человека; и все же он имеет ту особенность по сравнению со многими другими городами, что он не ведет никакой торговли ни с одной нацией, кроме своей собственной, испанцев. Большая часть жителей - богатые и состоятельные купцы или лавочники.

Другой город этого острова - Сан-Хаго, или Святой Иаков, освященный в честь этого апостола. Это открытое место, без стен и крепостей, расположенное на 19 градусе широты. Жители, как правило, охотники и плантаторы, поскольку прилегающая территория и почва очень подходят для этих занятий: город окружен большими и восхитительными полями, столь же приятными на вид, как и поля Санто-Доминго; они изобилуют дикими и прирученными зверями, дающими огромное количество шкур и кож, очень выгодных для владельцев.

В южной части острова находится еще один город, называемый Нуэстра-Сеннора-де-Альта-Грасия. На этой территории выращивают огромное количество какао, из которого жители делают богатейший шоколад. Здесь также растут имбирь и табак, а из зверей, на которых здесь охотятся, делают много талова.

Жители этого прекрасного острова Испаньола часто отправляются на своих каноэ к острову Савона, расположенному неподалеку, где находится их главный промысел, особенно тор тоисов. В определенные сезоны эти рыбы постоянно приплывают туда огромными толпами, чтобы отложить яйца, зарывая их в песок отмели, где под воздействием солнечного тепла, которое в этих местах очень сильное, они и вылупляются. На острове Савона нет почти ничего, что заслуживало бы внимания, так как он очень бесплоден из-за своей песчаной почвы. Правда, здесь произрастает небольшое количество лигнума святого, или гваякового дерева, о пользе которого мы рассказывали в другом месте.

К западу от Санто-Доминго находится еще одно большое селение, называемое Эль-Пуэбло-де-Асо, или город Асо: жители его ведут большое движение с жителями другого селения, расположенного в самой середине острова и называемого Сан-Хуан-де-Гоаве, или Святой Иоанн Гоавский. Она окружена великолепными садами, лесами и лугами. Его

территория простирается более чем на двадцать лиг в длину, и на ней пасется огромное количество диких быков и коров. В этой деревне почти не живут другие люди, кроме охотников и мясников, которые разделывают убитых зверей. По большей части это беспородные люди; некоторые из них рождаются от белых европейцев и негров и называются мулатами, другие - от индейцев и белых людей и называются местикос, а третьи происходят от негров и индейцев и называются алькатрасами. Из упомянутой деревни ежегодно вывозится огромное количество талова и шкур, и больше они ничем не занимаются: что касается земель в этом месте, то они не обрабатываются из-за чрезмерной сухости почвы. Вот самые главные места, которыми испанцы владеют на этом острове, от мыса Лобос в сторону Сент-Джон-де-Гоав, до мыса Самана у моря, с северной стороны, и от восточной части к морю, называемой Пунта-де-Эспада. Вся остальная часть острова находится во владении французов, которые также занимаются плантациями и охотой.

На этом острове есть очень хорошие порты для кораблей, от мыса Лобос до мыса Тибурон, на западной его стороне. На этом пространстве находится не менее четырех портов, превосходящих по доброте, величине и безопасности даже самые лучшие из английских. Кроме них, от мыса Тибурон до мыса Донны Марии есть два очень превосходных порта, а от этого мыса до мыса Святого Николая - не менее двенадцати других. В каждый из этих портов впадают две или три хорошие реки, в которых в большом количестве водится несколько сортов рыбы, очень приятной для вкуса. Страна здесь хорошо орошена большими и глубокими реками и ручьями, так что эту часть земли можно легко возделывать, не опасаясь засухи, из-за этих превосходных потоков. Морские побережья и берега также очень приятны, к ним в большом количестве прибегают черепахи, чтобы отложить яйца.

Раньше этот остров был очень хорошо заселен, на северной стороне было много городов и деревень; но они были разрушены голландцами и в конце концов большей частью покинуты испанцами.

Просторные поля этого острова обычно достигают пяти или шести лиг в длину, и красота их так радует глаз, что вместе с большим разнообразием их природных продуктов они пленяют чувства зрителя. Ибо здесь они не только разнообразием предметов воссоздают зрение, но и многими из них услаждают обоняние, а большинством способствуют наслаждению вкуса; также они льстят и возбуждают аппетит, особенно благодаря множеству растущих здесь апельсинов и лимонов, как сладких, так и кислых, а также тех, которые участвуют в обоих вкусах, но только приятно терпкие. Кроме того, здесь в изобилии растут несколько сортов фруктов, таких как цитроны, торонхи и лимы; по-английски их не зря называют крабовыми лимонами.

Помимо фруктов, которые производит этот остров, чье изобилие, как говорят, превосходит все острова Америки; он изобилует также всеми видами четвероногих, таких как лошади, быки, коровы, кабаны и другие, очень полезные для человечества, не только для еды, но и для возделывания земли и ведения торговли.

Здесь огромное количество диких собак: они ежегодно уничтожают множество скота; ведь не успеет корова отелиться или кобыла жеребиться, как эти дикие мастифы пожирают молодняк, если не находят сопротивления со стороны сторожей и домашних собак. Они бегают вверх и вниз по лесам и полям, обычно по пятьдесят, триста и более особей вместе; при этом они настолько свирепы, что часто нападают на целое стадо кабанов, не переставая беспокоить их до тех пор, пока они не завалили двух или трех. Однажды один французский буканьер показал мне странное действие такого рода: будучи вместе в поле на охоте, мы услышали сильный шум собак, окруживших дикого кабана: имея с собой ручных собак, мы

оставили их на попечение наших слуг, желая посмотреть на эту забаву. Поэтому мы с моим спутником забрались на два дерева, как для безопасности, так и для обзора. Кабан, оставшись один, стоял на дереве, защищаясь своими клыками от множества собак, окруживших его; он убивал зубами и ранил нескольких из них. Эта кровавая схватка продолжалась около часа; кабан тем временем много раз пытался убежать. Наконец один пес, прыгнув ему на спину, вцепился в горло. Остальные собаки, видя мужество своего товарища, тоже вцепились в кабана и вскоре убили его. После этого все они, кроме первой, улеглись на землю около добычи и мирно продолжали есть, пока первая и самая отважная из них не съела столько, сколько могла: когда эта собака ушла, все остальные набросились на нее, чтобы взять свою долю, пока ничего не осталось. Что мы должны заключить из этого примечательного поступка, совершенного дикими животными, кроме следующего: даже сами звери не лишены знаний и дают нам понять, как следует почитать тех, кто хорошо заслужил; даже если эти неразумные животные почитали и уважали того, кто подвергал свою жизнь величайшей опасности против общего врага?

Губернатор Тортуги, месье Ожерон, обнаружив, что дикие собаки убили столько кабанов, что охотники острова не могли найти ни одного; опасаясь, как бы это общее вещество острова не вышло из строя, послал из Франции за большим количеством яда, чтобы уничтожить диких мастифов: это было сделано в 1668 году, приказав убить лошадей, набить их ядом и разложить в определенных местах, куда обычно прибегали дикие собаки. Так продолжалось в течение шести месяцев, и было убито невероятное количество собак, но все это не смогло истребить и уничтожить эту породу, или даже уменьшить их численность; их количество оказалось почти таким же большим, как и раньше. Эти дикие собаки легко приручаются людьми, даже как обычные домашние собаки. Охотники этих мест, когда находят дикую суку с приплодом, обычно забирают щенков и приносят их домой; повзрослев, они охотятся гораздо лучше, чем другие собаки.

Но здесь любопытный читатель, возможно, поинтересуется, откуда здесь столько диких собак. Дело в том, что испанцы, овладев этими островами, обнаружили, что они населены индейцами, варварским народом, чувственным и грубым, ненавидящим всякий труд и склонным только к убийствам и войне против своих соседей; не из честолюбия, а только потому, что они не соглашались между собой в некоторых общих терминах языка; И, видя, что владычество испанцев накладывает большие ограничения на их ленивые и жестокие обычаи, они воспылали к ним непримиримой ненавистью; но особенно потому, что видели, как они завладели их королевствами и владениями. Тогда они оказали им всяческое сопротивление, противодействуя везде их замыслам, и испанцы, обнаружив, что жестоко ненавидят индейцев и нигде не защищены от их коварства, решили истребить и разорить их, поскольку не могли ни укротить их вежливостью, ни покорить мечом. Но индейцы, по своему обычаю сделавшие леса своим главным местом защиты, в настоящее время сделали их своим убежищем, когда бы они ни бежали от испанцев. Поэтому первые завоеватели Нового Света использовали собак, чтобы прочесывать и обыскивать самые труднодоступные чащи лесов и перелесков в поисках этих непримиримых и непобедимых врагов: Таким образом, они заставили их покинуть свое прежнее убежище и покориться мечу, видя, что никакое более мягкое обращение не поможет; после этого они убили некоторых из них и, разложив их тела по четвертям, поместили их на дорогах, чтобы другие могли уберечься от такого наказания; Но эта суровость имела дурные последствия, ибо вместо того, чтобы сражаться с ними и приучать их к вежливости, они прониклись таким ужасом к испанцам, что решили навсегда отвратиться и скрыться от их глаз; поэтому большая часть погибла в пещерах и подземельях лесов и гор, в которых я сам часто видел большое количество человеческих костей. Испанцы, обнаружив, что индейцы больше не появляются в лесах, выдали большое

количество собак, которые были у них в домах, и те, не найдя хозяев, которые могли бы их содержать, отправились в леса и поля, чтобы охотиться за едой, чтобы сохранить свою жизнь; таким образом, постепенно они стали непривычными к домам и одичали. Это самый правдивый рассказ, который я могу дать о множестве диких собак в этих краях.

Но кроме этих диких мастифов, по всему острову в большом количестве водятся дикие лошади: они низкого роста, короткотелые, с большими головами, длинными шеями и толстыми ногами, словом, в их облике нет ничего красивого. Они бегают вверх и вниз обычно отрядами по две или три сотни, один всегда идет впереди, чтобы возглавить толпу: когда они встречают любого человека, путешествующего по лесу или полю, они стоят на месте, позволяя ему приблизиться, пока он не сможет почти коснуться их, а затем внезапно пускаются в бегство, убегая так быстро, как только могут. Охотники ловят их только ради шкур, хотя иногда они сохраняют и их плоть, которую закаливают дымом, используя ее для провизии, когда выходят в море.

Дикие быки и коровы также водились бы здесь в огромном количестве, если бы постоянная охота не уменьшала их численность; однако те, кто занимается их убийством, и по сей день получают немалую прибыль. Дикие быки отличаются огромным размером тела, но при этом они не причиняют никому вреда, если их не разозлить. Их шкуры достигают в длину от одиннадцати до тринадцати футов.

Настало время поговорить о французах, которые населяют большую часть этого острова. Мы уже рассказали, как они появились в этих краях: теперь мы лишь опишем их образ жизни, обычаи и обычные занятия. Призваний или профессий у них, как правило, три: либо охотиться, либо заниматься земледелием, либо бороздить моря в качестве пиратов. Среди них существует постоянный обычай искать товарища или компаньона, которого можно назвать партнером в их судьбе, с которым они объединяют весь запас того, чем владеют, для общей выгоды. Это делается на основании статей, согласованных и взаимно подписанных. Одни делают своего оставшегося в живых товарища абсолютным наследником того, что остается после смерти первого: другие, если они женаты, оставляют свое имущество жене и детям; третьи - другим родственникам. Сделав это, каждый занимается своим призванием, которое всегда является одним из трех вышеупомянутых.

Охотники снова делятся на два вида: одни охотятся только на диких быков и коров, другие - только на кабанов. Первые называются буканьерами, и не так давно их было около шестисот на этом острове, но сейчас их считается около трехсот. Причиной тому послужило сильное сокращение поголовья дикого скота, которое было таково, что, далеко не преуспев, они теперь бедны в своем ремесле. Когда буканьеры уходят в лес, чтобы поохотиться на диких быков и коров, они обычно остаются там на двенадцать месяцев или два года, не возвращаясь домой. После окончания охоты и раздела добычи они обычно отплывают на Тортугу, чтобы запастись оружием, порохом и дробью, а также другими необходимыми вещами для новой экспедиции; остальную прибыль они тратят расточительно, предаваясь всевозможным порокам и разврату, особенно пьянству, которое они практикуют в основном с бренди: его они пьют так же обильно, как испанцы воду. Иногда они покупают вместе трубку для вина; ее они забивают в один конец и не перестают пить, пока она не кончится. Так они живут до тех пор, пока у них не остается денег. Эти буканьеры очень жестоки и тираничны по отношению к своим слугам, так что обычно они предпочитают быть рабами на галерах или пилить бразильское дерево в рашфаусах Голландии, чем служить таким варварским хозяевам.

Вторые охотятся только на диких кабанов, мясо которых они солят и продают плантаторам. У этих охотников те же порочные обычаи, и они так же пристрастны к разврату, как и первые; но их манера охоты отличается от европейской, ибо у этих буканьеров есть определенные места, предназначенные для охоты, где они живут три или четыре месяца, а иногда и целый год. Такие места называются *deza boulan*; и в них, имея лишь компанию из пяти или шести друзей, они все это время пребывают во взаимной дружбе. Первые буканьеры часто договариваются с плантаторами о поставке им мяса в течение всего года по определенной цене: плата за это часто производится двумя или тремя сотнями фунтов табака в листе; плантаторы же, как правило, предоставляют им слугу, которого они посылают в помощь. Для слуги они предоставляют достаточно необходимых вещей, особенно пороха и дроби для охоты.

У здешних плантаторов очень мало рабов, за неимением которых они сами и их слуги вынуждены выполнять всю тяжелую работу. Эти слуги обычно привязываются к своим хозяевам на три года; но их хозяева, не имея совести, часто торгуют их телами, как лошадьми на ярмарке, продавая их другим хозяевам, как продают негров. Да, чтобы продвинуть эту торговлю, некоторые люди специально отправляются во Францию (а также в Англию и другие страны), чтобы подобрать молодых людей или мальчиков, которых они увлекают и перевозят; и, доставив их на эти острова, они обрабатывают их, как лошадей, причем труд, налагаемый на них, гораздо тяжелее того, который они налагают на негров, своих рабов; их они стараются сохранить, поскольку они их вечные кабалы; но для своих белых слуг им все равно, живут они или умирают, поскольку они должны служить им не дольше трех лет. Эти несчастные похищенные люди часто страдают от болезни, которую в этих краях называют комой, то есть полной потерей чувств. Считается, что эта болезнь происходит от тяжелого образа жизни и смены климата; и часто среди них встречаются люди хорошего качества, нежного воспитания и мягкого телосложения, они легче подвергаются этой болезни и другим подобным заболеваниям, чем люди с более твердым телом и трудолюбивой жизнью. Помимо жесткого режима питания, одежды и отдыха, их часто так жестоко избивают, что они падают мертвыми под руками своих жестоких хозяев. Я часто видел это с великой скорбью. Из множества примеров я приведу лишь следующую историю, примечательную по своим обстоятельствам.

Некий плантатор в этих странах проявил такую жестокость по отношению к одному из своих слуг, что тот сбежал. Проплутав несколько дней в лесу, он, наконец, был схвачен и приведен к нечестивому фараону. Не успел он его схватить, как велел привязать к дереву; здесь он нанес ему столько ударов плетью по обнаженной спине, что по телу его потекла целая струя крови; затем, чтобы сделать раны еще больше, он помазал его лимонным соком, смешанным с солью и перцем. В таком жалком положении он оставил его привязанным к дереву на двадцать четыре часа, по истечении которых снова приступил к наказанию, бичуя его, как и прежде, так жестоко, что несчастный испустил дух с такими предсмертными словами: "Молю Всемогущего Бога, творца неба и земли, чтобы он позволил злобному духу заставить тебя испытать столько же мучений перед смертью, сколько ты заставил меня испытать перед своей". Странное явление, достойное удивления и восхищения! Не прошло и трех-четырех дней после этого ужасного факта, как Всемогущий Судья, услышавший вопли измученного несчастного, попустил, чтобы злодей вдруг овладел этим варварским и бесчеловечным убийством, так что те жестокие руки, которые наказывали до смерти его невинного слугу, стали мучителями его собственного тела: Ибо он бил себя и разрывал свою плоть, и жалким образом, пока не потерял сам облик человека; не переставая рыдать и плакать, без всякого отдыха ни днем, ни ночью. Так он продолжал безумствовать, пока не умер. Я мог

бы привести еще много подобных примеров, но они не относятся к нашему разговору, и я их опускаю.

Плантаторы Карибских островов еще хуже и еще более жестоки к своим слугам, чем первые. На острове Святого Христофора живет некто по имени Беттеса, хорошо известный голландским купцам, который убил более сотни своих слуг ударами и полосами. Англичане поступают так же со своими слугами; и самая мягкая жестокость, которую они проявляют по отношению к ним, заключается в том, что, когда они отслужили шесть лет (среди англичан они связаны на семь), они используют их так жестоко, что заставляют их просить своих хозяев продать их другим, хотя это означает начать другую кабалу на семь лет, или, по крайней мере, на три или четыре. И я знаю многих, кто пробыл таким образом пятнадцать или двадцать лет, прежде чем смог получить свободу". Другой закон, очень строгий в этой стране, гласит: если кто-либо должен другому более двадцати пяти шиллингов по-английски, если он не может их выплатить, то подлежит продаже на шесть или восемь месяцев. Чтобы не утруждать читателя отношениями такого рода, я опишу теперь знаменитые деяния и подвиги величайших пиратов моего времени, совершенные во время моего пребывания в тех краях: я расскажу о них без малейшей страсти или пристрастия и заверю читателя, что не буду передавать ему никаких рассказов, основанных на доверии или слухах, а только те, свидетелем которых я был сам.

ГЛАВА IV

История самых знаменитых пиратов у берегов Америки - знаменитый подвиг Пьера ле Гранда.

Я уже рассказывал в предыдущих главах, как я был вынужден посвятить свою жизнь приключениям среди пиратов Америки, которых я так называю, потому что они не уполномочены ни одним государем: Ибо короли Испании неоднократно отправляли своих послов к королям Англии и Франции, чтобы пожаловаться на приставания и неприятности, которые эти пираты часто причиняли у берегов Америки даже в мирное время, и всегда получали ответ, "что такие люди не совершали этих враждебных и пиратских актов в качестве подданных их величеств, и поэтому его католическое величество может действовать против них, как сочтет нужным". Король Франции добавил, "что у него нет ни крепости, ни замка на Испаньоле, и он не получает оттуда ни фартинга дани". А король Англии добавил, "что он никогда не давал никаких поручений жителям Ямайки вести военные действия против подданных его католического величества". Он не только дал этот голый ответ, но и из своего королевского желания доставить удовольствие испанскому двору отозвал губернатора Ямайки, поставив на его место другого; все это не могло помешать этим пиратам действовать так же, как и прежде. Но прежде чем поведать об их дерзких поступках, я расскажу кое-что об их возвышении и упражнениях, а также о самых главных из них и о том, как они вооружались перед выходом в море.

Первым пиратом, который был известен на Тортуге, был Пьер ле Гран, или Петр Великий. Он родился в Дьеппе в Нормандии. Прославился он тем, что захватил вице-адмирала испанского флота у мыса Тибурон, на западной стороне острова Испаньола; он сделал это всего с одной лодкой и двадцатью восемью людьми. До этого времени испанцы спокойно проходили и переходили через Багамский канал, так что Пьер ле Гран, выйдя в море у Кайкоса, захватил этот большой корабль со всей легкостью, какую только можно себе представить. Испанцев, которых они нашли на борту, они согнали на берег, а судно отправили во Францию. О том, как этот неустрашимый дух попытался захватить этот большой корабль, я расскажу вам из дневника автора, его собственными словами. "Корабль, в котором находился Пьер ле Гран со своими спутниками, долгое время находился в море, не найдя ни одного стоящего приза; провизия начала подводить, и они оказались в опасности умереть с голоду. Почти доведенные до отчаяния, они заметили большой корабль испанской флотилии, отделенный от остальных; это судно они решили захватить или погибнуть при попытке. Тогда они поплыли к нему, чтобы посмотреть на его силу. И хотя они считали, что корабль превосходит их, все же их жадность и крайность, в которую они были поставлены, заставили их решиться. Подойдя так близко, что уже не могли спастись, они дали клятву своему капитану, Пьеру ле Гранду, стоять за него до последнего. Правда, пираты полагали, что найдут корабль неподготовленным к бою и тем самым быстрее овладеют им. В вечерних сумерках они начали атаку; но прежде чем вступить в бой, они приказали хирургу лодки проделать в ее бортах отверстие, чтобы их собственное судно, тонущее под ними, было вынуждено атаковать более энергично и поспешно пытаться взять корабль на abordage. Так и было сделано, и, не имея никакого другого оружия, кроме пистолета в одной руке и шпаги в другой, они немедленно взобрались на борта корабля и вбежали в большую каюту, где обнаружили капитана с несколькими его товарищами, игравшими в карты. Здесь они приставили к его груди пистолет, приказав отдать корабль. Испанцы, удивленные

появлением пиратов на борту своего корабля, воскликнули: "Господи, благослови нас! Это дьяволы или кто они?". Тем временем некоторые из них завладели оружейной комнатой и захватили оружие, убив всех, кто оказывал сопротивление; после этого испанцы сдались. В тот же день капитану корабля кто-то из моряков сказал, что судно, которое находится в поле зрения, - это лодка пиратов; на что капитан ответил: "Что же, я должен бояться такого жалкого существа, как это? Нет, если бы она была таким же большим и сильным кораблем, как мой". Как только Пьер ле Гран взял этот богатый приз, он взял к себе на службу столько простых моряков, сколько ему было нужно, а остальных отправил на берег, после чего отплыл во Францию, где и продолжал жить, никогда больше не возвращаясь в Америку."

**"ПЬЕР ЛЕ ГРАН ПРИКАЗЫВАЕТ ИСПАНСКОМУ КАПИТАНУ СДАТЬ
КОРАБЛЬ" - [СТРАНИЦА 36](#)**

Не успели плантаторы и охотники Тортуги услышать о богатом призе, захваченном пиратами, как решили последовать их примеру. Тогда многие из них оставили свои занятия и попытались раздобыть небольшие лодки, на которых можно было бы заниматься пиратством; но, не имея возможности приобрести или построить их на Тортуге, они решили отправиться на своих каноэ и искать их в других местах. С ними они поплыли сначала к мысу де Альварес, где испанцы торговали из одного города в другой на небольших судах, на которых они перевозили шкуры, табак и другие товары в Гаванну, и куда часто приплывали испанцы из Европы.

Именно здесь эти пираты сначала захватили множество лодок, груженных вышеупомянутыми товарами; они везли их на Тортугу и продавали всю покупку кораблям, которые ждали их возвращения или случайно оказывались там. На вырученные от этих призов деньги они обеспечивали себя необходимым, чтобы предпринять другие плавания, одни из которых были совершены в Кампечию, а другие - в Новую Испанию; в обе эти страны испанцы тогда вели большую торговлю. У этих берегов они обнаружили большое количество торговых судов, а зачастую и кораблей с большим грузом. Два самых больших из этих судов и два больших корабля, которые испанцы нагроузили пластинами в порту Кампечи, чтобы отправиться в Караккас, они взяли менее чем за месяц и доставили на Тортугу; где жители

всего острова, ободренные их успехом, особенно видя, что за два года богатства страны так возросли, так быстро увеличили число пиратов, что через некоторое время на этом маленьком острове и в порту было более двадцати кораблей такого рода людей. Тогда испанцы, не в силах больше терпеть их грабежи, снарядили два больших военных корабля, как для защиты собственных берегов, так и для набегов на врагов.

ГЛАВА V

Как пираты вооружают свои суда и регулируют свои плавания.

Прежде чем пираты выходят в море, они извещают всех о дне, когда им предстоит отправиться в путь, и обязывают каждого взять с собой столько фунтов пороха и шаров, сколько сочтут нужным. Когда все поднимаются на борт, они думают, где раздобыть провизию, особенно мясо, поскольку они почти ничего другого не едят; из этого самый распространенный сорт - свинина; следующая пища - черепахи, которых они немного солят: иногда они грабят такие-то или такие-то свиные дворы, где испанцы часто держат тысячу голов свиней вместе. Они приходят в эти места ночью, и, осадив сторожа, заставляют его подняться и отдать им столько голов, сколько они пожелают, угрожая убить его, если он откажется или поднимет шум; и эти угрозы часто исполняются над несчастными свиноводами или любыми другими людьми, которые пытаются помешать их грабежу.

Набрав мяса, достаточного для плавания, они возвращаются на корабль: здесь дважды в день каждому дают столько, сколько он может съесть, без веса и меры; и управляющий судном не дает капитану больше мяса или чего-либо другого, чем самому плохому моряку. Хорошо накормив корабль, они решают, куда отправиться на поиски своей отчаянной судьбы, а также договариваются о некоторых статьях, которые излагают в письменном виде и которые каждый обязан соблюдать; и все они, или большая часть, прикладывают к этому руки. Здесь они четко определяют, какую сумму денег должен иметь каждый конкретный человек за это плавание, а фондом всех выплат является то, что получено всей экспедицией, ибо в остальном у этих людей тот же закон, что и у других пиратов. Нет добычи - нет платы. Сначала указывают, сколько капитан должен иметь за свой корабль; затем - жалованье плотнику или корабельному мастеру, который чинит, ремонтирует и оснащает судно: обычно это составляет сто или сто пятьдесят кусков восьми, в зависимости от соглашения. Затем, на провизию и пропитание, они берут из того же общего запаса около двухсот кусков восьми; также жалованье хирургу и его сундуку с медикаментами, которое обычно оценивается в двести или двести пятьдесят кусков восьми. Наконец, они договариваются о том, какую ставку должен иметь каждый, кто ранен или искалечен в теле, лишившись какой-либо конечности; так, за потерю правой руки - шестьсот кусков из восьми, или шесть рабов; за левую руку - пятьсот кусков из восьми, или пять рабов; за правую ногу - пятьсот частей из восьми, или пять рабов; за левую ногу - четыреста частей из восьми, или четыре раба; за глаз - сто частей из восьми, или один раб; за палец - столько же, сколько за глаз. Все эти суммы берутся из общего запаса того, что добыто их пиратством, а из оставшегося выплачивается очень точный и равный дивиденд. Они также учитывают качества и места: так, капитану, или начальнику, выделяется пять или шесть долей, как и простым морякам: помощнику капитана - только две, а другим офицерам - пропорционально их должности: после этого они берут равные части от высшего до низшего моряка, не опуская и мальчиков, которые берут половину доли; потому что, когда они берут судно лучше своего, в обязанности мальчиков входит уволить свое прежнее судно, а затем уйти на приз.

Они соблюдают между собой очень хорошие порядки; ибо в призах, которые они берут, каждому строго запрещено брать что-либо для себя: поэтому все, что они берут, делится поровну, как уже было сказано: да, они дают друг другу торжественную клятву не утаивать ни одной вещи, которую они найдут среди призов; и если кто-либо будет уличен в неверности

этой клятвы, его немедленно изгонят из общества. Они очень вежливы и милосердны друг к другу; так что если кому-то нужно то, что есть у другого, они с большой готовностью отдают это один другому. Как только эти пираты берут приз, они тут же спускают пленников на берег, задерживая лишь нескольких человек для собственной помощи и службы: их они также отпускают на свободу через два-три года. Они освежаются то на одном, то на другом острове, но особенно на тех, что находятся к югу от Кубы; здесь они катаются на своих vessels, в то время как одни охотятся, а другие плавают на каноэ за призами.

Жители Новой Испании и Кампечи перевозят свои лучшие товары на огромных кораблях: суда из Кампечи зимой отправляются на Караккас, острова Троицы и Маргариты, а летом возвращаются обратно. Пираты, знающие эти времена года (будучи очень прилежными в своих поисках), всегда курсируют между вышеупомянутыми местами; но если им не попадаетесь значительная добыча, они обычно предпринимают более опасные предприятия: один примечательный пример я приведу здесь.

Некий пират по имени Пьер Франсуа, или Питер Фрэнсис, долго ждал в море со своей лодкой и двадцатью шестью людьми кораблей, которые должны были вернуться из Маракайбо в Кампечи, и, не найдя никакой добычи, наконец решил направить свой курс к Ранчейрасу, близ реки де ла Плата, в 12 градусах с половиной северной широты. Здесь находится богатая жемчужная отмель, для промысла которой из Карфагена ежегодно отправляют двенадцать судов с военным кораблем для их защиты. На каждом судне есть по крайней мере два негра, которые очень ловко ныряют на глубину до шести саженей, где находят хорошие запасы жемчуга. На эту флотилию, называемую жемчужной, Пьер Франсуа решился отважиться, чтобы не возвращаться домой с пустыми руками; тогда они бросили якорь в устье реки де ла Хача, военный корабль находился на расстоянии едва ли пол-лиги от маленьких судов, а ветер был очень тихим. Заметив их в таком положении, он тут же спустил паруса и поплыл вдоль берега, выдавая себя за испанское судно, идущее из Маракайбо; но не успел он подойти к жемчужной отмели, как вдруг на него напал вице-адмирал с восемью пушками и шестидесятью людьми, приказав сдаться. Некоторое время испанцы стойко оборонялись, но в конце концов были вынуждены сдаться.

Взяв вице-адмирала, он решил попытаться захватить шлюп, с помощью которого надеялся овладеть остальным флотом: для этого он вскоре затопил свою собственную лодку, выставив испанские цвета, и встал на якорь при небольшом ветре, который тогда начинался, угрозами и обещаниями заставив большую часть испанцев помочь ему: но как только шлюп увидел, что один из его флота отплывает, он тоже сделал это, опасаясь, как бы мореплаватели не задумали убежать с богатствами, которые были у них на борту. На это пираты немедленно отказались от затеи, считая себя неспособными противостоять силе: тогда они попытались выйти из реки в открытое море, сделав как можно больше парусов; заметив это, корабельный человек пустился в погоню, но пираты поставили слишком много парусов, и внезапно поднявшийся порыв ветра повалил их грот-мачту на борт, что лишило их возможности спастись.

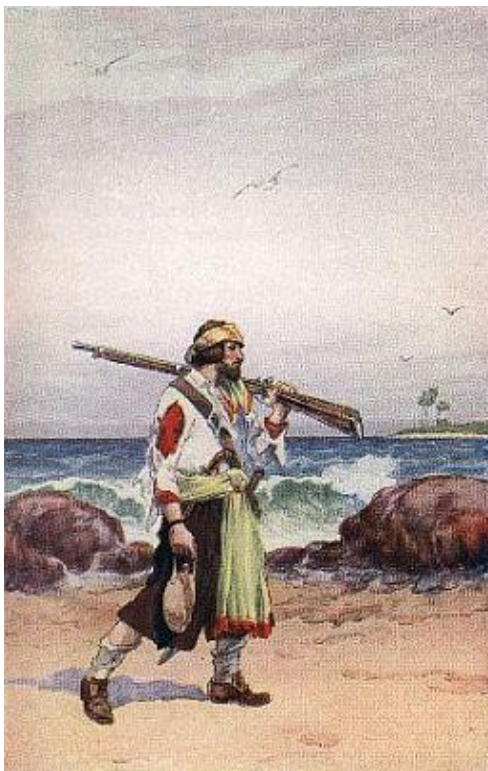
Это несчастье очень ободрило тех, кто находился на корабле, они настигали пиратов с каждым моментом и наконец догнали их, но, обнаружив, что у них осталось двадцать два здоровых человека, остальные были либо убиты, либо ранены, решили защищаться как можно дольше; Это они делали очень мужественно в течение некоторого времени, пока не были принуждены военным кораблем, при условии, что их не будут использовать в качестве рабов для переноски камней или для других работ в течение трех или четырех лет, как они служили своим неграм, но что они должны быть безопасно отправлены на берег на свободной земле. По этим статьям они уступили все, что взяли, а это только жемчуга стоило

более 100 000 кусков восьми, кроме судна, провизии, товаров и т. д. Все это сделало бы этот приз большим, чем он мог желать, и он, несомненно, унес бы его, если бы его грот-мачта не была потеряна, как мы уже говорили.

Другую смелую попытку, не менее примечательную, я также приведу. Некий португальский пират, прозванный впоследствии Бартоломью Португесом, плыл в лодке с тридцатью людьми и четырьмя маленькими пушками с Ямайки к мысу де Коррьенте на Кубе, где встретил большой корабль из Маракайбо и Картахены, направлявшийся в Гаванну, хорошо вооруженный двадцатью большими пушками и семьюдесятью людьми, пассажирами и моряками; этот корабль он вскоре атаковал, и все на борту столь же решительно защищались. Пират, избежав первого столкновения, решил атаковать судно более решительно, чем прежде, так как он еще не понес большого ущерба: это он сделал с такой решимостью, что, наконец, после долгого и опасного боя, он стал его хозяином. Португалец потерял только десять человек и четырех ранил, так что у него оставалось еще двадцать бойцов, тогда как у испанцев их было вдвое больше. Овладев кораблем, так как ветер был противным для возвращения на Ямайку, они решили направиться к мысу Святого Антония (который лежит к западу от Кубы), чтобы там отремонтироваться и набрать пресной воды, в которой они тогда очень нуждались.

Находясь совсем недалеко от упомянутого мыса, они неожиданно встретились с тремя большими кораблями, идущими из Новой Испании и направляющимися в Гаванну; не сумев скрыться, они были легко захвачены, как корабль, так и пираты, и все сделаны пленниками, лишенными всех богатств, которые они захватили незадолго до этого. Груз состоял из 120 000 орехов какао, главного ингредиента шоколада, и 70 000 кусков восьмерки. Через два дня после этого несчастья разразился сильный шторм, который отделил корабли друг от друга. Большое судно, на котором находились пираты, прибыло в Кампечи, где собралось много значительных купцов, которые приветствовали капитана; они сразу же узнали португальского пирата, печально известного по множеству дерзостей, грабежей и убийств, совершенных им на их берегах, которые они хранили в памяти.

На следующий день после их прибытия городские магистраты послали потребовать пленников с борта корабля, чтобы наказать их по заслугам; Но, опасаясь, что капитан пиратов сбежит (как он уже делал, будучи однажды их пленником), они сочли более безопасным оставить его пока под охраной на борту корабля, а сами соорудили виселицу, чтобы повесить его на следующий день, не прибегая ни к какому другому способу, кроме как вести его с корабля для наказания; слух об этом вскоре дошел до Бартоломео Португеса, и он стал искать все возможные средства, чтобы сбежать той же ночью: С этой целью он взял два глиняных кувшина, в которых испанцы перевозят вино из Испании в Вест-Индию, и хорошенько закупорил их, намереваясь использовать их для плавания, как неумелые в этом искусстве делают пробки или пустые пузыри; сделав эти необходимые приготовления, он ждал, когда все уснут; Но, не сумев укрыться от бдительности своего часового, он заколол его тайно купленным ножом, а затем бросился в море с упомянутыми глиняными кувшинами, с помощью которых, хотя он так и не научился плавать, он добрался до берега и сразу же ушел в лес, где скрывался три дня, не смея показаться, не питаясь ничем, кроме диких трав.

""ПОРТУГЕЗА" ЛУЧШЕ ВСЕХ СПРАВИЛАСЬ С ЗАДАЧЕЙ, ЧТОБЫ ДОБРАТЬСЯ ДО ДЕЛЬ ГОЛЬФО ТРИСТЕ" - [СТРАНИЦА 46](#)

На следующий день жители города стали усердно искать его в лесу, где, по их мнению, он и находился. Это строгое расследование португальцы увидели из дупла дерева, где он прятался; и по их возвращении он с величайшим трудом добрался до дель Гольфо Тристе, в сорока лигах от Кампечи, куда прибыл через две недели после своего бегства: в течение этого времени, как и после, он терпел сильный голод и жажду, не имея с собой ничего, кроме маленькой калабахи с небольшим количеством воды: кроме того, он боялся снова попасть в руки испанцев. Он не ел ничего, кроме нескольких раковин, которые нашел среди скал у берега моря; и когда ему пришлось пройти несколько рек, не умея хорошо плавать, он нашел, наконец, старую доску, которую волны выбросили на берег, где было несколько больших гвоздей; Он взял их и с немалым трудом обточил на камне, пока не сделал из них подобие ножей, хотя и не так хорошо; с помощью этих гвоздей и ничего другого он срубил несколько веток деревьев, которые соединил с ветками и осиной, и сделал, как мог, лодку, чтобы переправлять его через реки: Таким образом, прибыв к мысу Гольфо Тристе, как было сказано, он нашел судно пиратов, своих товарищей, недавно приплывших с Ямайки.

Им он рассказал обо всех своих бедах и несчастьях, а заодно попросил, чтобы они снабдили его лодкой и двадцатью людьми, с которыми он обещал вернуться в Кампечи и напасть на корабль, стоявший в реке, на котором он был захвачен четырнадцать дней назад. Его просьбу удовлетворили и снарядили соответствующую лодку. С этой небольшой компанией он отправился выполнять свой замысел, который отважно осуществил через восемь дней после того, как покинул Гольфо Тристе; прибыв в Кампечи, он с неустрашимым мужеством и без всякого шума напал на упомянутый корабль: те, кто находился на борту, думали, что это сухопутное судно, пришедшее привезти контрабандные товары, и поэтому не были в состоянии защищаться; воспользовавшись этой возможностью, пираты напали на них так решительно, что через некоторое время заставили испанцев сдаться.

Будучи хозяевами корабля, они немедленно бросили якорь и отплыли из порта, чтобы их не преследовали другие суда. Они сделали это с величайшей радостью, видя себя

обладателями столь отважного корабля; особенно Португалец, который благодаря второму повороту судьбы снова стал богатым и могущественным и который совсем недавно был на этом же корабле пленником, приговоренным к повешению. С этой покупкой он задумал еще большее, что и мог бы сделать, поскольку на судне оставалось такое большое количество богатых товаров, хотя пластины были отправлены в город: Но во время плавания на Ямайку, у острова Пинос, на юге Кубы, поднялся страшный шторм, который пригнал судно к скалам Жардинес, где оно и погибло; Португес же со своими спутниками спасся на каноэ, на котором прибыл на Ямайку, где недолго переживал новые приключения, но никогда не был удачлив в дальнейшем.

Не менее значительны и деяния другого пирата, живущего сейчас на Ямайке, который несколько раз совершал весьма удивительные поступки. Он родился в Гронингене в Соединенных провинциях. Его собственное имя не было известно, но его товарищи дали ему имя Роше Бразилиано, по причине его долгого проживания в Бразилии: поэтому он был вынужден бежать, когда португальцы отвоевали эти страны у голландцев, несколько народов, живших тогда в Бразилии (англичане, французы, голландцы и другие), были вынуждены искать новые удачи.

Этот человек бежал на Ямайку, где, будучи в затруднении, как добыть себе пропитание, вступил в общество пиратов, где некоторое время служил рядовым моряком и вел себя так хорошо, что был любим и уважаем всеми. Однажды некоторые из моряков до такой степени поссорились со своим капитаном, что покинули судно. Бразилиано последовал за ними, был выбран их предводителем, и, оборудовав небольшое судно, они назначили его капитаном.

Через несколько дней после этого он захватил большой корабль, шедший из Новой Испании, на борту которого было огромное количество пластин, и доставил его на Ямайку. Этот поступок снискал ему большую славу на родине; и хотя в личных делах он вел себя очень хорошо, в пьяном виде он часто выглядел грубым и глупым, бегал по улицам, избивал и ранил всех, кого встречал, и никто не смел оказать ему сопротивления.

По отношению к испанцам он всегда был очень варварским и жестоким, что объяснялось лютой ненавистью к этому народу. Нескольких из них он велел заживо зажарить на деревянных вертелах за то, что они не показали ему свинные дворы, где можно было бы украсть свиней. После многих из этих жестокостей, когда он плыл к берегам Кампечи, мрачная буря застала его врасплох, и его корабль потерпел крушение берегу, а моряки спаслись только со своими мушкетами и несколькими пулями и порохом, которые были единственным, что они смогли спасти. Корабль затерялся между Кампечи и Голфо-Тристе: здесь они выбрались на берег в каноэ и, двигаясь вдоль побережья со всей возможной скоростью, взяли курс на Голфо-Тристе, обычное убежище пиратов. В пути, измученные голодом и жаждой, как это обычно бывает в пустынных местах, они были преследуемы отрядом из ста испанцев. Бразилиано, понимая, что им грозит опасность, подбадривал своих спутников, говоря им, что они лучшие солдаты и должны скорее умереть под оружием, сражаясь, как подобает мужественным людям, чем сдаться испанцам, которые лишат их жизни с величайшими мучениями. Пиратов было всего тридцать человек, но, видя, что их храбрый командир так мужественно противостоит врагу, они решили сделать то же самое: тогда они столкнулись с отрядом испанцев и разрядили в них свои мушкеты так ловко, что убивали одного всадника почти с каждого выстрела. Бой продолжался целый час, пока, наконец, испанцы не обратились в бегство. Они раздели мертвых и забрали у них все, что могло им пригодиться; тех, кто был еще не совсем мертв, они прикончили концами своих мушкетов.

Победив врага, они сели на лошадей, которых нашли в поле, и продолжили свой путь; Бразилиано потерял в этой кровавой схватке только двух своих спутников, а двоих ранил. Продолжая свой путь, не доходя до порта, они заметили лодку на якоре из Кампечи, хорошо укомплектованную, охранявшую несколько каноэ, которые грузили дрова; тогда они послали шестерых своих людей следить за ними, которые на следующее утро с помощью хитрости завладели каноэ. Уведомив об этом своих спутников, они высадились на них, а также захватили маленький корабль, свой конвой. Став хозяевами этого флота, они нуждались только в провизии, которой на борту тех судов оказалось мало, но этот недостаток восполнили лошади, которых они убили и засолили солью, которую, по счастливой случайности, привезли с собой дровосеки, и этим они поддерживали себя, пока не смогли получить лучшее.

Они захватили также другой корабль, шедший из Новой Испании в Маракайбо, нагруженный разными товарами и кусками восьмерки, чтобы купить орехи какао для отправки домой: все это они перевезли на Ямайку, куда благополучно прибыли, и, согласно обычаю, за несколько дней растратили все в тавернах, предаваясь всевозможному разврату. Такие пираты тратят за ночь две-три тысячи кусков восьмерки, не оставляя себе утром ни одной хорошей рубашки. Мой хозяин иногда покупал трубу с вином и, выставив ее на улицу, заставлял прохожих пить вместе с ним, угрожая в случае отказа ударить их пистолетом. То же самое он делал с бочками пива или эля; очень часто он разбрасывал эти напитки по улицам и мочил одежду людей, не заботясь о том, портит ли он их наряды.

Между собой эти пираты очень либеральны: если кто-то лишился всего, что часто случается при их образе жизни, они безвозмездно отдают ему то, что у них есть. В тавернах и пивных они пользуются большим кредитом, но на Ямайке им не следует влезать в долги, поскольку тамошние жители легко продают друг друга за долги. Так случилось с моим покровителем: его продали за долг таверны, в которой он потратил большую часть своих денег. За три месяца до этого у этого человека было три тысячи восемь кусков наличными, которые он растратил за это короткое время и стал таким же бедным, как я вам рассказывал.

Но чтобы вернуться, Бразилиано, истратив все, был вынужден снова отправиться в море на поиски своей удачи. Он направился к побережью Кампечи - своему обычному месту встречи: через пятнадцать дней после прибытия он сел в каноэ, чтобы обследовать порт этого города и посмотреть, сможет ли он ограбить какое-нибудь испанское судно; но его удача была столь неудачной, что и он сам, и все его люди были схвачены и доставлены к губернатору, который немедленно бросил их в темницу, намереваясь повесить каждого; и, несомненно, он так и сделал, если бы не хитрость Бразилиано, которая спасла им жизнь. Он написал письмо губернатору от имени других пиратов, находившихся за морем, в котором сообщал, что ему следует быть осторожным в обращении с теми, кого он держит под стражей; ведь если он причинит им хоть малейший вред, они поклянутся, что никогда не дадут четвертовать ни одного испанца, который попадет к ним в руки.

Эти пираты часто бывали в Кампечи и других местах Вест-Индии, входящих в состав испанских владений, и губернатор опасался, какие беды могут натворить их товарищи за границей, если он их накажет. Тогда он отпустил их, потребовав лишь клятву, что они навсегда оставят пиратство, а затем отправил их в качестве простых мореплавателей на галеонах в Испанию. За это плавание они получили в общей сложности пятьсот кусков восьмерки, так что после прибытия они пробыли там недолго. Обеспечив себя всем необходимым, они вернулись на Ямайку, откуда снова вышли в море, совершая еще большие грабежи и жестокости, чем прежде; но особенно жестоко обращались с бедными испанцами, которые попадали к ним в руки, и применяли всевозможные виды жестокости.

Испанцы, обнаружив, что ничего не могут добиться от этих людей, ни уменьшить их число, ежедневно решали уменьшить количество своих торговых кораблей. Но и это не помогло; пираты, обнаружив, что в море мало кораблей, стали собираться в компании и на свои владения, разоряя города, поселки и деревни, грабя, сжигая и унося все, что могли.

Первым пиратом, который начал эти вторжения по суше, был Льюис Скот, который разграбил город Кампечи, который он почти разорил, ограбив и разрушив все, что мог; и после того, как он заплатил за него непомерный выкуп, он покинул его. После Скота пришел другой человек по имени Мансвелт, который вторгся в Гранаду и проник даже в Южное море, пока, наконец, из-за нехватки провизии не был вынужден вернуться назад. Он напал на остров Святой Екатерины, который захватил, взяв несколько пленных. Они направили его в Картахену, главный город в Нейва-Гранаде. Но не следует забывать и о смелых попытках и действиях Джона Дэвиса, родившегося на Ямайке, которые являются одними из самых выдающихся; особенно его редкое благоразумие и доблесть проявились в вышеупомянутом королевстве Гранада. Этот пират, долго крейсировавший в заливе Покатауро по ожидаемым в Картахене кораблям, направлявшимся в Никарагуа, и не встретив ни одного из них, решил, наконец, высадиться в Никарагуа, оставив свой корабль спрятанным на побережье.

Этот замысел он вскоре осуществил; взяв восемьдесят человек из девяноста, которые у него были, а остальных оставив на корабле, он разделил их поровну на три каноэ. Его целью было ограбить церкви и разграбить дома главных жителей Никарагуа. Так темной ночью они вошли в реку, ведущую к этому городу, гребя на своих каноэ; днем же они прятали себя и лодки под ветвями деревьев на берегах, которые очень густо растут по берегам рек в этих странах и на морском побережье. Прибыв в город на третью ночь, дозорный, стоявший на посту у реки, принял их за рыбаков, которые ловили рыбу в озере: а в том, что большинство пиратов понимают по-испански, он не сомневался, как только услышал их речь. В их компании был индеец, сбежавший от своего хозяина, который несправедливо обратил его в рабство. Он первым сошел на берег и тут же убил часового; сделав это, они вошли в город и направились прямо к трем-четырем домам главных горожан, где тихонько постучались. Те, поверив, что это друзья, открыли двери, и пираты, внезапно завладев домами, украли все деньги и тарелки, которые смогли найти. Не пощадили они и церкви, и самые святыне вещи; все они были разграблены и осквернены, без всякого уважения и почитания.

Между тем слышались крики и причитания тех, кто спасся от них, так что весь город пришел в смятение, и все горожане собрались для защиты; заметив это, пираты немедленно бежали, унося с собой добычу и несколько пленников: их они увели, чтобы в случае захвата испанцами использовать их для выкупа. Так они добрались до своего корабля и со всей скоростью вышли в море, заставив пленников, прежде чем отпустить их, набрать столько мяса, сколько было необходимо для плавания на Ямайку. Но не успели они бросить якорь, как увидели на берегу моря отряд из пятисот испанцев, хорошо вооруженных; против них они пустили в ход несколько пушек, из которых заставили их покинуть пески и удалиться, с немалым сожалением наблюдая, как эти пираты уносят столько тарелок из их церквей и домов, хотя и удаленных от моря по меньшей мере на сорок лиг.

Эти пираты получили по этому случаю более четырех тысяч кусков по восемь в деньгах, кроме того, много пластин и много драгоценностей; всего на сумму пятьдесят тысяч кусков по восемь или больше: со всем этим они вскоре прибыли на Ямайку. Но люди этого сорта никогда не были долго хозяевами своих денег, и вскоре они были вынуждены искать больше теми же средствами; и капитан Джон Дэвис, вскоре после своего возвращения, был избран адмиралом семи или восьми судов, поскольку теперь он считался способным проводником для таких предприятий. Он начал свое новое командование с того, что направил свой флот к

северу от Кубы, чтобы там дожидаться флота из Новой Испании; но, упустив его замысел, они направились во Флориду. Прибыв туда, они высадили своих людей и разграбили небольшой город Сент-Огастин во Флориде. Гарнизон замка состоял из двухсот человек, но они не смогли предотвратить разграбление города, причем сделали это без малейшего ущерба для солдат и горожан.

ГЛАВА VI

О происхождении Франциска Лолонуа и начале его грабежей.

Франциск Лолонуа был уроженцем той территории во Франции, которая называется Сабль д'Олон, или Пески Олона. В юности он был перевезен на Карибские острова в качестве слуги или раба, согласно обычаю, о чем мы уже говорили. Отжив свой век, он прибыл на Испаньолу; здесь он некоторое время работал вместе с охотниками, а затем начал грабить испанцев, о чем я сейчас расскажу, вплоть до его несчастной смерти.

Сначала он совершил два или три плавания в качестве простого моряка, где вел себя так мужественно, что снискал расположение губернатора Тортуги, месье де ла Плас, и тот дал ему корабль, на котором он мог искать свою удачу, что поначалу было очень благоприятно для него, ибо за короткое время он получил большое богатство. Но его жестокости по отношению к испанцам были таковы, что слава о них так хорошо прославила его в Индии, что испанцы в его время предпочитали скорее умереть или утонуть в бою, чем сдаться, зная, что не получают пощады от его рук. Но фортуна, редко бывает постоянной, через некоторое время отвернулась от него; во время сильного шторма он потерял свой корабль у берегов Кампечи. Все люди спаслись, но, выйдя на сушу, испанцы преследовали их и убили большую часть, ранив и Лолонуа. Не зная, как спастись, он спас свою жизнь хитростью: смешав песок с кровью из ран, которой вымазал лицо и другие части тела, и ловко спрятавшись среди мертвых, он пролежал там до тех пор, пока испанцы не покинули поле боя.

Когда они ушли, он удалился в лес и перевязал свои раны так хорошо, как только мог. Залечив их, он отправился в Кампечи, переодевшись в испанскую одежду; здесь он заманил нескольких рабов, которым обещал свободу, если они будут слушаться его и доверять его поведению. Они приняли его обещания и, украв каноэ, отправились с ним в море. Теперь испанцы, сделав нескольких его спутников пленниками, держали их в темнице, а Лолонуа ходил по городу и наблюдал за происходящим. Их часто спрашивали: "Что стало с вашим капитаном?". На что они неизменно отвечали: "Он мертв", что обрадовало испанцев, которые развели костры и, не зная ничего об обратном, возблагодарили Бога за избавление от столь жестокого пирата. Лолонуа, видя эти ликования по поводу своей смерти, поспешил бежать с вышеупомянутыми рабами и благополучно добрался до Тортуги, общего убежища всякой нечисти и, так сказать, семинарии пиратов и разбойников. Хотя теперь его состояние было невелико, но он хитростью и уловками добыл еще один корабль, а на нем двадцать одного человека. Хорошо снабженный оружием и предметами первой необходимости, он отправился на Кубу, на юге которой находится небольшая деревня, называемая Де-лос-Кайос. Жители ведут большую торговлю табаком, сахаром и шкурами, и все на лодках, не имея возможности использовать корабли по причине небольшой глубины моря.

Лолонуа был убежден, что получит здесь значительную добычу; но по счастливой случайности некоторые рыбаки, увидевшие его, и по милости Божьей избежали его: жители города немедленно послали судно по суше в Гаванну, жалуюсь, что Лолонуа пришел, чтобы уничтожить их на двух каноэ. Губернатор с трудом поверил в это, получив от Кампечи письма о том, что он мертв, но по их просьбе отправил к ним на помощь корабль с десятью пушками и девяносто человек, хорошо вооруженных; он дал им прямой наказ, "чтобы они не возвращались к нему, не уничтожив полностью этих пиратов". Для этого он дал им негра для палача и приказал, "чтобы они немедленно повесили всех пиратов, кроме Лолонуа, их капитана, которого они должны доставить живым на Гаванну". Этот корабль прибыл на Кайос, о приходе которого пираты были предупреждены заранее, и вместо того, чтобы улететь, отправился искать его в реке Эстера, где и встал на якорь. Пираты захватили

несколько рыбаков и заставили их ночью показать им вход в порт, надеясь вскоре получить более крупное судно, чем их два каноэ, и тем самым поправить свое положение. После двух часов ночи они приблизились к кораблю, и вахта на корабле спросила их, откуда они пришли и не видели ли они пиратов за границей? Они заставили одного из пленников ответить, что не видели ни пиратов, ни чего-либо другого. Этот ответ заставил их поверить, что они бежали, услышав об их приходе.

Но вскоре они убедились в обратном, так как с рассветом пираты напали на судно с двух сторон на двух своих каноэ с такой силой, что хотя испанцы вели себя как подобает и защищались, как могли, используя свои большие пушки, все же они были вынуждены сдаться, будучи избиты пиратами с мечом в руке, спустившись под люки. Отсюда Лолонуа приказал поднять их одного за другим и в таком порядке отрубить им головы: среди оставшихся подошел негр, предназначенный быть палачом пиратов; этот парень очень жалобно просил пощады, говоря Лолонуа, что он палач этого корабля, и если он пощадит его, то скажет ему честно все, что он пожелает. Лолонуа, заставив его признаться в том, что он считает нужным, приказал убить его вместе с остальными. Так он жестоко и варварски предал их всех смерти, оставив в живых только одного, которого отправил обратно к правителю Гаванны с таким посланием: "Впредь я никогда не дам передышки ни одному испанцу; и я очень надеюсь, что сам подвергну тебя тому же наказанию, что и тех, кого ты послал против меня. Так я оплатил за доброту, которую вы оказали мне и моим спутникам". Губернатор, сильно встревоженный этой печальной новостью, в присутствии многих поклялся, что никогда не отдаст четверть ни одному пирату, который попадет в его руки. Но жители Гаванны просили его не упорствовать в исполнении этой опрометчивой и строгой клятвы, видя, что пираты непременно воспользуются случаем, чтобы сделать то же самое, и у них в сто раз больше возможностей отомстить, чем у него; что, будучи вынужденными добывать средства к существованию рыбной ловлей, они должны впредь всегда подвергать свою жизнь опасности. Эти доводы убедили его умерить свой гнев и смягчить суровость клятвы.

У Лолонуа был хороший корабль, но на нем было мало провизии и людей; чтобы купить и то и другое, он решил плавать из одного порта в другой. Проплавав так некоторое время без успеха, он решил отправиться в порт Маракайбо. Здесь он застал судно, груженное тарелками и другими товарами, отправлявшееся в путь, чтобы купить орехи какао. С этим призом он вернулся на Тортугу, где был с радостью принят жителями; они поздравляли его с успехом и свои личные интересы. Он пробыл там недолго, но решил снарядить флот, достаточный для перевозки пятисот человек и предметов первой необходимости. Снабженный таким образом, он решил разграбить оба города, поселки и деревни и, наконец, взять сам Маракайбо. Для этого он знал, что остров Тортуга даст ему много решительных и отважных людей, пригодных для таких предприятий: кроме того, у него на службе было несколько пленников, хорошо знакомых с путями и местами, на которые он рассчитывал.

ГЛАВА VII

Лолонуа снаряжает флот, чтобы высадиться на испанских островах Америки с намерением ограбить, разграбить и сжечь все, что встретится на пути.

Для осуществления этого замысла Лолонуа, оповестив всех пиратов, как у себя дома, так и за границей, собрал за короткое время более четырехсот человек; кроме того, на Тортуге находился еще один пират, по имени Майкл де Баско, который своим пиратством приобрел богатство, достаточное, чтобы жить спокойно и больше не выходить за границу; кроме того, он занимал должность майора острова. Но, видя, как Лолонуа готовится к экспедиции, он присоединился к нему и предложил ему, что если он сделает его своим главным капитаном на суше (поскольку он хорошо знал страну и все ее пути), то разделит с ним его состояние и отправится вместе с ним. Они согласились на это, к великой радости Лолонуа, который знал, что Баско совершал великие дела в Европе и имел репутацию хорошего солдата. Таким образом, все они разместились на восьми судах, причем судно Лолонуа было самым большим и имело десять пушек с безразличными лафетами.

Когда все было готово, и вся компания была на борту, они отплыли вместе примерно в конце апреля, всего шестьсот шестьдесят человек. Они направились в ту часть острова, которая называется Байала, к северу от Испаньолы: здесь они взяли в свою компанию несколько французских охотников, которые добровольно предложили себя, и здесь они снабдили себя продуктами и предметами первой необходимости для своего плавания.

Отсюда они снова отплыли в последних числах июля и направились прямо к восточному мысу острова, называемому Пунта-д'Эспада. Здесь, заметив корабль из Пуэрто-Рико, направлявшийся в Новую Испанию и груженный орехами какао, Лолонуа приказал остальному флоту ждать его у Савоны, к востоку от мыса Пунта-д'Эспада, намереваясь один захватить указанное судно. Испанцы, хотя и находились в поле зрения целых два часа и знали, что это пираты, все же не стали бежать, а приготовились к бою, будучи хорошо вооружены и обеспечены. Бой продолжался три часа, после чего они сдались. На борту этого корабля было шестнадцать пушек и пятьдесят человек бойцов: они нашли на нем 120 000 г какао, 40 000 штук восьмерок и драгоценностей на 10 000 больше. Лолонуа отправил судно на Тортугу, чтобы его разгрузили, с приказом как можно скорее вернуться в Савону, где он будет их ждать: тем временем остальной флот, прибыв в Савону, встретил другое испанское судно, идущее из Комана, с военной провизией для Испаньолы и деньгами для оплаты тамошних гарнизонов. Это судно они также захватили, не оказав никакого сопротивления, хотя на нем было установлено восемь пушек. В нем было 7000 пороха, большое количество мушкетов и тому подобных вещей, а также 12000 штук восьмерок.

Эти успехи воодушевили пиратов: им казалось, что они начинают очень удачно, тем более что за короткое время их флот был довольно хорошо укомплектован: на первом же корабле, прибывшем на Тортугу, губернатор приказал немедленно снять с него груз и вскоре после этого отправить обратно в Лолонуа со свежей провизией и другими необходимыми вещами. Этот корабль он выбрал для себя, а тот, которым командовал, отдал своему товарищу, Антони дю Пюи. Набрав таким образом людей взамен тех, кого он потерял при взятии призов и из-за болезни, он оказался в хорошем состоянии, чтобы отплыть в Маракайбо, в провинции Нейва-

Венесуэла, на широте 12 градусов 10 минут северной широты. Этот остров имеет двадцать лиг в длину и двенадцать в ширину. К этому порту также относятся острова Онега и Монгес. Восточная сторона его называется мысом Святого Романа, а западная - мысом Какибакоа: залив некоторые называют Венесуэльским заливом, но пираты обычно называют его заливом Маракайбо.

У входа в этот залив находятся два острова, вытянутые с востока на запад; тот, что на востоке, называется Исла-де-лас-Вигилиас, или Сторожевой остров, потому что в середине его находится высокий холм, на котором стоит сторожевая башня. Другой остров называется Исла-де-ла-Паломас, или Остров голубей. Между этими двумя островами протекает небольшое море, или, скорее, озеро пресной воды, длиной в шестьдесят лиг и шириной в тридцать; которое, впадая в океан, расширяется вокруг упомянутых двух островов. Между ними - лучший проход для кораблей, канал не шире полета большой пушки весом около восьми фунтов. На Голубином острове стоит крепость, препятствующая входу судов; все они вынуждены подходить очень близко к крепости из-за двух песчаных отмелей на той стороне, где вода составляет всего четырнадцать футов. Много других песчаных отмелей есть в этом озере; например, та, что называется Эль-Таблазо, или Большой стол, не глубже десяти футов, в сорока лигах от озера; есть и другие, глубина которых не превышает шести, семи или восьми футов: все они очень опасны, особенно для мореплавателей, не знакомых с ними. К западу от него находится город Маракайбо, очень приятный на вид, его дома построены вдоль берега, и кругом открываются восхитительные виды: в городе может проживать три или четыре тысячи человек, включая рабов, что составляет город разумной величины. По оценкам, здесь проживает около восьмисот человек, способных носить оружие, все испанцы. Здесь есть одна приходская церковь, хорошо построенная и украшенная, четыре монастыря и один госпиталь. Городом управляет заместитель губернатора, которого замещает губернатор Каракаса. Торговля здесь ведется в основном шкурами и табаком. Жители имеют большое количество скота и множество плантаций, которые простираются на тридцать лиг по стране, особенно в сторону большого города Гибралтар, где собирается огромное количество какао-орехов и всех других садовых фруктов, которые служат для пропитания жителей Маракайбо, чьи территории намного суше, чем Гибралтар. Жители Маракайбо отправляют сюда большое количество плоти, получая взамен апельсины, лимоны и другие фрукты; ведь жителям Гибралтара нужна плоть, поскольку их поля не способны прокормить ни коров, ни овец.

Перед Маракайбо находится очень просторный и безопасный порт, где можно строить всевозможные суда, с большим удобством использовать древесину, которую можно перевозить за небольшую плату. Недалеко от города находится небольшой остров Боррика, где кормят большое количество коз, которых жители используют больше для шкур, чем для мяса или молока; они не обращают внимания на них, если только они не нежные и маленькие дети. На полях кормят овец, но очень маленьких. На некоторых островах озера и в других местах поблизости живет много диких индейцев, которых испанцы называют браво, или дикими: они никогда не могли быть покорены испанцами, будучи грубыми и неукротимыми. Живут они в основном на западной стороне озера, в маленьких хижинах, построенных на деревьях, растущих в воде; так они спасаются от бесчисленных moskitov или мошек, которые мучают их днем и ночью. К востоку от упомянутого озера расположены целые города рыбаков, которые также живут в хижинах, построенных на деревьях, как и первые. Другая причина такого обитания - частые наводнения; ведь после сильных дождей земля часто разливается на две-три лиги, а всего существует не менее двадцати пяти больших рек, питающих это озеро. Город Гибралтар также часто тонет в них, так что жители вынуждены удаляться на свои плантации.

Гибралтар, расположенный на берегу озера примерно в сорока лигах от него, получает провизию, как уже было сказано, из Маракайбо. В городе проживает около полутора тысяч человек, из которых четыреста могут носить оружие; большая часть из них держит лавки, где они занимаются тем или иным ремеслом. На прилегающих полях расположены многочисленные плантации сахара и какао, среди которых растет множество высоких и красивых деревьев, из древесины которых можно строить дома и корабли. Среди них много красивых и пропорциональных кедров, семь или восемь футов в длину, из которых можно строить лодки и корабли, чтобы нести только один большой парус; такие суда называются пирагуа. Вся страна хорошо снабжена реками и ручьями, очень полезными в засуху, когда их разрезают на множество маленьких каналов для полива полей и плантаций. Они также выращивают много табака, который очень ценится в Европе и за его полезные свойства называется там табаком священников (*tobacco de sacerdotes*). Их юрисдикция составляет около двадцати лиг, которые ограничены очень высокими горами, вечно покрытыми снегом. По другую сторону этих гор расположен большой город Мерида, которому подчиняется Гибралтар. Все товары доставляются в вышеупомянутый город на мулах, и то только в одно время года, по причине сильного холода на этих высоких горах. На упомянутых мулах возвращается мука, которую привозят из Перу по дороге в Эстаффу.

Итак, я счел нужным дать краткое описание озера Маракайбо, чтобы мой читатель лучше понял то, что я скажу о действиях пиратов в этом месте, а именно.

Лолонуа, прибыв в Венесуэльский залив, бросил якорь со всем своим флотом вне пределов видимости Вигилии или Сторожевого острова; на следующий день очень рано он отплыл со всеми своими кораблями к озеру Маракайбо, где они снова бросили якорь; затем они высадили своих людей, намереваясь напасть сначала на крепость, которая командовала баром, поэтому она называется де ла Барра. Эта крепость состоит только из нескольких больших земляных корзин, поставленных на возвышенности, в которых установлены шестнадцать больших пушек, а вокруг еще несколько земляных куч для прикрытия людей: пираты высадились в лиге от этой крепости и постепенно продвигались к ней; но губернатор, заметив их высадку, устроил засаду, чтобы отрезать их сзади, пока он будет атаковать их спереди. Пираты обнаружили это и, подобравшись, разгромили его настолько, что ни один человек не смог отступить в замок: это было сделано, Лолонуа со своими спутниками немедленно двинулся к форту, и после почти трехчасового боя, с обычным отчаянием этого рода людей, они стали его хозяевами, не имея никакого другого оружия, кроме мечей и пистолетов: Пока они сражались, те, кто был в засаде, не сумев попасть в замок, в большом смятении и беспорядке отступили в Маракайбо, крича: "Пираты скоро будут здесь с двумя тысячами человек и больше." Город, который уже был взят подобными людьми и разграблен до основания, еще имел представление об этом бедствии; поэтому при этих мрачных вестях они попытались бежать к Гибралтару на своих лодках и каноэ, захватив с собой все товары и деньги, какие только могли. Прибыв в Гибралтар, они рассказали, как была взята крепость, и ничего не удалось спасти, ни одному человеку не удалось спастись.

Взяв крепость, пираты тут же дали знак кораблям о своей победе, чтобы те шли дальше, не опасаясь опасности: остаток того дня был потрачен на разрушение и уничтожение упомянутой крепости. Они забили гвоздями пушки и сожгли все, что не смогли унести, похоронив мертвых и отправив на борт флота раненых. На следующий день, очень рано, они снялись с якоря и направились к Маракайбо, примерно в шести лигах от форта; но ветер в тот день стих, и они смогли продвинуться немного вперед, будучи вынуждены ожидать прилива. На следующее утро они подошли к городу и приготовились к высадке под защитой собственных пушек, опасаясь, что испанцы могли устроить засаду в лесу: они посадили

своих людей в каноэ, привезенные для этой цели, и высадились там, где посчитали наиболее удобным, продолжая яростно стрелять из своих больших пушек : Из тех, кто был в каноэ, только половина сошла на берег, другая половина осталась на борту; они стреляли с кораблей как можно быстрее в сторону лесистой части берега, но никого не могли обнаружить; тогда они вошли в город, жители которого, как я вам говорил, удалились в леса и Гибралтар со своими женами, детьми и семьями. Их дома они оставили хорошо снабженными продуктами: мукой, хлебом, свининой, бренди, винами и домашней птицей, и пираты стали веселиться, так как за четыре недели до этого у них не было возможности набить желудок таким изобилием.

Они тут же завладели лучшими домами в городе и расставили дозорных везде, где посчитали нужным; главной стражей им служила большая церковь. На следующий день они отправили сто шестьдесят человек на поиски жителей в окрестных лесах; те вернулись в ту же ночь, приведя с собой 20 тысяч кусков восьмерки, несколько мулов, груженных домашней утварью и товарами, и двадцать пленников - мужчин, женщин и детей. Некоторых из них посадили на дыбу, чтобы заставить признаться, где они спрятали остальные товары; но вымогать у них удалось очень мало. Лолонуа, который ценил, что не убил, хотя и хладнокровно, десять или двенадцать испанцев, выхватил свою секиру и разрубил одного на куски перед остальными, сказав: "Если ты не признаешься и не скажешь, где спрятал остатки своих товаров, я сделаю то же самое со всеми твоими товарищами ". Наконец, среди этих ужасных жестокостей и бесчеловечных угроз, один пообещал показать место, где спрятаны остальные испанцы; но те, кто бежал, узнав об этом, переменили место и закопали остатки своих богатств под землей, так что пираты не могли их найти, если только кто-нибудь из них сам не откроет их; кроме того, испанцы каждый день перелетали с места на место и часто меняли леса, завидуя даже друг другу, так что отец не мог доверять своему собственному сыну.

Пробыв пятнадцать дней в Маракайбо, пираты решили направиться в Гибралтар; но жители, получив сведения об этом и о том, что они намереваются после этого идти в Мериду, уведомили об этом тамошнего губернатора, который был доблестным солдатом и служил офицером во Фландрии. Он ответил, что "не желает, чтобы они беспокоились, так как надеется через некоторое время истребить пиратов". После этого он прибыл в Гибралтар с четырьмя сотнями хорошо вооруженных людей, приказав в то же время жителям вооружиться, так что в общей сложности у него было восемьсот боевых людей. С той же быстротой он воздвиг в сторону моря батарею с двадцатью орудиями, обложенную большими корзинами с землей: другую батарею он поставил в другом месте, с восемью орудиями. Загородив узкий проход в город, через который должны были пройти пираты, он открыл в то же время другой, через много грязи и ила в лес, совершенно неизвестный пиратам.

Не зная об этих приготовлениях, пираты, собрав всех своих пленников и добычу, направились в сторону Гибралтара. Приблизившись к нему, они увидели, что королевский штандарт вывешен и что жители города намерены защищать свои дома. Лолонуа, видя это, созвал военный совет, что им делать, и сказал своим офицерам и морякам: "Трудность предприятия очень велика, поскольку испанцы имели столько времени, чтобы привести себя в состояние обороны, и собрали хороший отряд людей с большим количеством боеприпасов; но несмотря на это, - сказал он, - будьте мужественны; мы должны либо защищаться как хорошие солдаты, либо потерять наши жизни со всеми богатствами, которые мы получили. Поступайте, как я, ваш капитан: в иные времена мы сражались с меньшим числом людей, чем сейчас, и все же одолели большее число, чем может быть в

этом городе: чем их будет больше, тем больше славы и богатства мы получим". Пираты предполагали, что все богатства жителей Маракайбо были перевезены в Гибралтар, или, по крайней мере, большая их часть. После этой речи все они пообещали следовать за ним и слушаться его. Лолонуа ответил: "Хорошо; но знайте, что первого, кто проявит хоть малейший страх или опасение, я прикончу собственными руками".

С таким решением они бросили якорь у берега, примерно в трех четвертях лиги от города: на следующий день перед восходом солнца они высадили на берег триста восемьдесят человек, хорошо обеспеченных, и вооружили каждого тесаком и одним или двумя пистолетами, а также порохом и пулями в количестве, достаточном для тридцати зарядов. Здесь все они пожали друг другу руки в знак признательности за храбрость и начали свой поход, а Лолонуа сказал: "Идите за мной, братья мои, и будьте мужественны". Они последовали за своим проводником, который, полагая, что ведет их хорошо, привел их к дороге, которую забаррикадировал губернатор. Не имея возможности пройти этим путем, они направились к другому, недавно сделанному в лесу среди трясины, куда испанцы могли стрелять по своему усмотрению; но пираты, полные мужества, срубали ветви деревьев и бросали их на дорогу, чтобы они не застревали в грязи. Тем временем гибралтарцы стреляли из своих огромных пушек так яростно, что из-за шума и дыма не было ни слышно, ни видно. Миновав лес, они вышли на твердую землю, где встретили батарею из шести орудий, из которых испанцы немедленно выстрелили по ним, все они были заряжены мелкими пулями и кусками железа; и испанцы, выйдя вперед, набросились на них с такой яростью, что пираты отступили, лишь немногие из них пытались продвинуться к форту, многие из них были уже убиты и ранены. Это заставило их вернуться и поискать другой путь, но испанцы, срубив множество деревьев, мешающих проходу, не смогли найти ни одного, и были вынуждены вернуться к оставленному ими месту. Здесь испанцы продолжали стрелять, как и прежде, и не выходили из своих батарей, чтобы атаковать их. Лолонуа и его спутники, не имея возможности поднять корзины с землей, были вынуждены прибегнуть к старой хитрости, с помощью которой они, наконец, обманули и одолели испанцев.

Лолонуа внезапно отступил со всеми своими людьми, делая вид, что бежит; тогда испанцы с криками "Они бегут, они бегут, давайте преследовать их" с большим беспорядком бросились в погоню. Оказавшись на некотором расстоянии от батарей, что было единственной целью пиратов, они неожиданно повернули на них с мечом в руках и убили более двухсот человек; таким образом, пробившись через оставшихся, они овладели батареями. Испанцы, оставшиеся за границей, потеряв себя, бежали в леса: те, кто находился в батарее из восьми орудий, сдались, получив четверть за свою жизнь. Став хозяевами города, пираты сорвали испанские флаги и установили свои, взяв в плен всех, кого смогли найти. Их отнесли в большую церковь, где они возвели батарею из нескольких больших пушек, опасаясь, что бежавшие испанцы соберутся и снова нападут на них; но на следующий день, когда все было укреплено, их страхи прошли. Они собрали мертвых, чтобы похоронить их, а это более пятисот испанцев, кроме раненых при взятии города, и тех, кто умер от ран в лесу. У пиратов было также более ста пятидесяти пленных и около пятисот рабов, много женщин и детей.

Из их собственных товарищей было убито только сорок человек и почти восемьдесят ранено, причем большая часть умерла от плохого воздуха, который принес лихорадки и другие болезни. Они положили убитых испанцев в две большие лодки и, отнеся их на четверть лиги в море, затопили лодки; после этого они собрали все тарелки, домашние вещи и товары, которые могли или сочли нужным унести. Испанцы, у которых что-то оставалось, тщательно прятали это, но недовольные пираты, не удовлетворившись полученными

богатствами, искали еще больше товаров и товаров, не щадя тех, кто жил в поле, - охотников и плантаторов. Не прошло и восемнадцати дней, как большая часть пленников умерла от голода. Ибо в городе было мало провизии, особенно мяса, хотя и было немного, но не было достаточного количества муки, и это пираты забрали себе, как забрали также свиней, коров, овец и домашнюю птицу, не предоставив никакой доли бедным пленникам; для них они предоставили лишь небольшое количество мяса мулов и ослов; и многие, кто не мог есть эту отвратительную пищу, умерли от голода, их желудки не были привычны к такому пропитанию. Многие из пленников также умерли под пытками, которым их подвергали, чтобы заставить их открыть свои деньги или драгоценности; и из них одни не имели их и не знали о них, а другие, отрицая то, что знали, терпели такую ужасную смерть.

Наконец, продержавшись в городе целых четыре недели, они отправили четырех пленников к испанцам, которые скрылись в лесу, требуя от них выкуп за то, что они не сожгут город. Требуемая сумма составляла 10 000 кусков восьмерки, которые в случае отказа они угрожали сжечь в пепел. На то, чтобы принести эти деньги, они отвели им всего два дня; но испанцы, не имея возможности собрать в срок такую сумму, пираты обстреляли многие части города; тогда жители умоляли их помочь погасить огонь, и выкуп будет выплачен без труда. Пираты смиростивились и помогли, насколько могли, остановить огонь; но, несмотря на все их старания, одна часть города была разрушена, особенно сгорела церковь, принадлежащая монастырю. Получив указанную сумму, они вывезли на борт все добытые ими богатства, а также большое количество рабов, не заплативших выкуп; ведь на всех пленных были наложены денежные суммы, а рабов также было велено выкупить. Поэтому они вернулись в Маракайбо, где, прибыв, обнаружили всеобщее смятение во всем городе, куда послали трех или четырех пленников сказать губернатору и жителям, что "они должны привезти им 30 000 кусков из восьми на борт своих кораблей, чтобы выкупить их дома, иначе они будут разграблены заново и сожжены".

Во время этих дебатов на берег сошла партия пиратов, которые унесли с собой на борт флота образы, картины и колокола великой церкви. Испанцы, посланные потребовать указанную сумму, вернулись с приказом заключить соглашение; они заключили с пиратами договор о том, что дадут за их выкуп и свободу 20 000 кусков восьмерки и пятьсот коров, при условии, что они не будут совершать никаких дальнейших военных действий, но уйдут оттуда немедленно после уплаты денег и скота. Получив то и другое, вся флотилия отплыла, доставив великую радость жителям Маракайбо, что они избавились от них; но через три дня после этого они с восторгом возобновили свои опасения, увидев, что пираты снова появились и снова вошли в порт со всеми своими кораблями; однако эти опасения исчезли, когда они услышали о поручении одного из пиратов, который сошел на берег Лолонуа, "чтобы потребовать искусного лоцмана, который провел бы один из самых больших кораблей через опасную отмель, лежащую у самого входа в озеро". Прошение, а точнее, приказ, был немедленно удовлетворен.

Они провели в этих городах целых два месяца, в течение которых совершали те жестокие и дерзкие поступки, о которых мы рассказывали. Отплыв оттуда, они взяли курс на Испаньолу и прибыли туда через восемь дней, бросив якорь в порту под названием Исла-дела-Вакка, или Коровий остров. Этот остров населен французскими буканьерами, которые в основном продают мясо, на которое охотятся, пиратам и другим людям, которые время от времени заходят туда, чтобы подкрепиться или поторговать. Здесь они выгрузили все свои богатства - обычное место хранения пиратов обычно находится под укрытием буканьеров. Здесь они разделили все свои призы и добычу, согласно порядку и степени каждого, как уже говорилось. Произведя точный подсчет всего награбленного, они нашли в готовых деньгах

260 000 кусков по восемь: разделив их, каждый получил за свою долю деньгами, а также шелком, льном и другими товарами на сумму свыше 100 кусков по восемь. Те, кто был ранен, получили свою первую часть, по упомянутой ранее норме, за потерю конечностей; затем они взвесили все пластины без чеканки, считая десять кусков по восемь за фунт; драгоценности оценивались безразлично, либо слишком высоко, либо слишком низко, по причине их незнания; после этого каждый снова был приведен к присяге, что он не украл ничего из общего запаса. Затем приступили к выплате дивидендов по акциям тех, кто погиб в бою или иным образом: эти акции были отданы их друзьям, чтобы они хранили их в целости и в надлежащее время передали их ближайшим родственникам или законным наследникам.

Покончив со всеми дивидендами, они отплыли на Тортугу: сюда они прибыли через месяц, к великой радости большей части острова; ибо, как и у обычных пиратов, через три недели у них почти не осталось денег, потратили их все на малоценные вещи или проиграли в игре. Незадолго до них сюда прибыли два французских корабля с вином, бренди и другими подобными товарами, так что эти напитки к моменту прибытия пиратов были безразлично дешевы. Но это продолжалось недолго, так как вскоре после этого они чрезвычайно подорожали: галлон бренди продавался за четыре куса по восемь. Губернатор острова выкупил у пиратов весь груз корабля, груженного какао, отдав за этот богатый товар едва ли двадцатую часть его стоимости. Таким образом, они успели потерять и потратить добытые богатства за гораздо меньшее время, чем их приобрели: таверны и пивные, по обычаю пиратов, получили большую часть, так что вскоре после этого они были вынуждены искать еще больше теми же незаконными способами, какими добыли прежние.

ГЛАВА VIII

Лолонуа делает новые приготовления, чтобы захватить город Сент-Джеймс де Леон, а также Никарагуа; там он несчастно погибает.

В последнее плавание Лолонуа приобрел на Тортуге большую известность, так как привез домой столь значительную прибыль; и теперь ему не нужно было заботиться о том, чтобы собрать людей для службы под его началом: добровольно приходило больше, чем он мог нанять; все настолько доверяли его поведению, что считали вполне безопасным подвергать себя в его компании самым большим опасностям. Поэтому он решил совершить второе плавание к берегам Никарагуа, чтобы разграбить там столько городов, сколько сможет.

Опубликовав свои новые приготовления, он собрал всех своих людей, которых в то время было около семисот. Из них триста человек он посадил на корабль, который взял в Маракайбо, а остальных - на пять других судов меньшей вместимости, так что всего их было шесть кораблей. Первым портом, куда они зашли, была Байяха на Испаньоле, чтобы подкрепить флот и взять провизию; сделав это, они взяли курс на порт под названием Матамана, на южной стороне Кубы, намереваясь взять здесь все каноэ, какие только смогут; эти берега часто посещают ловцы черепах, которые везут их на Гаванну. К великому огорчению этих несчастных, они взяли столько каноэ, сколько посчитали нужным; ведь им оченьгодились эти маленькие донышки, потому что порт, на который они рассчитывали, не имел достаточной глубины для кораблей любой грузоподъемности. Поэтому они взяли курс на мыс Грасиас а Диос на континенте, в 15 градусах северной широты, в ста лигах от острова де лос Пинос. Находясь в море, они пережили печальный и утомительный штиль, и только волнением волн были выброшены в Гондурасский залив: здесь они тщетно пытались вернуть утраченное, так как воды и ветры были встречными; кроме того, корабль, на который был посажен Лолонуа, не мог следовать за остальными; и что еще хуже, им не хватало провизии. Тогда они были вынуждены зайти в первый попавшийся порт, чтобы восстановить силы: так они вошли на своих каноэ в реку Ксагуа, населенную индейцами, которых они полностью уничтожили, найдя большое количество проса и множество свиней и кур; не удовлетворившись этим, они решили оставаться там, пока не закончится непогода, и грабить все города и деревни на побережье залива. Так они переходили из одного места в другое, ища все новые и новые запасы провизии, которой у них не хватало. Обыскав и разграбив множество деревень, где не нашли ничего особенного, они пришли наконец в Пуэрто-Кавальо: здесь у испанцев есть два склада для хранения товаров, которые привозят из внутренних районов страны, до прибытия кораблей. В порту стоял испанский корабль с двадцатью четырьмя пушками и шестнадцатью педеррос, или мортирами: этот корабль был немедленно захвачен пиратами, и, приблизившись к берегу, они высадились и сожгли два склада со всеми остальными домами. Многих жителей они также взяли в плен и подвергли их самым бесчеловечным жестокостям, которые когда-либо изобретали язычники; они подвергали их самым жестоким пыткам, какие только могли придумать. У Лолонуа был обычай: подвергнув пытке тех, кто не признавался, он тут же разрубал их на части своей вешалкой и вырывал им языки, желая сделать это, если возможно, с каждым испанцем в мире. Часто случалось, что некоторые из этих несчастных узников, принуждаемые дыбой, обещали открыть места, где прячутся беглые испанцы, и, не будучи в состоянии выполнить это, они подвергались более жестокой смерти, чем те, кто был мертв до этого.

Когда все пленники были мертвы, кроме двух (которых они оставили, чтобы те показали им то, что они хотели), они отправились в город Сан-Педро, или Святой Петр, в десяти или двенадцати лигах от Пуэрто-Кавальо, в количестве трехсот человек, которых вел Лолонуа, оставив позади себя Мозеса Вана Вина, своего лейтенанта, чтобы тот управлял остальными в его отсутствие. Пройдя три лиги по дороге, они встретили отряд испанцев, которые сидели в засаде, ожидая их прихода: они набросились на них со всей отвагой, какую только можно себе представить, и в конце концов потерпели полное поражение. Правда, поначалу они вели себя очень мужественно, но, не выдержав ярости пиратов, были вынуждены уступить и спастись бегством, оставив на месте множество пиратов мертвыми, некоторых ранеными, а кое-кого из своих искалеченными. Этих Лолонуа предал смерти без пощады, задав им вопросы, которые счел нужными.

Оставалось еще несколько пленных, не раненых; их Лолонуа спросил, не лежат ли еще испанцы дальше в засаде? Они ответили, что да. Тогда их привели к нему, одного за другим, и он спросил, нет ли другого пути в город, кроме этого. Это он сделал, чтобы по возможности избежать засад. Но все они неизменно отвечали ему, что не знают ни одного. Расспросив их всех и обнаружив, что они не могут указать ему другого пути, Лолонуа пришел в ярость; тогда он выхватил свою секиру и рассек ею грудь одного из этих несчастных испанцев, а вытащив сердце, стал кусать и грызть его зубами, как хищный волк, говоря остальным: "Я буду служить вам всем одинаково, если вы не укажете мне другого пути".

Тогда эти несчастные пообещали указать ему другой путь, но при этом сказали, что он очень трудный и кропотливый. Таким образом, чтобы удовлетворить этого жестокого тирана, они начали вести его и его армию; но, обнаружив, что это не соответствует его цели, как они ему говорили, он был вынужден вернуться к прежнему пути, клянясь с великим ожесточением и негодованием: "Mort Dieu, les Espagnols me le payeront". Клянусь смертью Божьей, испанцы заплатят мне за это".

На следующий день он попал в другую засаду, которую атаковал с такой страшной яростью, что менее чем за час разгромил испанцев и перебил большую их часть. Испанцы решили, что такими засадами лучше уничтожить пиратов, нападая на них постепенно, и для этого расположились в нескольких местах. Наконец, он встретил третью засаду, где была размещена партия, более сильная и более выгодная, чем первая: но, несмотря на это, пираты, постоянно бросая маленькие огненные шары в большом количестве, в течение некоторого времени заставили эту партию, как и первую, бежать, и это с такой большой потерей людей, что, прежде чем они смогли достичь города, большая часть испанцев была либо убита, либо ранена. В город вела только одна дорога, очень хорошо забаррикадированная и хорошо защищенная; остальная часть города вокруг была засажена кустарником под названием ракельтес, усеянным шипами с очень острыми концами. Такое укрепление казалось более прочным, чем треугольники, используемые в Европе, когда армия должна пройти мимо врага; пиратам было почти невозможно преодолеть эти кустарники. Испанцы, разместившиеся за этими укреплениями, увидев пиратов, начали обстреливать их из своих больших пушек; но те, видя, что они готовы стрелять, пригибались и, когда раздавался выстрел, обрушивали на обороняющихся огненные шары и обнаженные мечи, убивая многих из жителей города: Тем не менее, не имея возможности продвигаться дальше, они отступили на время: затем они возобновили атаку с меньшим числом людей, чем прежде, и, заметив, что нельзя стрелять, пока они не будут совсем близко, они дали испанцам заряд так ловко, что с каждым выстрелом они убивали врага.

Атака с обеих сторон продолжалась до ночи, и испанцы были вынуждены вывесить белый флаг и потребовали переговоров: единственным условием, которого они требовали, было то,

"чтобы пираты дали жителям четверть часа". Этого времени они требовали, намереваясь унести и спрятать как можно больше своих товаров и богатств и бежать в какой-нибудь другой соседний город. Получив согласие, они вошли в город и пробыли там два часа, не проявляя ни малейшей враждебности к жителям; но не успело это время пройти, как Лолонуа приказал преследовать жителей и ограбить все, что они унесли с собой; и не только их товары, но и их людей сделать пленниками; хотя большая часть их товаров и имущества была так спрятана, что пираты не могли их найти, кроме нескольких кожаных мешков, наполненных анилом, или индиго.

Пробыв здесь несколько дней и, по своему обыкновению, совершив самые ужасные злодеяния, они наконец покинули это место, унеся с собой все, что могли, и превратив город в пепел. Прибыв на берег моря, где они оставили свой отряд, они обнаружили, что те крейсировали на здешних рыбаках или тех, кто пришел туда из реки Гватемалы: на этой реке также ожидался корабль из Испании. Наконец, они решили отправиться к островам на другой стороне залива, чтобы там очистить и почистить свои суда; но они оставили два каноэ перед берегом, или, скорее, устьем реки Гватемалы, чтобы взять корабль, который, как я уже сказал, ожидался из Испании.

Но главным их намерением было найти провизию, поскольку черепахи в этих местах - отличная пища. Прибыв на место, они разделились, каждая партия выбрала подходящий пост для этого промысла. Они взялись вязать сети из коры некоторых деревьев, называемых макоа, из которых они также делают канаты и тросы; так что ни одно судно не может нуждаться в таких вещах, если только они смогут найти упомянутые деревья. Есть также много мест, где они находят смолу в таком большом количестве, что, стекая по морским берегам, она, будучи расплавленной солнцем, сгущается в воде в большие кучи, как маленькие острова. Эта смола не похожа на европейскую, а напоминает по цвету и форме ту морскую пену, что называется битумом; но, по моему мнению, это вещество - не что иное, как воск, смешанный с песком, который бурная погода и волны великих рек выбрасывают в море; ибо в тех краях в большом количестве живут пчелы, которые делают свой мед на деревьях, к телам которых прикреплены соты, когда поднимаются бури, их срывает, и ярость ветров уносит в море, как уже сказано. Некоторые натуралисты утверждают, что мед и воск разделяются соленой водой, откуда берется хороший янтарь. Это мнение кажется тем более вероятным, что янтарь по вкусу похож на воск.

Но вернемся к моему рассуждению. Пираты поспешили снарядить свои суда на тех островах, услышав, что пришел испанский корабль, которого они ждали. Некоторое время они провели в плавании у берегов Юкатана, где живет много индейцев, которые ищут в тех морях упомянутый янтарь. И здесь я, между прочим, сделаю несколько коротких замечаний об образе жизни индейцев и их религии.

Они уже более ста лет находятся под властью испанцев, которым они оказывали всевозможные услуги; ибо когда кому-нибудь из них требовался раб или слуга, они посылали за ними, чтобы те служили им столько, сколько им заблагорассудится. Испанцы посвятили их в принципы христианской веры и религии и каждое воскресенье и праздник посылали к ним священника для совершения богослужения; затем, по неизвестным причинам, но, несомненно, из-за искушений отца идолопоклонства, дьявола, они внезапно отреклись от христианской религии, оскорбив посланного к ним священника; это заставило испанцев наказать их, бросив многих вождей в тюрьму. У каждого из этих варваров был и остается свой бог, которому он служит и поклоняется. Вызывает восхищение, как они обращаются с только что родившимся ребенком: как только он появляется на свет, они несут его в храм; здесь они делают яму, которую заполняют только пеплом, на которую кладут обнаженного ребенка и

оставляют его там на целую ночь одного, не без большой опасности, никто не смеет подойти к нему; между тем храм открыт со всех сторон, чтобы все виды зверей могли свободно входить и выходить. На следующий день отец и родственники младенца возвращаются и смотрят, нет ли на пепелище следов или шагов какого-нибудь животного: не найдя таковых, они оставляют ребенка там, пока какой-нибудь зверь не подойдет к младенцу и не оставит за ним следы своих лап: этому животному, каким бы оно ни было, они посвящают только что родившееся существо, как своему богу, которому он обязан поклоняться всю жизнь, считая упомянутого зверя своим покровителем и защитником. Они приносят своим богам огненные жертвы, в которых сжигают некий камедь, называемый ими копалом, дым которого очень вкусно пахнет. Когда младенец подрастает, родители рассказывают ему, кому он должен поклоняться, служить и почитать как своего собственного бога. Тогда он отправляется в храм, где приносит жертвы указанному зверю. После этого, если в течение жизни его кто-нибудь обидит или с ним случится какое-нибудь зло, он жалуется этому зверю и приносит ему жертву в отместку. Поэтому часто случается, что тех, кто нанес ему обиду, на которую он жалуется, кусают, убивают или причиняют другой вред такие животные.

Подобным суеверным и идолопоклонническим образом живут те несчастные и невежественные индейцы, которые населяют острова Гондурасского залива, а также многие из них на континенте Юкатан, на территории которого находятся самые прекрасные порты, где эти индейцы чаще всего строят свои дома. Эти люди не очень верны друг другу и используют странные церемонии при заключении браков. Всякий раз, когда кто-либо претендует на брак с молодой девушкой, он сначала обращается к ее отцу или ближайшему родственнику: тот хорошенько расспрашивает его о том, как обрабатывать их плантации, и о других вещах по своему усмотрению. Удовлетворив вопросы тестя, он дает юноше лук и стрелы, с которыми тот отправляется к юной девице и дарит ей гирлянду из зеленых листьев и душистых цветов; она должна надеть ее на голову, отложив ту, что носила раньше, так как по обычаю девственницы всегда ходят увенчанные цветами. Получив эту гирлянду и возложив ее на голову, все родственники и друзья идут посоветоваться с другими, будет ли этот брак счастливым или нет; затем они собираются в доме отца девицы, где пьют напиток из маиса, или индийской пшеницы; и здесь, перед всей компанией, отец выдает свою дочь замуж за жениха. На следующий день невеста приходит к своей матери и в ее присутствии срывает с себя гирлянду и разрывает ее на куски с великим плачем и причитаниями. Много другое я мог бы рассказать об образе жизни и обычаях этих индейцев, но я продолжу свой рассказ.

Итак, наши пираты захватили много каноэ индейцев на острове Самбале, в пяти лигах от берегов Юкатана. Здесь огромное количество янтаря, но особенно много его бывает, когда поднимается буря с востока; тогда волны приносят много всякой всячины, и очень разной. Через это море не могут пройти никакие суда, разве что очень маленькие, так как оно слишком мелкое. В землях, омываемых этим морем, находят много кампешевого дерева и других вещей, которые служат для крашения, весьма почитаемого в Европе, и было бы еще больше, если бы мы обладали мастерством индейцев, которые делают краску или настойку, которая никогда не выцветает".

"Они взошли на корабль с большой ловкостью" -
[СТРАНИЦА 92](#)

Пираты, пробыв в этом заливе три месяца и получив сообщение о прибытии испанского корабля, поспешили в порт, где стоял на якоре корабль, разгружая свои товары, намереваясь как можно скорее напасть на него; но сначала они сочли удобным отослать несколько своих лодок на поиски небольшого судна *ves sel*, которое, как ожидалось, было очень богато нагружено пластинами, индиго и кохинеалом. Тем временем команда корабля, заметив, что пираты задумали напасть на них, приготовила все необходимое для хорошей обороны, имея сорок две пушки, хорошо снабженную оружием и другими необходимыми вещами, и сто тридцать боевых людей. Лолонуа все это показалось мало, так как он напал на корабль с большой отвагой, хотя на его собственном корабле было всего двадцать две пушки, а в помощь ему была только маленькая саети или летающая лодка; но испанцы защищались так хорошо, что заставили пиратов отступить; но дым от пороха оставался густым, как темный туман или мгла, и они с четырьмя каноэ, хорошо укомплектованными, с большой ловкостью взяли корабль на абордаж и заставили испанцев сдаться.

Взяв корабль, они не нашли в нем того, на что рассчитывали, поскольку он был уже почти без груза. Все, что им досталось, - это пятьдесят слитков железа, небольшой сверток бумаги, несколько глиняных кувшинов с вином и другие малозначительные вещи.

Тогда Лолонуа созвал военный совет и сообщил, что намерен идти в Гватемалу: после этого они разделились на несколько частей, одним это предложение понравилось, а другим не понравилось, особенно тем, кто был еще сыроват в этих занятиях, и кто при отплытии с Тортуги воображал, что восемь кусков собираются так же легко, как груши с дерева; но обнаружив, что большинство вещей противоречит их ожиданиям, они покинули флот и вернулись; другие утверждали, что скорее будут голодать, чем вернуться домой без большого количества денег.

Но большая часть, судившая о задуманном путешествии мало для своей цели, отделилась от Лолонуа и остальных: из них главарем был один Мозес Ванклин, капитан корабля,

захваченного в Пуэрто-Кавальо: этот парень направился на Тортугу, чтобы курсировать в этих морях туда и обратно. С ним присоединился еще один его товарищ, по имени Пьер ле Пикар, который, увидев, что остальные покинули Лолонуа, решил поступить так же. Разделив таким образом компанию, беглецы направлись на родину, плывя вдоль континента, пока не пришли в Коста-Рику; здесь они высадились сильным отрядом у реки Верагуас и в полном порядке двинулись к одноименному городу: его они взяли и полностью разграбили, хотя испанцы оказали сильное сопротивление. Они увели в плен нескольких жителей со всем, что у них было, что не имело большого значения из-за бедности этого места, которое не занимается никаким другим ремеслом, кроме работы в шахтах, где некоторые из жителей постоянно работают, но никто не ищет золота, а только рабов. Их заставляют копать и мыть землю в соседних реках, где часто находят куски золота величиной с горошину. Набрав в этом приключении всего семь или восемь фунтов золота, пираты вернулись, задумав отправиться в город Ната, расположенный на побережье Южного моря, жители которого - богатые купцы, а их рабы работают на рудниках города Верагуас; их удержали толпы испанцев, собравшихся со всех сторон, чтобы напасть на них, о чем они своевременно получили совет.

Лолонуа, покинутый своими спутниками, остался один в Гондурасском заливе. Корабль его был слишком велик, чтобы выходить из него при разливе этих морей, и там он терпел большой недостаток в провизии, так что они были вынуждены каждый день выходить на берег в поисках пропитания, и, не находя ничего другого, были вынуждены убивать и есть обезьян и других животных, каких только могли найти.

Наконец на высоте мыса Грасиас а Диос, возле небольшого островка Де лас Пертас, его корабль налетел на песчаную отмель, где застрял так прочно, что никакое искусство не смогло его вытащить, хотя все пушки, железо и другие тяжелые вещи они отвязали, сколько смогли. После этого они были вынуждены разбить корабль на части и из досок и гвоздей соорудить себе лодку, чтобы уплыть; и пока они этим занимались, я опишу упомянутые острова и их обитателей.

Острова Де-лас-Пертас населены индейцами-дикарями, не знавшими и не общавшимися с гражданскими людьми: они высоки ростом и очень проворны, бегают почти так же быстро, как лошади; в нырянии они также очень ловки и выносливы. Со дна моря я видел, как они поднимали якорь весом в шестьсот килограммов, с большой ловкостью привязывали к нему трос и вытаскивали его из скалы. Их оружие сделано из дерева, без какого-либо железного острия, но некоторые вместо него используют зуб крокодила. У них нет ни луков, ни стрел, как у других индейцев, но их общее оружие - нечто вроде копья длиной в полторы сажени. Здесь много плантаций, окруженных лесами, откуда они в изобилии собирают фрукты, такие как картофель, бананы, раковин, ананас и многие другие. У них нет домов, как в других местах Индийского полуострова. Некоторые говорят, что они едят человеческую плоть, что подтверждается тем, что случилось, когда Лолонуа был там. Двое его спутников, француз и испанец, ушли в лес, где, проплывав некоторое время, их преследовал отряд индейцев. Они защищались, как могли, своими мечами, но в конце концов были вынуждены бежать. Проворный француз спасся, но испанец был не так проворен, его схватили и больше о нем ничего не слышали. Через несколько дней после этого двенадцать пиратов, хорошо вооруженных, отправились на поиски своего товарища, среди которых был и француз, который проводил их и показал место, где он его оставил; здесь они обнаружили, что индейцы разожгли костер, а на небольшом расстоянии нашли кости человека, хорошо прожаренные, и несколько кусков плоти, плохо содранных с костей, и одну руку, на которой оставалось только два пальца, из чего они заключили, что зажарили бедного испанца.

Они отправились дальше, ища индейцев, и нашли их великое множество, которые пытались бежать, но они догнали некоторых из них и подняли на борт своих кораблей пятерых мужчин и четырех женщин; с ними они много усилий, чтобы заставить себя понять и завоевать их расположение, даря им мелочи, такие как ножи, бусы и тому подобное; они также давали им еду и питье, но они ничего не хотели пробовать. Было также заметно, что, пока они были в плену, они не говорили друг с другом ни слова; тогда, видя, что эти бедные индейцы сильно напуганы, они снова вручили им кое-какие мелочи и отпустили их. Расставаясь, они дали знак, что придут снова, но вскоре забыли своих благодетелей, и больше о них не было слышно; впоследствии не было никаких сведений ни об этих индейцах, ни о других на всем острове, что заставило пиратов подозревать, что и те, кого взяли, и все остальные жители острова уплыли ночью на какие-то маленькие соседние острова, тем более что они никогда больше не могли увидеть ни одного индейца, ни одной лодки или другого судна. Тем временем пиратам очень хотелось достроить свою баркасную лодку из дерева, которое попадалось на песке; но, учитывая, что работа предстоит долгая, они начали возделывать некоторые участки земли; здесь они посеяли французские бобы, которые созрели через шесть недель, и много других фруктов. У них был хороший запас испанской пшеницы, бананов, раковин и прочего; из пшеницы они делали хлеб и пекли его в переносных печах, взятых с собой. Таким образом, они не боялись голода в этих пустынных местах и занимались этим в течение пяти или шести месяцев; по прошествии которых, когда баркас был закончен, они решили отправиться к реке Никарагуа, чтобы посмотреть, смогут ли они взять несколько каноэ и вернуться на указанные острова за своими товарищами, которые остались позади, поскольку баркас не мог вместить столько людей вместе; тогда, чтобы избежать споров, они бросили жребий, определяя, кто должен идти или оставаться.

**"Лолонуа с теми, кто остался, с большим трудом
ВЫБРАЛИСЬ НА БОРТ СВОИХ ЛОДОК" - [СТРАНИЦА 97](#).**

Жребий пал на одну половину людей погибшего судна, которые сели в баркас и на ялик, который был у них раньше, а другая половина осталась на берегу. Отплыв, Лолонуа через несколько дней прибыл к реке Никарагуа: здесь его постигло то несчастье, которое издавна было уготовано ему в наказание за множество ужасных преступлений, совершенных в его

развратной и нечестивой жизни. Здесь он встретился как с испанцами, так и с индейцами, которые совместно напали на него и его спутников, и большая часть пиратов была убита на месте. Лолонуа с теми, кто остался в живых, с большим трудом удалось спастись лодках: несмотря на эту большую потерю, он решил не возвращаться к тем, кого он оставил на острове Пертас, не взяв с собой несколько лодок, таких, как он искал. С этой целью он решил отправиться к берегам Карфагены; но Всемогущий Бог, когда наступило время Его Божественной справедливости, назначил индейцев Дарьена орудиями и исполнителями этого. Эти индейцы Дарьена считаются браво, или дикими индейцами-дикарями, у соседних испанцев, которые так и не смогли их цивилизовать. Сюда пришел Лолонуа (его привела злая совесть, которая взывала к наказанию), думая совершить свои жестокости; но индейцы через несколько дней после его прибытия взяли его в плен и живьем разорвали на куски, бросив его тело по частям в огонь, а пепел - в воздух, чтобы не осталось ни следа, ни памяти о таком позорном, бесчеловечном существе. Один из его спутников дал мне точный отчет об этой трагедии, утверждая, что сам он с величайшим трудом избежал такого же наказания; он также верил, что многие его товарищи, захваченные в той схватке индейцами, были, как и их жестокий капитан, разорваны на части и сожжены заживо. Так закончилась история, жизнь и жалкая смерть этого адского негодяя Лолонуа, который, совершив множество ужасных, достойных порицания и чудовищных поступков, и будучи должником стольких невинных кровей, погиб от жестоких и мясницких рук, какими были его собственные в течение всей его жизни.

Те, кто остался на острове Де-лас-Пертас, ожидая возвращения тех, кто ушел, к своему большому несчастью, не имея никаких известий ни о своем капитане, ни о его товарищах, наконец сели на корабль некоего пирата, который случайно проходил тем путем. Этот парень прибыл с Ямайки, намереваясь высадиться в Грасиас а Диос, а оттуда на своих каноэ войти в реку и захватить город Картахену. Эти две команды пиратов, соединившись, были бесконечно рады присутствию и обществу друг друга. Те - потому что избавились от страданий, нищеты и нужды, в которых они жили целых десять месяцев. А те - потому что теперь они значительно окрепли, чтобы с большим удовлетворением осуществлять свои замыслы. Поэтому, как только они прибыли в Грасиас а Диос, они все погрузились в каноэ и вошли в реку, в количестве пятисот человек, оставив на каждом судне только пять или шесть человек, чтобы удерживать их. Они не взяли с собой никакой провизии, будучи уверены, что везде найдут ее в достаточном количестве; но надежды их оказались совершенно напрасными, поскольку они не были основаны на Всемогущем Боге; ибо Он распорядился так, что индейцы, узнав об их приходе, все бежали, не оставив в своих домах или плантациях, которые по большей части примыкают к рекам, никакой необходимой провизии или еды: Таким образом, через несколько дней после того, как они покинули свои корабли, они были доведены до крайней нужды и голода; но надежды на скорую удачу, воодушевлявшие их до поры до времени, позволили им довольствоваться несколькими зелеными травами, которые они могли собрать на берегу реки.

Однако все это мужество и бодрость длились не более двух недель, когда их сердца, равно как и тела, начали отказывать от голода; тогда они были вынуждены покинуть реку и отправиться в лес, ища деревни, где они могли бы найти облегчение, но все было тщетно; Ибо, побродив по лесу несколько дней, не найдя ни малейшего утешения, они были вынуждены вернуться к реке, где, придя, сочли удобным спуститься к берегу моря, где оставили свои корабли, не сумев найти того, что искали. В этом трудоемком путешествии они были доведены до такой крайности, что многие из них пожирали собственную обувь, ножны своих мечей, ножи и другие подобные вещи, будучи почти хищниками, и жаждали встретить каких-нибудь индейцев, намереваясь принести их в жертву своим зубам. Наконец они

добрались до морского побережья, где нашли некоторое утешение и облегчение своих прежних страданий, а также средства для поиска новых: Однако большая часть погибла от обморока и других болезней, вызванных голодом, из-за чего оставшаяся часть рассеялась, пока, наконец, многие или большинство из них не упали в ту же яму, что и Лолонуа; О нем и о его спутниках, дав исчерпывающее повествование, я продолжу рассказ о действиях и подвигах капитана Генри Моргана, которого заслуженно можно назвать вторым Лолонуа, не отличаясь и не уступая ему ни в достижениях против испанцев, ни в грабежах многих невинных людей.

ГЛАВА IX

Происхождение и род капитана Генри Моргана, его подвиги и самые примечательные поступки в его жизни.

Капитан Генри Морган родился в Великобритании, в княжестве Уэльс; его отец был богатым йоменом, или фермером, хорошего достатка, как и большинство носителей этого имени в Уэльсе. В юности Морган не был склонен к отцовскому призванию, а потому покинул свою страну и отправился к морскому побережью в поисках другого занятия, более подходящего для его честлюбивых наклонностей; там он нашел несколько кораблей, стоявших на якоре и направлявшихся к Барбадосу. На них он решил поступить на службу к одному из них, который, согласно принятой в тех краях практике, продал его, как только он сошел на берег. Он отслужил свой срок на Барбадосе и, получив свободу, отправился на Ямайку в поисках новой судьбы: здесь он нашел два судна пиратов, готовых выйти в море; не имея работы, он отправился с ними, намереваясь следовать занятиям этого рода людей: вскоре он так точно изучил их образ жизни, что, совершив три или четыре плавания с прибылью и успехом, он договорился с некоторыми из своих товарищей, которые получили в тех же плаваниях немного денег, объединить акции и купить корабль. Купив судно, они единогласно выбрали его капитаном и командиром.

На этом корабле он отправился с Ямайки в плавание к берегам Кампечи, в ходе которого захватил несколько кораблей, с которыми и вернулся с триумфом. Здесь он обнаружил старого пирата по имени Мансвелт (о котором мы уже упоминали), занятого снаряжением значительного флота, намеревавшегося высадиться на континенте и грабить все, что ему удастся. Мансвелт, увидев, что капитан Морган вернулся с таким количеством призов, счел его человеком храбрым и выбрал своим вице-адмиралом в этой экспедиции; таким образом, снарядив пятнадцать кораблей, больших и малых, они отплыли с Ямайки с пятьюстами человек, валлонами и французами. Вскоре эта флотилия прибыла к острову Святой Екатерины, расположенному вблизи континента Коста-Рика, на широте 12 градусов 30 минут и удаленному на тридцать пять лиг от реки Чагре. Здесь они совершили свой первый спуск, высадив большую часть своих людей, которые вскоре заставили гарнизон, державший остров, сдать все крепости и замки, которые они тут же разрушили, кроме одной, где разместили сто человек из своей собственной партии и всех рабов, которых они захватили у испанцев: с остальными своими людьми они отправились на другой небольшой остров, расположенный так близко от острова Св. Екатерины, и по мосту, который они сделали за несколько дней, перешли на него, взяв с собой все орудия, которые они захватили на большом острове. Разорив огнем и мечом оба острова, оставив необходимые распоряжения в упомянутом замке, они снова вышли в море с пленными испанцами, которых вскоре после этого высадили на твердую землю близ Пуэрто-Вело: затем они крейсировали по Коста-Рике, пока не пришли к реке Колла, намереваясь разграбить все города в тех краях, а затем пройти к деревне Ната, чтобы сделать то же самое.

Губернатор Панамы, получив известие об их прибытии и о совершенных ими военных действиях, счел своим долгом встретить их с отрядом людей. Его приход заставил пиратов внезапно удалиться, так как вся страна была встревожена, а их замыслы были известны, и, следовательно, в тот момент они потерпели поражение. После этого они вернулись в Сент-Катаринс, чтобы навестить сотню человек, которых они оставили в гарнизоне. Губернатором

этих людей был француз по имени Ле Сьер Симон, который вел себя очень хорошо, пока Мансвелт отсутствовал, поставив большой остров в очень хорошее положение для обороны, а на маленьком он развел множество плодородных плантаций, достаточных для восстановления всего флота не только на данный момент, но и для нового плавания. Мансвелт был очень склонен оставить эти два острова в вечном владении, поскольку они были очень удобно расположены для пиратов; они находились так близко от испанских владений и легко защищались.

После этого Мансвелт решил вернуться на Ямайку и отправить рекрутов на остров Святой Екатерины, чтобы в случае вторжения пиратов иметь возможность защищаться. Как только он прибыл, он изложил свои намерения тамошнему губернатору, который отклонил его предложения, боясь вызвать недовольство своего господина, короля Англии; кроме того, чтобы дать ему желаемых людей и предметы первой необходимости, он должен был бы уменьшить силы этого острова, где он был губернатором. Тогда Мансвелт, понимая, что сам он не сможет осуществить свои замыслы, отправился на Тортугу; но там, прежде чем он успел привести в исполнение задуманное, смерть застала его врасплох и положила конец его нечестивой жизни, оставив все в тайне до случая, о котором я расскажу ниже.

Сеньор Симон, губернатор Сент-Кэтринса, не получая никаких известий от него. Екатерины, не получая никаких известий от Мансвелта, своего адмирала, нетерпеливо желал узнать причину этого: между тем дон Джон Перес де Гусман, недавно вступивший в управление Коста-Рикой, счел, что интересам Испании не выгодно, чтобы этот остров находился в руках пиратов: Поэтому он снарядил значительный флот, который отправил для его захвата; но прежде чем прибегнуть к насилию, он написал письмо сеньору Симону, в котором сообщал, что если тот сдаст остров его католическому величеству, то будет очень хорошо вознагражден, но в случае отказа будет жестоко наказан, когда он заставит его сделать это. Сьер Симон, не видя возможности защитить остров в одиночку и не видя выгоды, которая могла бы достаться ни ему, ни его людям, после небольшого сопротивления отдал его настоящему господину и хозяину на тех же условиях, на которых они получили его от испанцев; через несколько дней после этой сдачи с Ямайки прибыл английский корабль, который губернатор отправил туда тайком, с хорошим запасом людей, мужчин и женщин: Испанцы из замка, заметив корабль, выставили английские цвета и уговорили сеньора Симона подняться на борт и провести корабль в указанный им порт. Он так и поступил, и все они были взяты в плен. Некий испанский инженер опубликовал в печати точные сведения о захвате этого острова испанцами, которые я счел нужным вставить сюда:...

Правдивый отчет о победе, одержанной оружием Его Католического Величества над английскими пиратами под руководством и благодаря доблести дона Джона Переса де Гусмана, кавалера ордена Святого Иакова, губернатора и генерал-капитана Терра Фирмы и провинции Верагуас.

Королевство Терра Фирма, которое само по себе достаточно сильно, чтобы отразить и уничтожить большие флоты, особенно пиратов Ямайки, несколькими путями уведомило своего губернатора, что четырнадцать английских судов крейсируют у берегов, принадлежащих его католическому величеству. 14 июля 1665 года в Панаму пришло известие, что они прибыли в Пуэрто-де-Наос, заставили испанский гарнизон острова Святой Екатерины, губернатором которого был дон Эстебан дель Кампо, и овладели этим островом, взяв в плен жителей и уничтожив все, что им встретилось. Примерно в то же время дон Иоанн Перес де Гусман получил конкретные сведения об этих грабежах от некоторых

испанцев, бежавших с острова (которых он приказал доставить в Пуэрто-Вело), что упомянутые пираты прибыли на остров 2 мая, ночью, не будучи замеченными; и что следующий день, после нескольких стычек, они взяли крепости, и сделали пленными всех жителей и солдат, которые не смогли убежать. После этого дон Иоанн созвал военный совет, на котором объявил о больших успехах, достигнутых пиратами во владениях его католического величества, и заявил, "что совершенно необходимо послать на остров Святой Екатерины некоторое количество войск, достаточное для того, чтобы отвоевать его у пиратов, поскольку честь и интересы его испанского величества здесь очень сильно затронуты; в противном случае пираты путем таких завоеваний могли бы легко, с течением времени, завладеть всеми близлежащими странами". На это некоторые отвечали, "что пираты, не имея возможности прокормиться на упомянутом острове, непременно израсходуют и растратят себя, и будут вынуждены покинуть его, без всякой необходимости повторного захвата; поэтому не стоит ввязываться в столько расходов и хлопот, сколько это будет стоить". Несмотря на это, дон Джон, будучи бывшим доблестным солдатом, приказал доставить провизию в Пуэрто-Вело для использования ополченцами, и сам отправился туда, подвергая свою жизнь немалой опасности. Сюда он прибыл 2 июля с большинством вещей, необходимых для экспедиции, где нашел в порту хороший корабль, хорошо оснащенный, под названием "*Святой Винсент*", принадлежавший компании негров, который он хорошо укомплектовал и снабдил продовольствием, и отправил на остров Святой Екатерины, назначив капитана Джозефа Санчеса Хименеса, майора из Пуэрто-Вело, его командиром. Он взял с собой двести семьдесят солдат и тридцать семь пленных с того же острова, а также тридцать четыре испанца из гарнизона Пуэрто-Вело, двадцать девять мулатов из Панамы, двенадцать индейцев, очень ловких в стрельбе из лука и стрел, семь опытных и умелых стрелков, двух лейтенантов, двух лоцманов, одного хирурга и одного священника из ордена Святого Франциска для их капеллана.

Вскоре дон Иоанн отдал приказ всем офицерам, как себя вести, сказав им, что губернатор Карфагены снабдит их большим количеством людей, лодок и всего прочего, необходимого для этого предприятия; о чем он уже написал упомянутому губернатору. 24 июля дон Иоанн, отплыв с попутным ветром, созвал перед собой всех своих людей и произнес речь, побуждая их сражаться против врагов своей страны и религии, и особенно против тех бесчеловечных пиратов, которые совершили столько ужасных жестокостей над подданными его католического величества; при этом он обещал каждому самое щедрое вознаграждение, особенно тем, кто будет хорошо себя вести на службе своему королю и стране. На этом дон Джон попрощался с ними, и корабль отправился в плавание при благоприятном ветре. 22-го они прибыли в Картахену и вручили губернатору письмо от благородного и доблестного дона Джона, который принял его со свидетельствами великой привязанности к личности дона Джона и службе его величества и, видя их решимость соответствовать его желаниям, обещал им свою помощь, предоставив один фрегат, один галеон, одну лодку и сто двадцать шесть человек; одна половина из его собственного гарнизона, а другая - мулаты. Снабженные всем необходимым, они вышли из порта Картахены 2 августа, а 10-го прибыли в порт Святой Екатерины к западной его точке; и хотя ветер был встречный, они все же достигли порта и встали в нем на якорь, потеряв одну из своих лодок из-за непогоды у скалы под названием Квита Синьос.

Пираты, увидев, что наши корабли встали на якорь, дали по ним из трех пушек пулями, на что вскоре ответили той же монетой. После этого майор Джозеф Санчес Хименес послал на берег к пиратам одного из своих офицеров, чтобы от имени католического короля, своего господина, потребовать от них сдать остров, поскольку они захватили его в разгар мира между двумя коронами - Испанской и Английской; и что если они будут упрямиться, то он

непременно предаст их всех мечу. Пираты ответили, что остров когда-то принадлежал правительству и владениям короля Англии, и что вместо того, чтобы сдать его, они предпочитают потерять свои жизни.

В пятницу 13-го на борт нашего адмирала вплавь поднялись три негра из неприятеля; они сообщили, что всех пиратов на острове всего семьдесят два человека и что они находятся в большом смятении, видя, что против них идут столь значительные силы. Получив эти сведения, испанцы решили высадиться на берег и двинуться к крепостям, не переставая палить по ним из всех больших пушек, на какие только были способны; с нашей стороны они отвечали тем же, до самой темной ночи. В воскресенье, 15-го, в день Успения Богоматери, погода была очень тихой и ясной, испанцы начали наступать таким образом: Корабль "*Святой Винсент*", на котором ехал адмирал, выпустил целых два залпа по батарее, называемой Зачатием; корабль "*Святой Петр*", который был вице-адмиралом, выпустил также свои пушки по другой батарее, называемой Святым Иаковом; тем временем наши люди высадились на небольшие лодки, направив свой курс к точке упомянутой батареи, и оттуда они пошли к воротам, называемым Кортадура. Лейтенант Франсис де Казерес, желая осмотреть силы противника, имея всего пятнадцать человек, был вынужден поспешно отступить из-за больших пушек, которые так яростно стреляли по тому месту, где он стоял; они стреляли не только кусками железа и мелкими пулями, но и органами церкви, выпуская при каждом выстреле по три десятка труб за раз.

Несмотря на такой пыл врага, капитан дон Джозеф Рамирес де Лейва с шестьюдесятью людьми предпринял сильную атаку, в которой они сражались с обеих сторон очень отчаянно, пока, наконец, не одолел и не заставил пиратов сдать форт.

С другой стороны капитан Джон Галено с девяноста людьми перевалил через холмы, чтобы продвинуться в ту сторону к замку Святой Терезы. Тем временем майор дон Жозеф Санчес Ксименес, как главнокомандующий, с остальными своими людьми отправился с батареи Святого Иакова, прошел порт на четырех лодках и высадился, несмотря на врага. Примерно в это же время капитан Джон Галено начал продвигаться с людьми, которых он вел к вышеупомянутой крепости; так что наши люди сделали три атаки с трех сторон, в одно и то же время, с большой храбростью; пока пираты, видя, что многие из их людей уже убиты, и что они не могут больше существовать, отступили к Кортадуре, где они сдались, сами и весь остров, в наши руки. Наши люди овладели всем и установили испанские флаги, как только вознесли благодарность Всевышнему за победу, одержанную в столь знаменательный день. Погибло шесть человек врагов, много раненых и семьдесят пленных: с нашей стороны был только один убитый и четверо раненых.

На острове было найдено восемьсот фунтов пороха, двести пятьдесят фунтов мелких пуль и много другой военной провизии. Среди пленных были взяты также два испанца, которые носили оружие под командованием англичан против его католического величества: они были застрелены на следующий день по приказу майора. В 10-й день сентября к острову прибыло английское судно, которое майор увидел на большом расстоянии и приказал сеньору Симону, французу, пойти и посетить упомянутое судно, а тем, кто был на борту, сказать, что остров по-прежнему принадлежит англичанам. Тот выполнил приказ и обнаружил на упомянутом корабле только четырнадцать мужчин, одну женщину и ее дочь, которые были немедленно взяты в плен.

Все английские пираты были перевезены в Пуэрто-Вело, за исключением трех, которых по приказу губернатора перевезли в Панаму, где они должны были работать в замке Святого Иеронима. Это укрепление - превосходная работа и очень прочное, оно возвышается в

центре порта четырехугольной формы и сделано из очень твердого камня: его высота составляет восемьдесят восемь геометрических футов, стена - четырнадцать, а куртины - семьдесят пять футов в диаметре. Она была построена на средства нескольких частных лиц, причем большую часть денег выделил губернатор города, так что она не стоила Его Величеству ничего.

ГЛАВА X

Об острове Куба - капитан Морган пытается сохранить остров Святой Екатерины как убежище для пиратского гнезда, но его замысел не удается - он прибывает в деревню Эль-Пуэрто-дель-Принсипе и берет ее.

Капитан МОРГАН, видя, что его предшественник и адмирал Мансвелт мертв, использовал все возможные средства, чтобы сохранить в своем владении остров Святой Екатерины, расположенный недалеко от Кубы. Его главной целью было сделать его убежищем и прибежищем для пиратов тех краев, поставив его в условия удобного вместилища их добычи и грабежей. Для этого он не оставил камня на камне, написав нескольким купцам в Вирджинии и Новой Англии, убеждая их прислать ему провизию и предметы первой необходимости, чтобы поставить упомянутый остров в такое положение обороны, чтобы не опасаться вторжения с какой-либо стороны. Но все это оказалось безрезультатным, так как испанцы вновь захватили остров, однако капитан Морган сохранил мужество, которое побудило его к новым замыслам. Сначала он снарядил корабль, чтобы собрать флот, настолько большой и сильный, насколько он мог. Постепенно он добился этого, и отдал приказ каждому члену своего флота собраться в определенном порту Кубы, там определить совет и обсудить, что лучше сделать, и на какое место обрушиться в первую очередь. Оставив эти приготовления в таком состоянии, я дам моему читателю небольшой рассказ об упомянутом острове Куба, в порту которого вылупилась эта экспедиция, поскольку я упустил сделать это в надлежащем месте.

Куба лежит с востока на запад, в северной широте, от 20 до 23 градуса, в длину сто пятьдесят немецких лиг, а в ширину - около сорока. По плодородию она не уступает Испаньоле; кроме того, на ней много товаров, пригодных для торговли и коммерции, например, шкуры нескольких зверей, особенно те, которые в Европе называют гаванскими. Со всех сторон он окружен множеством маленьких островов, называемых Кайос: эти маленькие острова пираты используют как порты для убежища. Здесь они устраивают свои собрания и проводят советы, как лучше напасть на испанцев. Со всех сторон он омывается обильными и приятными реками, входы в которые образуют надежные и просторные порты; кроме того, здесь много других гаваней для кораблей, которые вдоль спокойных берегов и побережий украшают этот богатый и красивый остров; все это во многом способствует его счастью, облегчая торговлю, к которой они приглашают как туземцев, так и пришельцев. Главные из этих портов - Сан-Яго, Бьяме, Санта-Мария, Эспириту-Санто, Тринидад, Загоа, Кабо-де-Корьентес и другие, на южной стороне острова: на северной стороне - Ла-Гаванна, Пуэрто-Мариано, Санта-Крус, Мата-Рикос и Барракоа.

На этом острове есть два главных города, которым подчиняются все города и деревни. Первый - Санта-Яго, или Сент-Джеймс, расположен на южной стороне, и под его юрисдикцией находится половина острова. Главными магистратами здесь являются епископ и губернатор, которые управляют деревнями и городами этой половины. Главные из них на южной стороне - Эспириту-Санто, Пуэрто-дель-Принсипе и Байаме. На севере - Барракоа и Де-лос-Кайос. Большая часть торговли здесь ведется с Канарских островов, куда доставляют много табака, сахара и шкур; эти товары стекаются в главный город из подчиненных городов

и деревень. Ранее город Санта-Джаго был разграблен пиратами Ямайки и Тортуги, хотя его защищает значительная крепость.

"КАПИТАН МОРГАН НАБИРАЕТ СВОИ СИЛЫ" - [СТРАНИЦА 115](#)

Город и порт Гаванна лежит между северной и западной сторонами острова: это одно из самых сильных мест Вест-Индии; его юрисдикция распространяется на другую половину острова; главные места, подвластные ему, - Санта-Крус на северной стороне и Ла-Тринидад на южной. Отсюда вывозится огромное количество табака, который отправляется в Новую Испанию и Коста-Рику, вплоть до Южного моря, а также множество кораблей, груженных этим товаром, который отправляется в Испанию и другие части Европы не только в листах, но и в рулонах. Этот город защищают три замка, очень большие и крепкие, два из которых находятся в направлении порта, а другой расположен на холме, с которого открывается вид на город. Считается, что в нем проживает около десяти тысяч семей. Купцы этого места торгуют в Новой Испании, Кампечии, Гондурасе и Флориде. Все корабли, приходящие из вышеупомянутых мест, а также из Каракаса, Картахены и Коста-Рики, вынуждены брать провизию в Гаванне, чтобы отправиться в Испанию; это необходимый и прямой курс, которым они должны следовать на юг Европы и в другие страны. Испанский тарелочный флот, который испанцы называют Флота, направляясь на родину, ежегодно заходит сюда, чтобы пополнить свой груз шукурами, табаком и кампешевым деревом.

Капитан Морган пробыл в этих портах на юге Кубы всего два месяца, когда собрал флот из двенадцати судов, между кораблями и большими лодками, с семью сотнями бойцов, частью англичан, частью французов. Они созвали совет, и одни советовали штурмовать город Гаванну ночью, что, по их словам, можно было бы легко сделать, если бы только удалось захватить кого-нибудь из церковников; да, город можно было бы разграбить прежде, чем крепости успеют занять оборонительную позицию. Другие предлагали, в соответствии со своими мнениями, другие попытки; но первое предложение было отвергнуто, потому что многие пираты, которые в другое время были пленниками в упомянутом городе, утверждали, что ничего серьезного нельзя сделать менее чем с тысячей пятьюстами человек. Более того, со всеми этими людьми они должны сначала отправиться на остров Де-лос-Пинос и

высадить их на небольшие лодки около Матамоны, в четырнадцать лигах от упомянутого города, чтобы таким образом осуществить свои замыслы.

В конце концов, они не увидели возможности собрать столь большой флот, и тогда, имея то, что у них было, они решили попытаться занять какое-нибудь другое место. Один из них предложил штурмовать город Эль-Пуэрто-дель-Принсипе. Он убедил его в этом предложении, сказав, что хорошо знает это место и что, находясь в отдалении от моря, оно никогда не подвергалось нападению пиратов, а его жители богаты, занимаясь торговлей на готовые деньги с теми, кто живет в Гаванне и ведет здесь налаженную торговлю, главным образом шкурами. Это предложение было вскоре принято капитаном Морганом и его спутниками. После этого они приказали каждому капитану бросить якорь и отплыть, направляясь к ближайшему к Эль-Пуэрто-дель-Принсипе побережью. Здесь находится бухта, названная испанцами Эль-Пуэрто-де-Санта-Мария: прибыв в эту бухту, один испанец, находившийся в плену на борту флота, ночью поплыл по берегу к городу Эль-Пуэрто-дель-Принсипе, рассказав жителям о замысле пиратов, который он подслушал в их разговоре, хотя они думали, что он не понимает по-английски. Испанцы по этому совету стали прятать свои богатства, и уносить имущество; губернатор немедленно собрал всех жителей города, свободных и рабов, и с частью из них занял пост, через который по необходимости должны были пройти пираты, и приказал срубить много деревьев и положить их поперек пути, чтобы помешать им пройти, разместив несколько засад, укрепленных несколькими пушками, чтобы обстреливать их во время похода. Всего он собрал около восьмисот человек, из которых отрядил часть в упомянутые засады, а с остальными умолил город, расположив их на просторном поле, откуда они могли видеть приближение пиратов.

Капитан Морган со своими людьми, выступив в поход, обнаружил, что проходы к городу непроходимы; тогда они двинулись в путь через лес, преодолевая его с большим трудом и избегая различных засад; наконец они вышли на равнину, которую испанцы называли Саванной, или Листом. Увидев их, губернатор выделил конный отряд, чтобы напасть на них спереди, думая рассеять их и преследовать со своим основным корпусом: Но этот замысел не удался, ибо пираты шли в очень хорошем порядке, под звуки своих барабанов и с развевающимися цветами; подойдя к лошадям, они выстроились полукругом и таким образом продвинулись к испанцам, которые некоторое время доблестно их преследовали; но пираты, будучи очень ловкими в своем оружии, и их губернатор со многими своими спутниками были убиты, они отступили к за лес, чтобы спастись с большей выгодой; но прежде чем они смогли достичь его, большинство из них, к сожалению, были убиты пиратами. Таким образом, они оставили победу этим новоявленным врагам, которые не понесли значительных потерь в сражении, а раненых было очень мало. Стычка продолжалась четыре часа: они вошли в город не без сопротивления тех, кто находился внутри, которые защищались, сколько могли, а многие, увидев врага в городе, закрылись в своих домах и оттуда сделали несколько выстрелов по пиратам, которые затем пригрозили им, говоря: "Если вы не сдадитесь добровольно, то скоро увидите город в огне, а ваших жен и детей разорванными на куски у вас на глазах". Поддавшись этим угрозам, испанцы подчинились воле пиратов, полагая, что не смогут долго там оставаться.

Как только пираты овладели городом, они заключили всех испанцев, мужчин, женщин, детей и рабов, в несколько церквей и разграбили все имущество, которое смогли найти; затем они обыскали всю окрестную страну и ежедневно привозили множество товаров и пленных, а также много провизии. На этом они сильно развеселились, по своему старому обычаю, не вспоминая о бедных пленниках, которых они оставили голодать в церквях, хотя ежедневно и бесчеловечно мучили их, чтобы заставить признаться, где они спрятали свои

товары, деньги и т.д., хотя им почти ничего не оставили, не щадя женщин и маленьких детей, не давая им ничего есть, отчего большая часть погибла.

Грабежи и провизия становились все скуднее, и они сочли удобным отплыть и искать новых удач в других местах; они сказали пленникам, что "они должны найти деньги, чтобы выкупить себя, иначе их всех перевезут на Ямайку; и кроме того, если они не заплатят второй выкуп за город, они превратят все дома в пепел". После этого испанцы назначили четырех своих товарищей по плену, чтобы те отправились на поиски вышеупомянутых вкладов; но пираты, намереваясь, чтобы они поскорее вернулись с выкупом, жестоко измучили нескольких из них в их присутствии, прежде чем они ушли. Через несколько дней испанцы вернулись и сказали капитану Моргану: "Мы обежали вдоль и поперек и обыскали все соседние леса и места, о которых подозревали, и все же не смогли найти никого из нашей партии и, следовательно, никаких плодов нашего посольства; но если вам будет угодно еще немного потерпеть нас, мы непременно заставим заплатить все, что вы требуете, в течение пятнадцати дней"; и капитан Морган согласился. Но вскоре после этого в город прибыли семь или восемь пиратов, которые рыскали по лесам и полям и захватили значительную добычу. Среди прочих пленников они привели негра, которого взяли с письмами. Ознакомившись с ними, капитан Морган обнаружил, что они были от губернатора Санта-Джаго, написанные по адресу некоторым из пленников, в которых он сообщал им, что "они не должны слишком спешить с выкупом за свой город или людей, или под каким-либо другим предлогом; напротив, они должны откладывать пиратов, как могут, с отговорками и задержками, ожидая, что через некоторое время он придет им на помощь". Получив эти сведения, капитан Морган немедленно приказал перенести на борт все награбленное; кроме того, он заявил испанцам, что на следующий же день они должны заплатить выкуп, так как он не будет ждать ни минуты, а превратит весь город в пепел, если они не получат требуемую сумму.

"Придя на место дуэли, англичанин ударил француза ножом в спину" - [СТРАНИЦА 121](#)

После этого капитан Морган не стал упоминать испанцам о перехваченных им письмах. Они ответили, что "не могут дать такую сумму денег в столь короткий срок, поскольку их соотечественников не найти во всей округе". Капитан Морган прекрасно знал об их намерениях, но счел неудобным оставаться там дольше, потребовав от них только пятисот волов или коров с достаточным количеством соли, чтобы припудрить их, с условием, что они должны взять их на борт его кораблей. Так он и ушел со всеми своими людьми, взяв с собой только шестерых главных пленников в качестве залога. На следующий день испанцы привезли на корабли скот и соль и потребовали пленников, но капитан Морган отказался их выдать, пока они не помогут его людям убить и засолить буйволов: это было сделано большой спешке, он не хотел оставаться там дольше, чтобы не быть застигнутым врасплох силами, которые собирались против него; приняв всех на борт своих кораблей, он отпустил заложников на свободу. Тем временем между англичанами и французами возникли разногласия: повод был следующим: Один из французов занимался тем, что убивал и солил буренки, а английский пират отобрал у него мозговые кости, которые он вынул из быка, что эти люди очень почитают; тогда они бросили друг другу вызов: когда они подошли к месту дуэли, англичанин ударил француза в спину, отчего тот упал замертво. Другие французы, желая отомстить, подняли восстание против англичан; но капитан Морган вскоре успокоил их, посадив преступника в цепи, чтобы отвезти на Ямайку, пообещав, что добьется от него справедливости, ибо хотя он и мог бросить вызов своему противнику, но убивать его вероломно, как он это сделал, было неправомерно.

Когда все было готово, и пленники были на борту, и их отпустили на свободу, они отплыли к определенному острову, где капитан Морган намеревался сделать дивиденд из того, что они приобрели в этом плавании; прибыв туда, они нашли почти пятьдесят тысяч кусков по восемь в деньгах и товарах; сумма была известна, это вызвало общее огорчение, когда они увидели такую маленькую покупку, недостаточную, чтобы заплатить их долги на Ямайке. Тогда капитан Морган предложил им подумать о каком-нибудь другом предприятии и грабеже, прежде чем они ее повернут. Но французы, не сумев договориться с англичанами,

оставили капитана Моргана с теми, кто принадлежал к его собственной нации, несмотря на все уговоры, которыми он убеждал их остаться в его компании. Таким образом, они расстались со всеми внешними признаками дружбы, и капитан Морган повторил им свои обещания, что он добьется справедливости в отношении этого преступника. Он так и поступил: прибыв на Ямайку, он приказал повесить его, и французские пираты остались довольны.

ГЛАВА XI

*Капитан Морган, решив напасть на город Пуэрто-Бельо и
разграбить его, снаряжает флот и с небольшими затратами
и малыми силами берет его.*

Некоторые могут подумать, что если французы покинули капитана Моргана, то у одних англичан не хватит смелости предпринять столь грандиозные действия, как раньше. Но капитан Морган, который всегда передавал бодрость своими словами, вселил такой дух в своих людей, что они тут же принялись за новые замыслы; все они были убеждены, что одно лишь исполнение его приказов будет несомненным средством получения больших богатств, и это так повлияло на их умы, что с неподражаемым мужеством все они решили последовать за ним, как и некий пират Кампечи, который по этому случаю присоединился к капитану Моргану, чтобы искать новых удач под его руководством. Так капитан Морган за несколько дней собрал флот из девяти парусов, то ли кораблей, то ли больших лодок, в котором было четыреста шестьдесят человек.

Все было готово, и они вышли в море, причем капитан Морган никому не рассказывал о своем замысле; он только несколько раз говорил им, что не сомневается том, что в этом плавании, если не случится странных происшествий, ему удастся сколотить хорошую судьбу. Они направились к континенту, где через несколько дней прибыли к Коста-Рике, причем весь их флот был в безопасности. Не успели они обнаружить землю, как капитан Морган объявил о своих намерениях капитанам, а вскоре после этого и всей компании. Он сказал, что намерен ночью разграбить Пуэрто-Бельо, решив разграбить весь город, и, чтобы ободрить их, добавил, что это предприятие не может быть неудачным, поскольку он держит его в секрете, никому не сообщая о нем, так что они не могли узнать о его приходе. На это предложение некоторые ответили, что "у них нет достаточного количества людей для штурма столь сильного и великого города". Но капитан Морган ответил: "Если наше число и мало, то сердца наши велики; и чем меньше нас будет, тем больше будет союз и тем лучшую долю мы получим в добыче". После этого, воодушевленные надеждой на огромные богатства, которые они обещали себе в случае успеха, они единодушно согласились на этот замысел. Чтобы мой читатель мог лучше понять смелость этого подвига, необходимо предварительно рассказать о городе Пуэрто-Бельо.

Этот город находится в провинции Коста-Рика, на 10 градусе северной широты, в четырнадцати лигах от залива Дарьен и в восьми к западу от порта под названием Номбре-де-Дьос. Считается, что это самое сильное место, которым владеет король Испании во всей Вест-Индии, за исключением Гаванны и Карфагена. Здесь находятся два замка, почти неприступных, которые защищают город, расположенный у входа в порт, так что ни один корабль или лодка не могут пройти без разрешения. Гарнизон состоит из трехсот солдат, а город населяют около четырехсот семей. Купцы здесь не живут, а останавливаются лишь на время, когда галеоны приходят или уходят в Испанию, из-за нездорового воздуха, вызванного испарениями с гор; поэтому, хотя их главные склады находятся в Пуэрто-Бельо, их жилища - в Панаме, откуда они привозят тарелки на мулах, когда начинается ярмарка, и когда корабли, принадлежащие компании негров, прибывают для продажи рабов.

Капитан Морган, хорошо знавший все проспекты этого города и соседних берегов, прибыл в сумерках в Пуэрто-де-Наос, в десяти лигах к западу от Пуэрто-Бельо. Прибыв сюда, они поплыли вверх по реке до другой гавани, называемой Пуэрто-Понтин, где бросили якорь: здесь они погрузились в лодки и каноэ, оставив на кораблях лишь несколько человек, чтобы на следующий день доставить их в порт. Около полуночи они прибыли в место, называемое Эстера-лонга-Лемос, где все сошли на берег и двинулись по суше к первым постам города: в их компании был англичанин, ранее находившийся в плену в тех краях, который теперь служил им проводником: ему и еще троим или четверым они поручили взять дозорного, если возможно, или убить его на месте: Но они схватили его так хитро, что он не успел ни предупредить из своего мушкета, ни поднять шум, и привели его со связанными руками к капитану Моргану, который спросил его, как идут дела в городе и какими силами они располагают, а также о других обстоятельствах, которые он хотел узнать. После каждого вопроса они тысячу раз угрожали ему расправой, если он скажет неправду. Затем они двинулись к городу, держа перед собой связанного дозорного: пройдя около четверти лиги, они подошли к замку, расположенному неподалеку от города, который вскоре плотно окружили, так что ни один человек не мог ни войти, ни выйти.

Расположившись под стенами замка, капитан Морган велел дозорному, которого они взяли в плен, обратиться к тем, кто находился внутри, приказав им сдаться по его усмотрению, иначе все они будут изрублены на куски без четверти. Но те, не вняв этим угрозам, немедленно начали стрелять, что встревожило город; тем не менее, хотя губернатор и солдаты упомянутого замка оказали столь сильное сопротивление, какое только можно было оказать, они были вынуждены сдаться. Взяв замок, они решили исполнить свои слова и предать испанцев мечу, чтобы тем самым навести ужас на весь остальной город. Тогда, заключив всех солдат и офицеров в одну комнату, они подожгли порох (которого у них оказалось великое множество) и взорвали замок в воздух со всеми испанцами, находившимися внутри. Сделав это, они продолжили свой победный путь, обрушившись на город, который еще не был готов к их приему. Многие жители бросали свои драгоценности и деньги в колодцы и цистерны или прятали их в подполье, чтобы избежать, насколько это возможно, полного ограбления. Один из отряда пиратов, выделенный для этой цели, сразу же побежал в монастыри и забрал столько верующих мужчин и женщин, сколько смог найти. Губернатор города, не сумев собрать горожан, из-за их большого смятения, удалился в один из оставшихся замков и оттуда непрерывно стрелял по пиратам: но те ничуть не стеснялись ни нападать на него, ни защищаться, так что среди ужаса нападения они сделали очень мало выстрелов напрасно; ведь целясь с большой ловкостью в устья пушек, испанцы непременно теряли одного или двух человек каждый раз, когда заново заряжали каждую пушку.

Так продолжалось с рассвета до полудня; да и в это время дня дело было весьма сомнительным, кто из сторон должен победить или быть побежденным. Наконец, пираты, видя, что потеряли много людей и мало продвинулись в захвате этого или других замков, пустили в ход огненные шары, которые бросали руками, намереваясь поджечь двери замков; но испанцы со стен спустили большое количество камней и глиняных горшков, полных пороха и других горючих веществ, что заставило их остановиться. Капитан Морган, видя эту щедрую оборону испанцев, начал отчаиваться в успехе. Тогда в его голову пришло множество слабых и спокойных размышлений; он никак не мог решить, в какую сторону ему повернуть в этом проливе. В таком состоянии он внезапно получил стимул продолжать штурм, увидев английские цвета на одном из малых замков, в который тогда вошли его люди; вскоре он увидел отряд, идущий ему навстречу и провозглашающий победу с громкими криками радости. Это сразу же подтолкнуло его к новым решениям взять остальные замки,

тем более что в них бежали самые главные горожане, которые перевезли туда большую часть своих богатств и все предметы, принадлежащие церквям и богослужению.

" МОРГАН ПРИКАЗАЛ ВЕРУЮЩИМ МУЖЧИНАМ И ЖЕНЩИНАМ ПРИСТАВИТЬ ЛЕСТНИЦЫ К СТЕНАМ" - [СТРАНИЦА 128](#).

Для этого он приказал в спешном порядке сделать десять или двенадцать лестниц, настолько широких, чтобы по ним могли подняться три или четыре человека сразу; закончив их, он велел всем религиозным мужчинам и женщинам, которых взял в плен, прикрепить их к стенам замка. Перед этим он пригрозил губернатору, что сделает это, если тот не сдаст замок, но тот ответил, что "никогда не сдастся живым". Капитан Морган был убежден, что губернатор не станет использовать все свои силы, видя, что религиозные женщины и церковные лица подвергаются наибольшей опасности перед солдатами. Поэтому лестницы, как я уже говорил, были отданы в руки религиозных лиц обоего пола, и их заставили во главе рот поднять и прикрепить их к стенам: но капитан Морган полностью обманулся в своем суждении об этом замысле; ибо губернатор, который действовал как храбрый солдат, исполняя свой долг, прилагал все усилия, чтобы уничтожить всех, кто приближался к стенам. Религиозные мужчины и женщины не переставали взывать к нему и умолять его всеми святыми небесами освободить замок и пощадить его и их собственные жизни, но ничто не могло превозмочь его упрямство и свирепость. Таким образом, многие из религиозных людей и монахинь были убиты, прежде чем им удалось закрепить лестницы; что, наконец, и было сделано, хотя и с большими потерями для упомянутых религиозных людей, пираты взобрались на них в большом количестве и с не меньшей доблестью, имея в руках огненные шары и глиняные горшки, полные пороха; все это, находясь теперь на вершине стен, они разожгли и бросили в испанцев.

Эти усилия пиратов были очень велики, так что испанцы не могли больше ни сопротивляться, ни защищать замок, в который теперь вошли. Тогда все они бросили оружие и стали просить пощады за свою жизнь; но правитель города не стал просить пощады, а убил многих пиратов собственными руками, а также нескольких своих солдат, потому что они не устояли перед оружием. И хотя пираты спрашивали его, не желает ли он четвертования, он

неизменно отвечал: "Ни в коем случае, я лучше умру как доблестный солдат, чем буду повешен как трус". Они изо всех сил пытались взять его в плен, но он так упорно защищался, что они были вынуждены убить его, несмотря на все крики и слезы его собственной жены и дочери, которые на коленях умоляли его потребовать четвертования и спасти свою жизнь. Когда пираты овладели замком, а это было уже ближе к ночи, они заключили в него всех пленников, разместив женщин и мужчин поодиночке, с несколькими стражниками: раненых поместили в отдельную квартиру, чтобы их собственные жалобы были лекарством от их болезней, ибо другого им не предоставлялось.

Сделав это, они, как обычно, принялись есть и пить, то есть предаваться всяческому разврату и излишествам, так что пятьдесят мужественных мужчин могли бы без труда вернуть город и перебить всех пиратов. На следующий день, разграбив все, что смогли найти, они допросили некоторых пленников (которых их товарищи убедили сказать, что они самые богатые в городе) и сурово потребовали от них открыть, где они спрятали свои богатства и товары. Не имея возможности вымогать у них что-либо, поскольку они не были подходящими людьми, было решено подвергнуть их пыткам: это было сделано так жестоко, что многие из них умерли на дыбе или вскоре после нее. Президент Панамы, получив известие о разграблении и разорении Пуэрто-Бельо, приложил все свои усилия, чтобы собрать силы для преследования и изгнания пиратов оттуда; но те мало заботились о его приготовлениях, имея под рукой свои корабли и решив обстрелять город и отступить. Они пробыли в Пуэрто-Бельо пятнадцать дней, и за это время потеряли много своих людей, как из-за нездоровья страны, так и из-за их расточительного распутства.

После этого они приготовились к отплытию, взяв на борт все награбленное, предварительно снабдив флот достаточным количеством провизии на время плавания. Пока все это происходило, капитан Морган потребовал от пленников выкуп за город, иначе он сожжет его и взорвет все замки; кроме того, он велел им как можно скорее прислать двух человек, чтобы раздобыть сумму, которая составляла 100 000 кусков восьмерки. С этой целью к президенту Панамы были посланы два человека, которые дали ему отчет обо всем. Президент, собрав все силы, направился к Пуэрто-Бельо, чтобы встретить пиратов перед их отступлением; но они, услышав о его приближении, вместо того, чтобы улететь, вышли навстречу ему к узкому проходу, который он должен был пройти: здесь они разместили сотню человек, очень хорошо вооруженных, которые при первой же встрече обратили в бегство большую часть панамцев. Это вынудило президента на время удалиться, так как он еще не был в состоянии продолжать путь. Вскоре после этого он отправил послание капитану Моргану, чтобы сказать ему, "что если он не уйдет внезапно со всеми своими силами из Пуэрто-Бельо, то ему не следует ожидать четверти ни для себя, ни для своих товарищей, когда он возьмет их, как он надеется вскоре сделать". Капитан Морган, который не боялся его угроз, зная, что у него есть надежное убежище на своих кораблях, которые были под рукой, ответил: "Он не сдаст замки, прежде чем не получит требуемую им контрибуцию; если она не будет выплачена, он, конечно, сожжет весь город, а затем покинет его, предварительно разрушив замки и убив пленных".

Из этого ответа губернатор Панамы понял, что никакие средства не помогут ни успокоить сердца пиратов, ни образумить их: тогда он решил оставить их, а также тех жителей города, которых он прибыл освободить, в затруднительном положении и заключить с ними наилучшее соглашение. Таким образом, еще через несколько дней несчастные горожане собрали требуемые взносы и принесли пиратам 100 000 кусков восьмерки в качестве выкупа за их жестокий плен: но президент Панамы был сильно удивлен, что четыреста человек могут взять такой большой город с таким количеством крепких крепостей, тем более не имея

орудий, из которых можно было бы возвести батареи, и, более того, зная, что жители Пуэрто-Бельо всегда пользовались большой репутацией хороших солдат и никогда не теряли мужества в своей защите. Это удивление было столь велико, что заставило его послать к капитану Моргану, желая получить небольшой образец того оружия, с помощью которого он с большой энергией взял столь великий город. Капитан Морган принял этого посланника очень любезно и с большой вежливостью, дал ему пистолет и несколько маленьких пуль, чтобы он отнес их обратно президенту, своему господину; при этом он сказал ему, , что "желает, чтобы он принял этот маленький образец оружия, с которым он взял Пуэрто-Бельо, и хранил его в течение двенадцати месяцев; после этого времени он обещал приехать в Панаму и забрать его". Губернатор очень скоро вернул подарок капитану Моргану, поблагодарив его за услугу одолжить ему оружие, в котором он не нуждался; кроме того, он послал ему золотое кольцо с таким посланием: "Он желает, чтобы он не давал себе труда прибыть в Панаму, как он это сделал в Пуэрто-Бельо, ибо он уверяет его, что здесь он не сможет так хорошо продвигаться, как там".

После этого капитан Морган (снабдив свой флот всем необходимым и взяв с собой лучшие пушки из замков, а остальные прибав гвоздями) отплыл из Пуэрто-Бельо со всеми своими кораблями и, прибыв через несколько дней на Кубу, стал искать место, где он мог бы быстро получить дивиденды от их добычи. Они нашли 250 000 кусков восьмерки в готовом виде, а также другие товары: сукно, лен, шелк и т. д. С этой богатой покупкой они отплыли к своему обычному месту встречи - Ямайке. Прибыв туда, они провели здесь некоторое время во всевозможных пороках и распутстве, согласно своему обычаю; они очень расточительно тратили то, что другие нажили немалым трудом и усердием.

ГЛАВА XII

Капитан Морган берет город Маракайбо на побережье Нейва-Венесуэлы - пиратство в тех морях - гибель трех испанских кораблей, отправленных для пресечения разбоя пиратов.

Вскоре после прибытия на Ямайку, когда им потребовалось совсем немного времени, чтобы растратить все вышеперечисленные богатства, они предприняли еще одно предприятие в поисках новых удач: с этой целью капитан Морган приказал всем командирам своих кораблей собраться у Де-ла-Вакка, или Коровьего острова, к югу от Испаньолы, как уже было сказано. К ним стекалось множество других пиратов, французских и английских; имя капитана Моргана теперь прославилось во всех соседних странах благодаря его великим предприятиям. В то время на Ямайке находился английский корабль, недавно пришедший из Новой Англии, хорошо оснащенный тридцатью шестью пушками: это судно по приказу губернатора Ямайки присоединилось к капитану Моргану, чтобы усилить его флот и придать ему больше смелости для совершения великих дел. С таким запасом капитан Морган считал себя достаточно сильным; но в том же месте находилось еще одно большое судно с двадцатью четырьмя железными и двенадцатью медными пушками, принадлежавшее французам, и капитан Морган попытался присоединить этот корабль к своему; но французы, не смея доверять англичанам, категорически отказались дать согласие.

Французские пираты, принадлежавшие к этому большому кораблю, встретили в море английское судно; и, испытывая острую нужду в провизии, они забрали с английского корабля часть провизии, не заплатив за нее, не имея, вероятно, на борту готовых денег; только они дали им векселя на Ямайку и Тортугу, чтобы получить там деньги. Капитан Морган, заметив это и поняв, что не сможет уговорить французского капитана следовать за ним, решил закрепиться на этом корабле, чтобы разорить французов и отомстить им. После этого он с помощью обмана пригласил французского командира и нескольких его людей отобедать с ним на борту большого корабля, который, как сказано, шел на Ямайку. Придя туда, он сделал их всех пленниками, притворившись, что нанес английскому судну вышеупомянутый ущерб.

За этим несправедливым поступком капитана Моргана, как мы можем предположить, вскоре последовало Божественное наказание: о чем я сейчас же расскажу. Вскоре после того, как капитан Морган взял этих французских пленников, он созвал совет, чтобы обсудить, в какое место им следует сначала отправиться в эту новую экспедицию. Было решено отправиться к острову Савона, чтобы дождаться флота, ожидаемого из Испании, и захватить любое из испанских судов, оставших от остальных. Приняв это решение, они начали пировать на борту большого корабля, радуясь новому путешествию и счастливому совету, как они надеялись: они выпили много здоровья и разрядили много пушек, что было обычным знаком веселья среди моряков. Большинство мужчин были пьяны, и по неизвестной случайности корабль внезапно взорвался, с тремястами пятьюдесятью англичанами, кроме французских пленников в трюме; из всех этих людей спаслись только тридцать человек, которые находились в большой каюте, на некотором расстоянии от основной силы пороха. Думается, что могло бы спастись гораздо больше, если бы они не были так сильно перегружены вином.

Эта потеря привела англичан в смятение; они не знали, кого винить, но в конце концов обвинение было возложено на французских пленников, которых они подозревали в том, что те из мести, хотя и с потерей собственной жизни, выстрелили порохом в корабль: после этого они добавили новые обвинения к своим прежним, чтобы захватить корабль и все, что на нем находилось, заявив, что французы намеревались совершить пиратство против англичан. Основанием для этого обвинения послужила найденная на борту французского судна грамота губернатора Барракоа, в которой были такие слова: "что упомянутый губернатор разрешил французам торговать во всех испанских портах" и т. д. "А также крейсировать против английских пиратов, где бы они их ни нашли, из-за множества враждебных действий, которые они совершили против подданных его католического величества в мирное время между двумя коронами". Это поручение на торговлю было истолковано как прямой приказ на пиратство и войну против них, хотя это было всего лишь разрешение на заход в испанские порты; плащом этого разрешения были слова "чтобы они крейсировали против англичан". И хотя французы в достаточной мере разъяснили истинный смысл этого документа, они не смогли оправдаться ни перед капитаном Морганом, ни перед его советом: вместо этого корабль и люди были конфискованы и отправлены на Ямайку. Здесь они также пытались добиться справедливости и возвращения своего корабля, но все было тщетно, так как вместо справедливости их долго держали в тюрьме и угрожали повесить.

Через восемь дней после гибели корабля капитан Морган приказал разыскивать тела несчастных, которые были взорваны, пока они плавали в море; не для того, чтобы обеспечить им христианское погребение, а для того, чтобы забрать их одежду и наряды; и если у кого-то на пальцах были золотые кольца, их отрезали, оставляя на произвол морских чудовищ. Наконец они отплыли в Савону, место своего назначения. Всего было пятнадцать судов, капитан Морган командовал самым большим, с четырнадцатью маленькими пушками; число его людей составляло девятьсот шестьдесят человек. Через несколько дней после этого они прибыли к мысу Кабо-де-Лобос, расположенному к югу от острова Испаньола, между мысами Тибурон и Пунта-де-Эспада: здесь они не могли пройти из-за встречных ветров в течение трех недель, несмотря на все усилия капитана Моргана; затем они удвоили мыс и увидели на расстоянии английское судно. Поговорив с ним, они узнали, что оно прибыло из Англии, и купили на нем за готовые деньги провизию, которая была им нужна.

Капитан Морган продолжал плавание, пока не пришел в порт Окоа; здесь он высадил несколько человек и отправил их в лес на поиски воды и провизии, чтобы сохранить то, что у него уже было на борту. Они убили много зверей, в том числе и лошадей. Но испанцы, не удовлетворившись их охотой, придумали для них хитрость, приказав трем или четырем сотням человек прибыть из Санто-Доминго, расположенного неподалеку, и велел им охотиться во всех окрестных местах у моря, чтобы, если пираты вернутся, они не нашли пропитания. Через несколько дней те же пираты вернулись на охоту, но, не найдя ничего, что можно было бы убить, отряд из примерно пятидесяти человек отступил дальше в лес. Испанцы, следившие за всеми их передвижениями, собрали большое стадо коров и приставили к ним двух-трех человек. Пираты, проследив за ними, убили достаточное количество; и хотя испанцы видели их на расстоянии, они не могли им помешать; но как только они попытались увести их, те яростно набросились на них с криками: "Мата, мата", *то есть* "Убивайте, убивайте". Таким образом, пираты были вынуждены бросить добычу и отступить на свои корабли, но сделали они это в полном порядке, отступая постепенно, а когда представилась возможность, заряжать полные залпы по испанцам, убив многих из своих врагов, хотя и с некоторыми потерями.

Испанцы, видя свой урон, пытались спастись бегством и унести своих убитых и раненых товарищей. Пираты, заметив их бегство, не стали довольствоваться тем, что уже нанесли, а быстро преследовали их в лесу и перебили большую часть оставшихся. На следующий день капитан Морган, крайне оскорбленный случившимся, отправился сам с двумя сотнями людей в лес искать остальных испанцев, но, не найдя никого, отомстил за свой гнев домам бедных и несчастных деревенских жителей, населяющих эти разбросанные поля и леса, которых он сжег великое множество; с этим он вернулся на свои корабли, несколько более довольный тем, что нанес врагу значительный ущерб; что всегда было его самым горячим желанием.

Нетерпение, с которым капитан Морган долго ждал некоторых из своих кораблей, еще не прибывших, заставило его решиться отплыть без них и направиться в Савону, место, которое он всегда планировал. Прибыв туда и не найдя ни одного из своих кораблей, он был еще более нетерпелив и озабочен, чем прежде, опасаясь их потери или того, что ему придется плыть без них; но, подождав их прибытия еще несколько дней и не имея большого запаса провизии, он послал команду из ста и пятидесяти человек на Испаньолу, чтобы разграбить несколько городов близ Санто-Доминго; Но испанцы, узнав об их приходе, были так бдительны и находились в такой хорошей обороне, что пираты не сочли нужным нападать на них, предпочтя скорее вернуться с пустыми руками к капитану Моргану, чем погибнуть в этом отчаянном предприятии.

Наконец капитан Морган, видя, что другие корабли не приходят, произвел ревизию своих людей и нашел всего около пятисот человек; кораблей не хватало семи, а у него в компании было только восемь, из которых большая часть была очень мала. Решив до сих пор крейсировать у берегов Караккаса и грабить тамошние города и деревни, он, имея столь малые силы, изменил свое решение по совету одного французского капитана из своего флота. Этот француз, служивший Лолонуа в подобных предприятиях и при взятии Маракайбо, знал все входы, проходы, силы и средства, как снова осуществить то же самое в компании с капитаном Морганом; которому он дал полную информацию обо всем, и тот решил предпринять это во второй раз, будучи сам убежден со всеми своими людьми в целесообразности предложенного французом средства. После этого они бросили якорь и направились к Курасао. Приблизившись к нему, они высадились на другом острове, расположенном недалеко от него, под названием Руба, примерно в двенадцати лигах от Курасао к западу. Этот остров, защищаемый небольшим гарнизоном, населен индейцами, подвластными Испании, и говорящими на испанском языке по причине римско-католической религии, которую здесь культивируют несколько священников, присланных с соседнего континента.

Жители занимаются коммерцией или торговлей с пиратами, которые ходят или приходят этим путем: они покупают у островитян овец, ягнят и детей, которых обменивают на лен, нитки и тому подобные вещи. Страна очень сухая и бесплодная, все ее содержимое состоит из этих трех вещей и небольшого количества безразличной пшеницы. На этом острове водится много ядовитых насекомых, таких как гадюки, пауки и другие. Последние настолько губительны, что человек, укушенный ими, умирает от бешенства; а способ выздоровления таковых состоит в том, чтобы связать их очень крепко по рукам и ногам и оставить так на двадцать четыре часа, ничего не есть и не пить. Капитан Морган, как уже было сказано, бросив якорь у этого острова, купил у жителей овец, ягнят и дрова для всего своего флота. Через два дня он снова отплыл ночью, чтобы они не видели, каким курсом он плывет.

На следующий день они прибыли к морю Маракайбо, тщательно следя за тем, чтобы их не заметили из Вигилии, поэтому они бросили якорь вдали от нее. Наступила ночь, и они снова

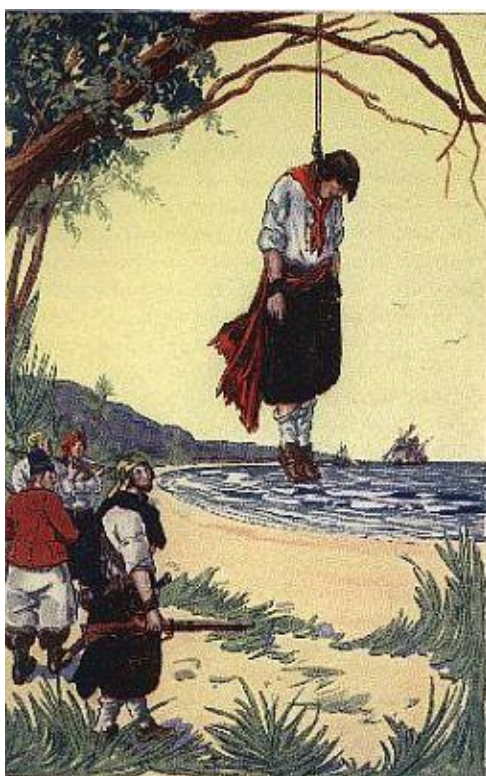
направились к суше, а на следующее утро, к рассвету, оказались прямо на берегу упомянутого озера. Со времени действий Лолонуа испанцы построили еще один форт, откуда теперь непрерывно обстреливали пиратов, а те садились в лодки, чтобы высадиться на берег. Спор продолжался очень жарко, с большим мужеством с утра до темной ночи. Наступила ночь, и капитан Морган в темноте приблизился к форту, осмотрев который, он не обнаружил в нем никого: испанцы покинули его незадолго до этого. Они оставили за собой спички, зажженные рядом с порохом, чтобы взорвать пиратов и всю крепость, как только они окажутся в ней. Этот замысел осуществился, если бы пираты не обнаружили его через четверть часа; но капитан Морган, выхватив спичку, спас жизнь и себе, и своим спутникам. Они нашли здесь много пороха, которым он снабдил свой флот, а затем разрушили часть стен, прибавив шестнадцать орудий, от двенадцати до двадцати четырех фунтов. Здесь же они нашли множество мушкетов и другой военной провизии.

На следующий день они приказали кораблям войти в бар, между которыми разделили порох, мушкеты и другие вещи, найденные в форте; затем они снова высадились, чтобы продолжить свой путь к Маракайбо; но вода была очень низкой, и они не могли пройти определенную отмель при входе в озеро: тогда они были вынуждены сесть в каноэ и маленькие лодки, с которыми они прибыли на следующий день перед Маракайбо, не имея другой защиты, кроме нескольких небольших орудий, которые они могли нести в указанных лодках. Высадившись на берег, они сразу же побежали к форту Де ла Барра, в котором, как и в предыдущем, не было ни одного человека, ибо все скрылись в лесах, оставив и город без людей, за исключением нескольких жалких людишек, которым нечего было терять.

Как только они вошли в город, пираты обыскали все углы, чтобы найти спрятавшихся людей, которые могли бы оскорбить их врасплох; не найдя никого, каждая партия, выходя из своих кораблей, выбирала себе дома по своему усмотрению. Церковь была отведена под общий корпус стражи, где они жили на свой военный манер, очень нагло. На следующий день они послали отряд из ста человек на поиски жителей и их товаров; те вернулись через день, приведя с собой тридцать человек, мужчин, женщин и детей, и пятьдесят мулов, нагруженных хорошими товарами. Всех этих несчастных поставили на дыбу, чтобы заставить их признаться, где находятся остальные жители и их товары. Среди прочих пыток: одним растягивали конечности веревками, а затем били их палками и другими инструментами. Другим вставляли между пальцами горящие спички, которые таким образом сжигали заживо. У других тонкие шнуры или спички закручивали вокруг головы, пока не вырывались глаза. Таким образом, к невинным людям применялись все нечеловеческие жестокости. Те, кто не хотел признаваться или кому нечего было заявить, умирали от рук этих злодеев. Эти пытки и истязания продолжались целых три недели, и в это время они ежедневно отправляли отряды на поиски новых людей, чтобы их мучить и грабить, и никогда не возвращались без добычи и новых богатств.

Капитан Морган, получив в свои руки около сотни главных семейств со всем их имуществом, наконец решил отправиться в Гибралтар, как это уже делал Лолонуа: с этой целью он снарядил свой флот, снабдив его всем необходимым. Кроме того, он посадил на борт всех пленников и, бросив якорь, отплыл, решив рискнуть сражением. Перед этим они отправили в Гибралтар несколько пленников, чтобы потребовать от жителей сдаться, иначе капитан Морган непременно предаст их всех мечу без боя. Прибыв в Гибралтар, жители встретили его непрерывным обстрелом из пушек, но пираты, вместо того чтобы упасть в обморок, не переставали подбадривать друг друга, говоря: "Мы должны один раз поесть горького, прежде чем вкусим сладость сахара, который дает это место".

На следующий день очень рано они высадили всех своих людей и, ведомые вышеупомянутым французом, двинулись к городу не обычным путем, а через лес, и испанцы едва ли думали, что они придут; ибо в начале своего похода они сделали вид, будто намереваются прийти к городу следующим и открытым путем, чтобы таким образом обмануть испанцев: Но те, прекрасно помня, что сделал Лолонуа за два года до этого, сочли небезопасным ожидать второго удара, и тогда все бежали города так быстро, как только могли, унося все свои товары и богатства, а также весь порох; заколов все большие пушки, пираты не нашли во всем городе ни одного человека, кроме одного бедного невинного человека, который родился дураком. Этого человека они спросили, куда бежали жители и где они спрятали свое добро. На все эти и подобные вопросы он неизменно отвечал: "Ничего не знаю, ничего не знаю", но вскоре его поставили на дыбу и стали пытать веревками; от этих мучений он вынужден был воскликнуть: "Не мучайте меня больше, а пойдите со мной, и я покажу вам мои вещи и мои богатства". Они убедились, что под этой бедной одеждой и невинным языком скрывается некий богатый человек; они пошли с ним, и он привел их в бедный убогий домик, где у него было несколько глиняных блюд и других вещей, не имеющих никакой ценности, и три куска восьмерика, спрятанные в подполье с какими-то другими вещами. Тогда они спросили его имя, и он с готовностью ответил: "Меня зовут дон Себастьян Санчес, и я брат губернатора Маракайбо". Этот глупый ответ, надо полагать, эти бесчеловечные ублюдки приняли за правду, потому что, не успев его услышать, они снова посадили его на дыбу, подняв на верёвках и привязав к ногам и шее огромные гири. Кроме того, они сожгли его заживо, приложив к его лицу горящие пальмовые листья.

"Они повесили его на дереве" - [СТРАНИЦА 146](#)

В тот же день они отправили отряд на поиски жителей, к которым они могли бы применить свои жестокости. Они привели честного крестьянина с двумя его дочерьми, которых намеревались пытать так же, как и других, если те не покажут места, где прячутся жители. Крестьянин знал несколько таких мест и, видя, что ему грозит дыба, пошел с пиратами, чтобы показать их; но испанцы, видя, что их враги разбрелись по всему лесу, уже бежали дальше в

самую чащу, где построили себе хижины, чтобы уберечь от непогоды те немногие вещи, которые у них были. Пираты решили, что крестьянин их обманул, и, чтобы отомстить, несмотря на все его оправдания и мольбы, повесили его на дереве.

Затем они разделились на отряды, чтобы обыскать плантации; ведь они знали, что сбежавшие испанцы не могли жить на то, что давали леса, не заходя время от времени за провизией в свои загородные дома. Здесь они нашли раба, которому пообещали горы золота и свободу, переправив его на Ямайку, если он покажет им, где прячутся жители Гибралтара. Этот парень привел их к группе испанцев, которых они тут же взяли в плен, приказав рабу убить некоторых из них на глазах у остальных, чтобы, совершив это преступление, он никогда не смог покинуть их нечестивую компанию. Негр, следуя их приказу, совершил множество убийств и дерзостей по отношению к испанцам и пошел по злосчастным следам пиратов, которые через восемь дней после этого вернулись в Гибралтар со многими пленниками и несколькими мулами, нагруженными богатствами. Они допросили каждого пленника в отдельности (а всего их было около двухсот пятидесяти человек), где они спрятали остатки своего имущества и знают ли они своих соотечественников. Тех, кто не признавался, подвергали самым бесчеловечным пыткам. Среди остальных оказался один португалец, о котором негр сообщил, хотя и ложно, что он очень богат; этому человеку приказали показать его богатства. Он ответил, что в мире у него не более ста кусков восьмерки, и те были украдены у него за два дня до этого его слугой; эти слова, хотя он и скрепил многими клятвами и заверениями, ему не поверили, но, потащив его на дыбу, не обращая внимания на его шестидесятилетний возраст, растянули веревками, заломив обе руки за плечи.

Не ограничившись этой жестокостью, так как он не мог или не хотел сделать никакого другого заявления, они подвергли его еще одному виду мучений, более варварскому; они привязали его маленькими веревками за два больших пальца на руках и ногах к четырем кольям, вбитым в землю на удобном расстоянии, причем вся тяжесть его тела висела на этих веревках. Не удовлетворившись этой жестокой пыткой, они взяли камень весом более двухсот фунтов и положили его на живот, словно намереваясь придавить его до смерти; они также разожгли пальмовые листья и приложили пламя к лицу этого несчастного португальца, сжигая им всю кожу, бороду и волосы. Наконец, видя, что ни этими, ни другими пытками ничего не добьются, они развязали веревки и полумертвого понесли его в церковь, где стоял их корпус стражи; Здесь они вновь привязали его к одному из столбов, оставив в таком состоянии, не давая ему ни есть, ни пить, разве что очень скупо и так мало, что едва ли могло бы поддержать жизнь в течение нескольких дней; когда прошло четыре или пять, он пожелал, чтобы к нему пришел один из пленников, с помощью которого он обещал попытаться собрать немного денег, чтобы удовлетворить их требования. К нему привели требуемого пленника, и он велел ему пообещать пиратам пятьсот кусков по восемь в качестве выкупа; но они были глухи и упрямы к столь малой сумме и, вместо того чтобы принять ее, жестоко избивали его дубинами, говоря: "Старина, вместо пятисот ты должен сказать пятьсот тысяч кусков по восемь, иначе ты здесь закончишь свою жизнь". Наконец, после тысячи заверений, что он всего лишь жалкий человек и содержит бедную таверну, он согласился с ними на тысячу восьмушек. Он собрал эти деньги и, заплатив их, получил свободу, хотя был так ужасно искалечен, что едва ли можно поверить, что он мог прожить много недель.

Других эти тираны распинали на крестах и с помощью зажженных спичек сжигали между суставами пальцев рук и ног, третьим бросали в огонь ноги и таким образом оставляли их жариться заживо. Применяя эти и другие жестокости к белым людям, они начали

практиковать то же самое с неграми, своими рабами, с которыми обращались не менее бесчеловечно, чем со своими хозяевами.

Среди этих рабов был один, который пообещал капитану Моргану провести его к одной из рек озера, где он найдет корабль и четыре лодки, богато нагруженные товарами жителей Маракайбо: он также узнал, где спрятался губернатор Гибралтара с большей частью женщин города; но все это он раскрыл под угрозой повесить его, если он не расскажет, что знает. Капитан Морган отправил к этой реке двести человек на двух сеттерах, или больших лодках, чтобы разыскать то, что обнаружил раб; сам же он с двумястами пятьюдесятью другими взял на себя обязанность отправиться за губернатором. Этот господин удалился на небольшой остров посреди реки, где построил небольшой форт, как мог, для своей защиты; но, услышав, что капитан Морган прибыл лично с большими силами, чтобы искать его, он удалился на вершину горы, расположенной неподалеку, на которую можно было подняться только по очень узкому проходу, настолько прямому, что тот, кто пытался подняться, должен был выводить своих людей поодиночке. Капитан Морган потратил два дня, прежде чем прибыл на этот маленький остров, откуда он намеревался отправиться к горе, где был размещен губернатор, если бы ему не сообщили о невозможности подъема, не только из-за узости пути, но и потому, что губернатор был хорошо снабжен всеми видами боеприпасов: кроме того, выпал сильный дождь, в результате которого весь багаж и порох пиратов намок. Из-за этого дождя они также потеряли много людей при переходе через реку, которая разлилась: здесь же погибло несколько женщин и детей, а также множество мулов, груженных пластинами и товарами, которые они отобрали у беглых жителей; так что дела у капитана Моргана шли очень плохо, а его люди сильно страдали, как можно заключить из этой истории: таким образом, если бы у испанцев в тот момент было всего пятьдесят человек, хорошо вооруженных, они могли бы полностью уничтожить пиратов. Но страх испанцев поначалу был так велик, что шевелящиеся на деревьях листья они часто принимали за пиратов. В конце концов, капитан Морган и его люди, пройдя в этом походе иногда по горло в воде на протяжении половины, а то и целой мили, наконец спаслись, большей частью; но женщины и дети большей частью погибли.

Таким образом, через двенадцать дней после того, как они отправились на поиски губернатора, они вернулись в Гибралтар со многими пленниками: через два дня после этого прибыли и два сеттера, которые отправились к реке, взяв с собой четыре лодки и несколько пленников; но большую часть товаров в указанных лодках они не нашли, испанцы разгрузили и охраняли их, имея сведения о их прибытии; которые также намеревались, когда товары были извлечены, сжечь лодки: Однако испанцы не спешили разгружать эти суда, но оставили на корабле и в лодках большие партии товаров, которые пираты захватили и привезли в Гибралтар значительную добычу. Таким образом, пробыв в этом месте целых пять недель и совершив бесконечное количество убийств, грабежей и тому подобных бесчинств, они решили уходить, но сначала приказали нескольким пленникам отправиться в леса и поля и собрать выкуп за город, иначе они непременно сожгут его дотла. Эти несчастные отправились, как их послали, и, обыскав прилегающие поля и леса, вернулись к капитану Моргану, сообщив ему, что им почти никого не удалось найти, но тем, кого они нашли, они предложили свои требования; На что те ответили, что губернатор запретил им давать какой-либо выкуп за город, но они умоляют его немного потерпеть, и между собой они соберут пять тысяч кусков по восемь, а за остальное дадут несколько своих горожан в качестве заложников, которых он может отвезти в Маракайбо, пока не получит полного удовлетворения.

Капитан Морган, долгое время отсутствовавший в Маракайбо и знавший, что у испанцев было достаточно времени, чтобы укрепиться и помешать его отплытию из озера, удовлетворил их предложение и как можно скорее отплыл: он дал свободу всем пленникам, предварительно заплатив за каждого выкуп; рабов же он задержал. Они передали ему четырех человек, о которых договорились, в качестве заложников, за которых он должен был получить еще деньги, и они хотели получить вышеупомянутого раба, намереваясь наказать его в соответствии с его заслугами; но капитан Морган не отдал его, чтобы не сжечь заживо. Наконец, они бросили якорь и поспешно отплыли в Маракайбо: сюда они прибыли через четыре дня и нашли все вещи такими, какими их оставили; здесь же они получили известие от бедного старика, которого одного нашли больным в городе, что три испанских военных корабля прибыли к входу в озеро, ожидая возвращения пиратов; более того, что замок у входа в него снова приведен в хорошее положение для обороны, хорошо снабжен пушками и людьми, и всеми видами боеприпасов.

Эти сведения не могли не взволновать капитана Моргана, который теперь тщательно обдумывал, как удрать через узкий вход в озеро: тогда он послал свою самую быструю лодку, чтобы осмотреть вход и убедиться, что все обстоит именно так, как было сказано. На следующий день лодка вернулась, подтвердив сказанное; они заверили его, что видели корабли так близко, что были в большой опасности от их выстрелов; к этому они добавили, что на самом большом корабле было установлено сорок пушек, на втором - тридцать, а на самом маленьком - двадцать четыре. Эти силы, значительно превосходящие силы капитана Моргана, вызвали всеобщее смятение у пиратов, чье самое большое судно имело не более четырнадцати небольших пушек. Все считали, что капитан Морган впал в уныние и безнадежность, учитывая, что ему трудно пройти со своим маленьким флотом среди этих огромных кораблей и форта, иначе он должен погибнуть. Как спастись другим способом, по морю или по суше, они не представляли. В этих условиях капитан Морган воспрянул духом и, решив показать себя еще неустрашимым, смело послал испанца к адмиралу этих трех кораблей, требуя от него значительный выкуп за то, что он не предаст город Маракайбо огню. Этот человек (который был принят испанцами с большим восхищением смелостью этих пиратов) вернулся через два дня и принес капитану Моргану письмо от упомянутого адмирала следующего содержания

Письмо дона Алонсо дель Кампо-и-Эспиноса, адмирала испанского флота, капитану Моргану, командующему пиратами.

"Получив от всех наших друзей и соседей неожиданное известие о том, что вы осмелились предпринять попытку и совершить военные действия в странах, городах, поселках и деревнях, принадлежащих владениям его католического величества, моего суверенного господина и повелителя, я даю вам понять этими строками, что я прибыл в это место, согласно моему обязательству, возле того замка, который вы взяли из рук кучки трусов; там я привел все в очень хорошее положение для обороны и снова установил артиллерию, которую вы прибили и демонтировали. Я намерен оспаривать у вас проход через озеро и преследовать вас повсюду, чтобы вы могли убедиться в исполнении моего долга. Тем не менее, если вы смиренно сдадите все, что взяли, вместе с рабами и другими пленниками, я позволю вам свободно пройти, без неприятностей и приставаний, при условии, что вы сейчас же удалитесь домой, в свою страну. Но если вы окажете какое-либо сопротивление или противодействие тому, что я вам предлагаю, уверяю вас, я прикажу прислать лодки из Караккаса, где я размещу свои войска, и, придя в Маракайбо, предам вас всех на меч. Это мое последнее и абсолютное решение. Поэтому будьте благоразумны и не злоупотребляйте моей щедростью в неблагодарности. Со мной очень хорошие солдаты, которые не желают ничего более страстного, чем отомстить вам и вашему народу за все те жестокости и подлые бесчестные поступки, которые вы совершили против испанской нации в Америке". Датируется на борту королевского корабля под названием *"Магдалина"*, стоящего на якоре у входа в озеро Маракайбо, 24 апреля 1669 года.

"Дон Алонсо дель Кампо-и-Эспиноса".

Как только капитан Морган получил это письмо, он созвал всех своих людей на рыночной площади Маракайбо и, прочитав его содержание на французском и английском языках, спросил их совета и решения по поводу всего этого дела, и предпочли ли они сдать все, что у них есть, чтобы получить свою свободу, чем сражаться за нее.

Они единодушно ответили, что лучше будут сражаться до последней капли крови, чем так легко сдадут добычу, доставшуюся им с такой опасностью для жизни. Один из них сказал капитану Моргану: "Позаботьтесь об остальных, а я возьмусь уничтожить самый большой из этих кораблей всего с двенадцатью людьми: мы сделаем из того судна, которое мы взяли в реке Гибралтар, брульот, или пожарный корабль; чтобы его не приняли за пожарный корабль, мы заполним его палубы деревянными бревнами, на которые наденем шляпы и шапки монтера, чтобы обмануть их взгляд, изображая людей. То же самое мы сделаем у отверстий, служащих для пушек, которые будут заполнены поддельными пушками. На корме мы вывесим английские цвета и убедим врага, что это один из наших лучших военных кораблей, идущий сражаться с ними". Это предложение было принято и одобрено всеми; однако их опасения не были полностью развеяны.

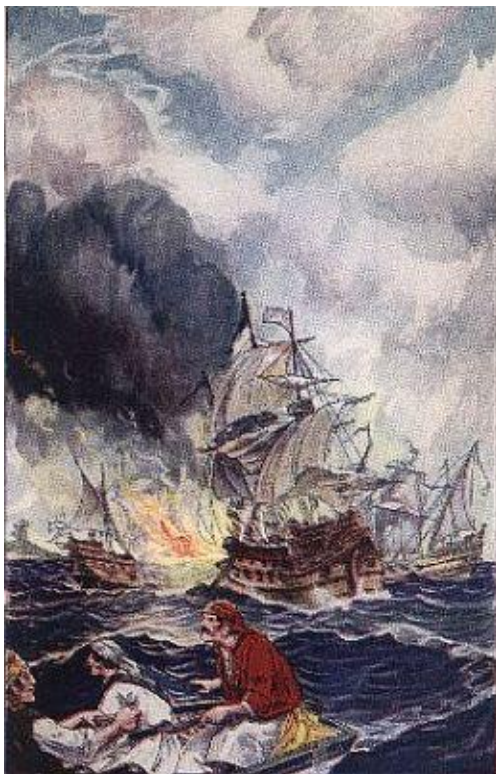
Несмотря на заключенное соглашение, на следующий день они попытались договориться с доном Алонсо. Для этого капитан Морган послал к нему двух человек с такими предложениями: Во-первых, чтобы он покинул Маракайбо, не причинив городу никакого ущерба и не требуя выкупа за его обстрел. Во-вторых, чтобы он отпустил на свободу половину рабов и всех пленных без выкупа. В-третьих, что он свободно отправит домой четырех главных жителей Гибралтара, которых он держал под стражей в качестве заложников за контрибуцию, которую те обещали выплатить. Эти предложения были немедленно отвергнуты доном Алонсо, как бесчестные; он и слышать не хотел ни о каких других уступках,

но в ответ послал следующее сообщение: "Что если они не сдадутся добровольно в его руки в течение двух дней на условиях, которые он предложил им в своем письме, то он немедленно придет и заставит их сделать это".

Не успел капитан Морган получить это послание от дона Алонсо, как привел все в боевую готовность, решив выйти из озера главными силами, ничего не сдавая. Прежде всего он велел связать всех рабов и пленников и хорошо их охранять, а также собрал всю смолу, деготь и серу, которые они смогли найти во всем городе, для вышеупомянутого огненного корабля; затем они сделали несколько изобретений из пороха и серы с пальмовыми листьями, хорошо приправленными дегтем. Они очень хорошо укрыли свои фальшивые пушки, положив под каждую много фунтов пороха; кроме того, они срубили много флигелей на корабле, чтобы порох лучше сохранял свою силу; открыли также новые портовые отверстия, куда вместо пушек поместили маленькие барабаны, используемые неграми. Наконец, палубы были красиво украшены множеством кусков дерева, одетых как люди в шляпах, или монтерах, и вооруженных шпагами, мушкетами и бандеролями.

Снарядив таким образом пожарный корабль, они приготовились идти к входу в порт. Всех пленников посадили в одну большую лодку, а в другую, самую большую, поместили всех женщин, тарелки, драгоценности и другие богатые вещи: в другие - тюки с товарами и товарами и другие вещи, которых было много: на борту каждой из этих лодок было по двенадцать человек, очень хорошо вооруженных; брульот получил приказ идти впереди остальных судов и в ближайшее время пристать к большому кораблю. Когда все было готово, капитан Морган потребовал от всех своих товарищей клятвы, в которой обещал защищаться до последней капли крови, не требуя четверти; кроме того, он обещал, что тот, кто будет вести себя так, будет очень хорошо вознагражден.

С этим мужественным решением они отправились на поиски испанцев. 30 апреля 1669 года они обнаружили испанский флот, стоящий на якоре посреди входа в озеро. Капитан Морган, когда уже было поздно и почти стемнело, приказал всем своим судам встать на якорь, намереваясь сражаться хоть всю ночь, если они его к этому вынудят. Он приказал нести тщательную вахту на борту каждого судна до утра, поскольку они находились почти на расстоянии выстрела, а также в пределах видимости противника. На рассвете они снялись с якоря и снова отплыли, держа курс прямо на испанцев; те, увидев их движение, тут же сделали то же самое. Пожарный корабль, шедший впереди остальных, настиг большой корабль и схватился с ним; испанцы (слишком поздно) поняли, что это пожарный корабль, и попытались отбросить его, но тщетно: пламя, охватив его древесину и снасти, вскоре сожгло всю корму, а передняя часть погрузилась в море, где и погибла. Второй испанский корабль, увидев, что адмирал горит, не случайно, а по наущению врага, бежал к замку, где испанцы сами затопили его, решив скорее потерять свой корабль, чем попасть в руки этих пиратов. Третье судно, не имея возможности спастись, было захвачено пиратами. Моряки, потопившие второй корабль возле замка, увидев, что пираты идут к ним, чтобы забрать остатки затонувшего корабля (ведь часть его еще была над водой), подожгли и это судно, чтобы пираты не могли воспользоваться ничем из этого трофея. Когда первый корабль был подожжен, некоторые из находившихся на нем людей поплыли к берегу; пираты хотели бы взять их в свои лодки, но они не стали просить и не приняли четверти, предпочитая скорее лишиться жизни, чем получить ее из их рук, по причинам, о которых я расскажу.

**"ОГНЕННЫЙ КОРАБЛЬ, ОТПЛЫВ РАНЬШЕ ОСТАЛЬНЫХ, НАЛЕТЕЛ
НА БОЛЬШОЙ КОРАБЛЬ" - [СТРАНИЦА 158](#)**

Пираты, чрезвычайно обрадованные столь скорой победой, да еще при таком неравенстве сил, возгордились еще больше, чем прежде, и все сразу же побежали на берег, намереваясь захватить корабль. Они нашли его хорошо снабженным людьми, пушками и боеприпасами; у них не было другого оружия, кроме мушкетов и нескольких ручных гранатометов: свою собственную артиллерию они считали неспособной, в силу ее малочисленности, проделать сколько-нибудь значительную брешь в стенах. Так они провели остаток дня, обстреливая гарнизон из своих мушкетов, до вечерних сумерек, когда попытались приблизиться к стенам, чтобы бросить шары: но испанцы, решив продать свои жизни как можно дороже, открыли по ним такой яростный огонь, что, убедившись в упорстве врага и увидев тридцать своих людей убитыми и еще столько же ранеными, они отступили к своим кораблям.

Испанцы, полагая, что на следующий день пираты возобновят атаку из своих пушек, всю ночь трудились, чтобы подготовить все к их приходу; в частности, они срыли и сделали равниной несколько небольших холмов и возвышенностей, с которых, возможно, можно было бы атаковать замок.

Но капитан Морган не собирался приходить снова и на следующий день занялся тем, что взял в плен нескольких человек, которые еще плавали живыми, надеясь получить часть богатств, потерянных на двух погибших кораблях. Среди остальных он взял лоцмана, который был незнакомцем и принадлежал к меньшему из двух кораблей, и расспросил его о нескольких вещах: сколько людей было на этих трех кораблях? Ожидают ли они, что прибудут еще корабли? Из какого порта они отправились в последний раз, когда их пришли искать? Он ответил по-испански: "Благородный сеньор, будьте добры помирить и пощадить меня, чтобы не причинить мне зла, поскольку я чужак в этом государстве, которому служу, и я искренне расскажу вам обо всем, что произошло до нашего прибытия на это озеро. Мы были посланы по приказу Верховного государственного совета Испании с

шестью хорошо оснащенными кораблями в эти моря с инструкциями крейсировать против английских пиратов и выкорчевать их из этих мест, уничтожив столько, сколько сможем.

"Эти приказы были отданы после того, как до испанского двора дошли известия о потере и разорении Пуэрто-Бельо и других мест; обо всех этих разрушениях и враждебных действиях, совершенных здесь англичанами, часто возносились печальные сетования католическому королю и совету, которым принадлежит забота и сохранение этого нового мира. И хотя испанский двор много раз жаловался на это королю Англии через своих послов, его величество Британия неизменно отвечал, что никогда не давал ни грамот, ни поручений на враждебные действия против подданных короля Испании. Тогда католический король решил отомстить своим подданным и наказать за эти действия: приказал снарядить шесть военных кораблей, которые он отправил под командованием дона Августина де Бустоса, адмирала упомянутого флота. Он командовал самым большим кораблем, названным *Н. С. де ла Соледа*, с сорока восемью большими пушками и восемью малыми. Вице-адмиралом был дон Алонсо дель Кампо-и-Эспиноса, который командовал вторым кораблем под названием "*Ла Консепшн*", с сорока четырьмя большими пушками и восемью малыми; кроме того, еще четырем судам, из которых первое называлось "*Магдалина*", с тридцатью шестью большими пушками и двенадцатью малыми, с двумястами пятьюдесятью людьми. Второе называлось "*Святой Льюис*", имело двадцать шесть больших пушек, двенадцать малых и двести человек. Третий назывался "*Ла Маркеза*", на нем было шестнадцать больших пушек, восемь малых и сто пятьдесят человек. Четвертый и последний, *Н. С. дель Кармен*, с восемнадцатью большими пушками, восемью малыми и ста пятьюдесятью людьми.

"Прибыв в Картахену, два самых больших корабля получили приказ вернуться в Испанию, так как были признаны слишком большими для крейсерства у этих берегов. С четырьмя оставшимися кораблями дон Алонсо дель Кампо-и-Эспиноса отправился в Кампечи на поиски англичан: мы прибыли в тамошний порт, где, застигнутые врасплох сильным штормом с севера, потеряли один из наших кораблей, тот, который я назвал последним. Отсюда мы отплыли к Испаньоле, которую увидели через несколько дней и направились к Санто-Доминго: здесь мы услышали, что этим путем прошел флот с Ямайки и что некоторые его люди высадились в Альта-Грасии; жители взяли одного пленного, который признался, что их цель - разграбить город Караккас. Получив это известие, дон Алонсо немедленно бросил якорь, и, переправившись на континент, мы вышли к Каракасу: здесь мы их не нашли, но встретили лодку, которая сообщила нам, что они находятся в озере Маракайбо, и что флот состоит из семи небольших судов и одной лодки.

"На этом мы приплыли сюда и, прибыв к входу в озеро, выстрелили с берега из пушки, чтобы вызвать лоцмана. Те, кто был на суше, поняв, что мы испанцы, охотно пришли к нам с лоцманом и рассказали, что англичане взяли Маракайбо и теперь занимаются разграблением Гибралтара. Дон Алонсо, узнав об этом, обратился к своим солдатам и морякам с прекрасной речью, побуждая их к исполнению долга и обещая разделить между ними все, что они возьмут у англичан: он приказал поставить в крепость пушки, которые мы сняли с погибшего корабля, и установить их для обороны, а также еще две восемнадцатифунтовые пушки со своего корабля. Лоцманы провели нас в порт, и дон Алонсо велел людям на берегу явиться к нему, которым он приказал вернуть замок и укрепить его на сто человек больше, чем было до его взятия. Вскоре после этого мы узнали о вашем возвращении из Гибралтара в Маракайбо, откуда дон Алонсо написал вам письмо, в котором рассказал о своем прибытии и планах и увещевал вас вернуть захваченное. Отказавшись от этого, он вновь дал обещания своим солдатам и морякам и, накормив всех своих людей хорошим ужином, приказал им не брать и не давать четверти, из-за чего утонуло так много

людей, которые не осмеливались просить четверти, зная, что сами не должны ее давать. За два дня до того, как вы выступили против нас, на корабль дон Алонсо поднялся негр и сказал ему: "Сеньор, берегите себя, ибо англичане приготовили пожарный корабль, намереваясь сжечь ваш флот". Но дон Алонсо, не поверив этому, ответил: "Как это может быть? Разве у них хватит ума построить пожарный корабль? Или какие у них есть инструменты, чтобы сделать это?"

Этот лоцман, так подробно рассказавший обо всем этом капитану Моргану, очень понравился ему и, после нескольких любезных предложений, остался у него на службе. Он рассказал капитану Моргану, что на корабле, который затонул, было большое количество пластин, на сумму в сорок тысяч кусков по восемь; из-за этого испанцев часто видели в лодках около него. Тогда капитан Морган приказал одному из своих кораблей остаться там, чтобы найти способ достать из него все пластины, какие только можно; сам же со всем своим флотом вернулся в Маракайбо, где переоборудовал захваченный им большой корабль и выбрал его для себя, отдав свое днище одному из своих капитанов.

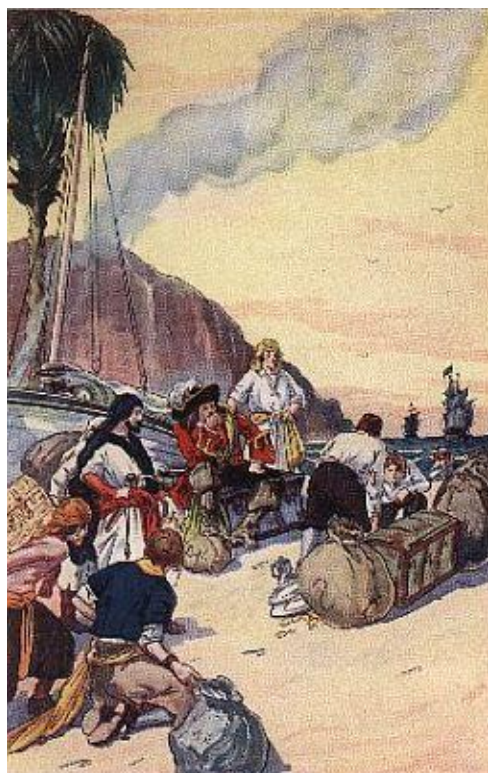
Затем он снова послал гонца к адмиралу, который сбежал на берег и проник в замок, требуя от него огненного выкупа за Маракайбо; получив отказ, он пригрозил полностью поглотить и уничтожить его. Испанцы, учитывая, что им все время не везло с этими пиратами, и не зная, как от них избавиться, решили заплатить указанный выкуп, хотя дон Алонсо не соглашался.

Тогда они послали к капитану Моргану, чтобы узнать, какую сумму он требует. Тот ответил, что, заплатив 30 000 кусков восьмерки и пятьсот голов скота, он отпустит пленников и не причинит городу никакого вреда. В конце концов они сошлись на 20 000 кусков восьмерки и пятистах букашках, чтобы прокормить его флот. Скот пригнали на следующий день с одной частью денег, и, пока пираты занимались засолкой мяса, они составили всю сумму в 20 000 восьмушек, как и было условлено.

Но капитан Морган не стал сейчас выдавать пленников, как обещал, опасаясь выстрела из крепости, когда он выходил из озера. Тогда он сказал им, что не намерен выдавать их до тех пор, пока не избавится от этой опасности, надеясь таким образом получить свободный проход. Затем он отправился со своим флотом на поиски корабля, который он оставил, чтобы отыскать плиту сожженного судна. Он нашел ее на месте, с 15 000 кусков восьмерки, вырванных из работы, рядом со многими кусками пластины, как рукояти мечей и тому подобное; также большое количество кусков восьмерки, расплавленных и сбитых вместе, под действием огня.

Капитан Морган едва ли считал себя в безопасности и не мог придумать, как избежать выстрела из замка: тогда он пожелал, чтобы пленники договорились с правителем о безопасном проходе его флота, а если тот не позволит, то непременно повесит их всех на своих кораблях. После этого пленники собрались и назначили некоторых из своих товарищей посланниками, чтобы те отправились к упомянутому губернатору, дону Алонсо: Они отправились к нему, умоляя и прося его сжалиться над теми страдающими пленниками, которые вместе с женами и детьми находились в руках капитана Моргана, и чтобы он дал слово беспрепятственно пропустить флот пиратов, поскольку это единственный способ спасти жизнь как тех, кто пришел с этим прошением, так и тех, кто остался в плену; всем им одинаково грозили меч и виселица, если он не удовлетворит их смиренную просьбу. Но дон Алонсо в ответ резко осудил их трусость, сказав им: "Если бы вы были так же верны своему королю, препятствуя входу этих пиратов, как я буду препятствовать их выходу, вы бы никогда не причинили этих бед ни себе, ни всему нашему народу, который так много пострадал из-за

вашего малодушия. Одним словом, я никогда не удовлетворю вашу просьбу, но постараюсь сохранить то уважение, которое причитается моему королю, согласно моему долгу".

"МОРГАН ДЕЛИТ СОКРОВИЩА, ЗАХВАЧЕННЫЕ В МАРАКАЙБО" -
[СТРАНИЦА 166](#)

Таким образом, испанцы вернулись в большом смятении и без надежды получить свою просьбу, сообщив капитану Моргану, какой ответ они получили: "Если дон Алонсо не пропустит меня, я найду средства, как сделать это без него". После этого он в скором времени произвел дележ всего, что они взяли, опасаясь, что у него не будет возможности сделать это в другом месте, если поднимется буря и разлучит корабли, а также ревнуя, что кто-нибудь из командиров может убежать с лучшей частью добычи, которой тогда было гораздо больше на одном судне, чем на другом. Таким образом, все они пришли по своим законам и объявили, что у них есть, предварительно дав клятву не утаивать ни одной мелочи. По итогам подсчета было найдено 25 000 кусков восьмерки деньгами и драгоценностями, а также огромное количество товаров и рабов, и все это было разделено на каждый корабль или лодку в соответствии с их долей.

Когда дивиденды были получены, оставался вопрос, как им миновать замок и выбраться из озера. Для этого они прибегли к следующей хитрости: за день до ночи, когда они намеревались выйти, они посадили многих своих людей в каноэ и поплыли к берегу, как будто намереваясь высадиться: здесь они на некоторое время спрятались под ветвями деревьев, нависающих над берегом, улегшись в лодки; затем каноэ вернулись к кораблям, причем было видно, что их гребут только два или три человека, остальные были невидимы на дне каноэ: Таким образом, из замка можно было наблюдать только высадку людей, и эта ложная высадка, если можно так выразиться, повторялась в тот день несколько раз: это заставило испанцев думать, что пираты намереваются ночью захватить замок с помощью скалы *ing*. Из-за этого страха они разместили большую часть своих пушек на суше, вместе с основными силами, оставив сторону моря почти без защиты.

Наступила ночь, они бросили якорь и при свете луны, не ставя паруса, отдались на волю отлива, который плавно понес их вниз по реке, пока они не оказались возле замка; оказавшись почти напротив него, они со всей возможной поспешностью расправили паруса. Испанцы, заметив это, со всей быстротой перенесли свои пушки с другой стороны и начали яростно стрелять по ним; но те, имея очень благоприятный ветер, были почти вне опасности, прежде чем крепостные смогли причинить им вред; так что они потеряли мало своих людей и не получили значительных повреждений на своих кораблях. Оказавшись вне досягаемости пушек, капитан Морган отправил к замку каноэ с некоторыми пленниками, и губернатор дал им лодку, чтобы они могли вернуться к себе домой; но он задержал заложников из Гибралтара, потому что остальная часть выкупа за то, чтобы не обстреливать это место, была еще не выплачена. Как только он отплыл, капитан Морган приказал выстрелить по замку из семи больших пушек с пулями, как бы желая уйти от них, но они не ответили ни одним мушкетным выстрелом.

На следующий день их застала сильная буря, которая заставила их бросить якорь в пяти или шести саженьях воды: но буря усилилась, заставила их снова взвеситься и выйти в море, где они подверглись большой опасности погибнуть; ведь если бы их выбросило на берег, в руки испанцев или индейцев, они бы точно не получили пощады: наконец, буря прошла, ветер утих, к великой радости всего флота.

В то время как капитан Морган нажил свое состояние на этих грабежах, его спутники, отделившись от флота у мыса Лобос, чтобы захватить корабль, о котором говорилось ранее, перенесли много страданий и были неудачливы во всех своих попытках. Прибыв в Савону, они не обнаружили там ни капитана Моргана, ни кого-либо из своих спутников, и им не посчастливилось найти письмо, которое капитан Морган при отплытии оставил в том месте, где, по всей вероятности, они могли бы его встретить. Поэтому, не зная, каким путем идти, они решили разграбить какой-нибудь город. Всего их было около четырехсот человек, разделенных на четыре корабля и одну лодку; приготовившись к отплытию, они назначили себе адмирала, которым стал тот, кто очень храбро вел себя при взятии Пуэрто-Бельо, по имени капитан Гензель. Этот командир попытался взять город Коммана на континенте Караккас, примерно в шестидесяти лигах к западу от острова де ла Тринидад. Прибыв туда, они высадили своих людей и убили несколько индейцев у берега; но, приблизившись к городу, испанцы, имевшие в своей компании множество индейцев, так ожесточенно оспаривали вход, что, понеся большие потери и смятение, были вынуждены отступить на корабли. Наконец они прибыли на Ямайку, где остальные их спутники, прибывшие с капитаном Морганом, насмехались и издевались над ними за их неудачный успех в Коммане, часто говоря им: "Давайте посмотрим, какие деньги вы привезли из Коммана, и будет ли это такое же хорошее серебро, как то, которое мы привезли из Маракайбо".

ГЛАВА XIII

Капитан Морган отправляется на Испаньолу, чтобы снарядить новый флот, намереваясь вновь разбойничать на побережье Вест-Индии.

Теперь капитан Морган понимал, что Фортуна благоволит ему, давая успех всем его предприятиям, что побуждало его, как это обычно бывает в человеческих делах, стремиться к большему, веря, что она всегда будет к нему постоянна.

Так было и сожжением Панамы, где Фортуна не отказала ему в помощи, как это было раньше, хотя и вела его к этому через тысячу трудностей. Историю эту я изложу сейчас, она столь примечательна во всех своих обстоятельствах, что, пожалуй, ничего более достойного памяти не прочтут будущие века.

Капитан Морган, прибыв на Ямайку, обнаружил, что многие из его офицеров и солдат доведены до прежней нищеты своими пороками и распутством. Поэтому они постоянно просили его о новых подвигах.

Капитан Морган, готовый следовать зову Фортуны, затыкал рты многим жителям Ямайки, которые были кредиторами его людей на крупные суммы, с надеждами и обещаниями больших достижений, чем когда-либо, новой экспедиции. Сделав это, он мог легко набрать людей для любого предприятия: его имя было так знаменито на всех этих островах, что уже одно это могло принести ему больше людей, чем он мог нанять. Поэтому он взялся снарядить новый флот, для чего назначил местом встречи южную сторону Тортуги, написав письма всем знающим пиратам, обитавшим там, а также губернатору, плантаторам и охотникам Испаньолы, сообщая им о своих намерениях и желая их появления, если они собираются идти с ним. Люди, получившие это извещение, стекались к назначенному месту в огромном количестве, с кораблями, каноэ и лодками, желая последовать за ним. Многие, кому не было удобно добираться по морю, пересекли леса Испаньолы и с немалыми трудностями добрались туда по суше. Таким образом, все присутствовали в назначенном месте и были готовы к 24 октября 1670 года.

Капитан Морган не преминул явиться туда в срок, прибыв на своем корабле в Порт-Куйон, что напротив острова Де-ла-Вака, назначенного места. Собрав большую часть своего флота, он созвал совет, чтобы обдумать, как найти провизию для такого количества людей. На нем было решено отправить четыре корабля и одну лодку с четырьмя сотнями людей на континент, чтобы ограбить несколько городов и деревень на всю кукурузу или маис, которую они смогут собрать. Они отправились на континент по направлению к реке Де-ла-Хача, намереваясь напасть на деревню под названием Ла-Ранчерия, где обычно хранится больше всего маиса из всех здешних мест. Тем временем капитан Морган отправил еще один отряд на охоту в лес, который убил огромное количество зверей и засолил их: остальные остались на кораблях, чтобы вычистить, подогнать и оснастить их, чтобы по возвращении их товарищей все было готово к тому, чтобы бросить якорь и следовать своим планам.

ГЛАВА XIV

Что случилось на реке Де-ла-Хача.

Эти четыре корабля, отплыв от Испаньолы, направились к реке Де-ла-Хача, где их внезапно настиг утомительный штиль. Находясь несколько дней в пределах видимости от суши, испанцы, жившие на побережье, приняв их за врагов, имели достаточно времени, чтобы подготовиться, по крайней мере, спрятать лучшие из своих товаров, чтобы, не заботясь об их сохранности, быть готовыми удалиться, если они окажутся не в состоянии противостоять пиратам, чьи частые нападения на эти берега уже научили их, что делать в подобных случаях. В то время в реке находился хороший корабль, пришедший из Карфагены с маисом и уже почти готовый к отплытию. Люди с этого корабля попытались бежать, но, не сумев этого сделать, и они, и судно попали в их руки. Это была хорошая покупка для них, ведь это была добрая часть того, за чем они пришли. На следующее утро, около рассвета, они подошли со своими кораблями к берегу и высадили своих людей, хотя испанцы оказали хорошее сопротивление с батареи, которую они возвели на той стороне, где, по необходимости, они должны были высадиться; но они были вынуждены отойти в деревню, куда за ними последовали пираты. Здесь испанцы, сплотившись, обрушились на них с большой яростью и вели сильный бой, который продолжался до ночи, но затем, поняв, что потеряли большое количество людей, что было не меньше на стороне пиратов, они удалились в тайные места в лесу.

На следующий день пираты, видя, что все они разбежались, а город остался без людей, преследовали их, сколько могли, и настигли группу испанцев, которых взяли в плен и с помощью жесточайших пыток заставили открыть их товары. Некоторых из них невыносимыми пытками заставили признаться, но с другими, которые не хотели, поступали еще более варварски. Таким образом, за пятнадцать дней пребывания там они взяли много пленных, много тарелок и имущества, с добычей которого решили вернуться на Испаньолу; однако, не довольствуясь тем, что получили, они отправили нескольких пленников в лес, чтобы те разыскали остальных жителей и потребовали выкуп за то, что не сожгли город. Те ответили, что у них нет ни денег, ни тарелок, но если их устроит количество маиса, они дадут столько, сколько смогут. Пираты согласились на это, поскольку в то время она была для них полезнее, чем готовые деньги, и договорились, что заплатят четыре тысячи ханегов, или бушелей маиса. Их привезли через три дня, и испанцы захотели избавиться от этого бесчеловечного вида людей. Погрузив их на борт вместе с остальными покупками, они вернулись на Испаньолу, чтобы отчитаться перед своим предводителем, капитаном Морганом, о проделанной работе.

По этому поручению они отсутствовали уже пять недель, и из-за этой задержки капитан Морган почти не надеялся на их возвращение, опасаясь, как бы они не попали в руки испанцев; особенно если учесть, что место, куда они направились, можно было легко освободить от Карфагена и Санта-Мари, если бы жители были осторожны и не тревожили страну. С другой стороны, он опасался, как бы они не нажили в этом плавании большое состояние и не сбежали с ним в какое-нибудь другое место. Но, увидев, что его корабли возвращаются в большем количестве, чем уходили, он вновь обрел мужество, и это зрелище вызвало как у него, так и у его спутников безграничную радость, особенно когда они

обнаружили, что они нагружены маисом, который им был очень нужен для содержания стольких людей, от которых они ожидали больших успехов под началом такого командира.

Капитан Морган разделил упомянутую маис, а также мясо, которое принесли охотники, между своими кораблями, в соответствии с количеством людей, и собрался отплывать; предварительно осмотрев все корабли и убедившись, что они хорошо оснащены и чисты. Отплыв, он подошел к мысу Тибурон, где решил решить, какое предприятие ему следует предпринять. Не успели они прибыть на место, как встретили еще несколько кораблей, недавно пришедших к ним с Ямайки; так, что теперь их флот состоял из тридцати семи кораблей, на которых было две тысячи бойцов, кроме моряков и мальчишек. На адмирале было двадцать две большие пушки и шесть маленьких медных; остальные несли около двадцати, некоторые шестнадцать, некоторые восемнадцать, а самое маленькое судно - не менее четырех; кроме того, у них было большое количество боеприпасов и шаров, а также другие изобретения из пороха.

Капитан Морган, имея такое количество кораблей, разделил весь флот на две эскадры, назначив вице-адмирала и других офицеров второй эскадры, отличной от первой. Им он выдал патентные грамоты, или поручения, на ведение любых военных действий против испанской нации и захват всех кораблей, какие они только смогут, как за морем, так и в гаванях, как если бы они были открытыми и объявленными врагами (как он это называл) короля Англии, его притворного хозяина. Сделав это, он созвал всех своих капитанов и других офицеров и заставил их подписать несколько статей соглашения между ними и от имени всех. В них было оговорено, что он должен получить сотую часть всего, что было получено, себе: каждый капитан должен получить долю восьми человек на расходы своего корабля, помимо своих собственных. Хирургу, сверх его жалованья, двести кусков по восемь на его сундук с лекарствами. Каждому плотнику, сверх его жалованья, сто кусков по восемь. Вознаграждение в этом плавании было установлено гораздо выше, чем прежде: так, за потерю обеих ног - пятнадцать сотен кусков по восемь, или пятнадцать рабов, на выбор; за потерю обеих рук - восемнадцать сотен кусков по восемь, или восемнадцать рабов; за одну ногу, правую или левую, - шестьсот кусков по восемь, или шесть рабов; за руку - столько же, сколько за ногу; а за потерю глаза - сто кусков по восемь, или один раб. Наконец, тому, кто в любом сражении проявит себя, первым ворвавшись в какой-либо замок или сняв испанские знамена и установив английские, они назначили в награду пятьдесят кусков по восемь. Все эти чрезвычайные жалованья и вознаграждения должны выплачиваться из первой добычи, которую они возьмут, поскольку каждый должен быть вознагражден или оплачен.

Подписав этот договор, капитан Морган приказал своим вице-адмиралам и капитанам привести все в порядок, чтобы попытаться занять одно из этих трех мест: либо Карфагену, либо Панаму, либо Веракрус. Но жребий пал на Панаму, как на самое богатое из всех трех; хотя город этот находился на таком расстоянии от Северного моря, что они не знали хорошо подходов к нему, они сочли необходимым заранее отправиться на остров Святой Екатерины, чтобы найти там несколько человек для проводников в этом предприятии; ибо в гарнизоне обычно много бандитов и преступников, принадлежащих к Панаме и соседним местам, которые весьма сведущи в знании этой страны. Но прежде чем отправиться в путь, они разослали по всему флоту акт, в котором обещали, что если они встретят какое-нибудь испанское судно, то первый капитан, который захватит его, получит в награду десятую часть того, что будет в нем найдено.

ГЛАВА XV

Капитан Морган покидает Испаньолу и направляется к острову Святой Екатерины, который и захватывает.

Капитан Морган и его спутники снялись с якоря у мыса Тибурон 16 декабря 1670 года. Через четыре дня после этого они прибыли на остров Святой Екатерины, который, как уже говорилось, снова находится во владении испанцев и куда они обычно ссылают злоумышленников из испанских владений в Вест-Индии. В определенное время года здесь можно увидеть огромное количество голубей. Он орошается четырьмя речками, две из которых летом всегда пересыхают. Жители не занимаются ни торговлей, ни коммерцией; они также не сажают больше фруктов, чем необходимо для жизни человека, хотя эта страна могла бы дать очень хорошие плантации табака, приносящие значительную прибыль, если бы ее возделывали.

Как только капитан Морган приблизился к острову со своим флотом, он послал одно из своих лучших парусных судов осмотреть вход в реку и посмотреть, нет ли там других кораблей, которые могли бы помешать ему высадиться, а также опасаясь, как бы они не сообщили о его прибытии жителям и не помешали его замыслам.

На следующий день, еще до восхода солнца, весь флот бросил якорь неподалеку от острова, в бухте под названием Агуаде-Гранде. В этой бухте испанцы построили батарею, оснащенную четырьмя пушками. Капитан Морган высадил на берег около тысячи человек в разных эскадронах и отправился в поход через лес, хотя у них не было других проводников, кроме нескольких его собственных людей, которые уже бывали здесь под командованием Мансвелта. В тот же день они пришли к месту, где иногда останавливался губернатор: здесь они обнаружили батарею, называемую Платформой, но в ней никого не было, испанцы удалились на малый остров, который, как уже говорилось, находится так близко от большого, что соединить их можно только коротким мостом.

Этот меньший остров был так хорошо укреплен фортами и батареями вокруг, что казался неприступным. И тут, как только испанцы заметили приближение пиратов, они открыли по ним такой яростный огонь, что те в тот день не смогли ничего предпринять, а довольствовались тем, что отступили и расположились на отдых в открытом поле, что было не странно для этих людей, достаточно привыкших к такому виду отдыха. Больше всего их мучил голод: весь день они ничего не ели. Около полуночи пошел такой сильный дождь, что они с большим трудом терпели его, причем у большей части из них не было другой одежды, кроме пары матросских штанов или бриджей и рубашки, без обуви и чулок. В этой крайней ситуации они снесли несколько соломенных домиков, чтобы развести в них костры; одним словом, они были в таком состоянии, что сто человек, в меру хорошо вооруженных, легко могли бы этой ночью разорвать их всех на куски. На следующее утро, с рассветом, дождь прекратился, они высушили оружие и двинулись в путь, но вскоре после этого пошел новый дождь, еще более сильный, чем прежде, как будто небо превратилось в воду; это мешало им продвигаться к фортам, откуда испанцы непрерывно обстреливали их.

Теперь пираты подвергались большим страданиям и опасностям из-за суровой погоды, собственной наготы и сильного голода; для небольшого облегчения они нашли в поле старую лошадь, худую, всю в струпьях и пятнах, с израненной спиной и боками: Ее они тут же

убили, разделали на куски и разделили между собой, насколько хватило бы (ибо многие не могли достать ни кусочка), которые они зажарили и съели без соли и хлеба, больше похожие на хищных волков, чем на людей. Дождь не прекращался, и капитан Морган решил, что они успокоились, услышав от многих из них, что они вернутся на борт. Среди этого душевного и телесного изнеможения он счел нужным применить какое-нибудь неожиданное средство: для этого он приказал поспешно снарядить каноэ и вывесить цвета перемирия. Это каноэ он отправил к испанскому губернатору с таким посланием: "Если в течение нескольких часов он не отдаст себя и всех своих людей в его руки, пусть этот посланник поклянется ему и всем, кто был в его компании, что он непременно предаст их мечу, не давая никому передышки".

После полудня каноэ вернулось с таким ответом: "Что губернатор желает получить два часа времени для обсуждения этого вопроса со своими офицерами, и по истечении этого времени он даст положительный ответ". По истечении этого времени губернатор послал два каноэ с белыми цветами и двух человек для переговоров с капитаном Морганом; но прежде чем они высадились, они потребовали от пиратов двух человек в качестве заложников. Капитан Морган с готовностью согласился, передав им двух капитанов в залог требуемого обеспечения. После этого испанцы заявили капитану Моргану, что губернатор, собравшись в полном составе, решил отдать остров, не имея достаточных сил для его защиты от такой армады. Но при этом он хотел, чтобы капитан Морган соблаговолил применить некую военную хитрость для лучшего спасения своей репутации и репутации своих офицеров как за границей, так и дома, которая должна заключаться в следующем: капитан Морган должен ночью подойти со своими войсками к мосту, соединяющему малый остров с большим, и там атаковать форт Св. Джерома: чтобы в то же время весь его флот приблизился к замку Санта-Тереза и атаковал его по суше, высадив тем временем дополнительные войска у батареи Святого Матфея; чтобы эти войска, вновь высадившись, таким образом перехватили губернатора, когда он попытается пройти к форту Святого Джерома, и взяли его в плен; используя формальность, как будто они заставили его сдать замок; и чтобы он привел англичан в него под видом своих собственных войск. С обеих сторон должна вестись непрерывная стрельба, но без пуль, или, по крайней мере, в воздух, чтобы ни одна сторона не пострадала. Таким образом, получив два таких значительных форта, самых главных на острове, он не должен заботиться об остальных, которые, конечно же, должны попасть в его руки.

Капитан Морган согласился на эти предложения при условии, что они будут неукоснительно соблюдаться; в противном случае их следует использовать с максимальной строгостью; они обещали это сделать и удалились, чтобы отчитаться о своих переговорах перед губернатором. Вскоре после этого капитан Морган приказал всему флоту войти в порт, а своим людям - быть готовыми к штурму этой ночью замка Сен-Жером. Так началось ложное сражение, сопровождавшееся непрерывной стрельбой из обоих замков по кораблям, но без пуль, как было условлено. Затем пираты высадились и ночью напали на меньший остров, который и захватили, а также обе крепости, заставив испанцев, по всей видимости, бежать в церковь. Перед штурмом капитан Морган передал губернатору, чтобы тот держал всех своих людей в сборе, иначе, если пираты встретят на улицах хоть одного зазевавшегося испанца, они непременно их перестреляют.

Захватив остров с помощью этой необычной хитрости и приведя все в порядок, пираты в течение нескольких дней вели новую войну против домашней птицы, скота и всех видов продуктов, которые могли найти; они не думали ни о чем другом, кроме как убивать, жарить и есть, а также веселиться, как могли. Если не хватало дров, они сносили дома и разводили костры из древесины, как это делали раньше в поле. На следующий день они перечислили

всех пленных, которых взяли на острове, и оказалось, что всего их четыреста пятьдесят девять человек, мужчин, женщин и детей, то есть сто девяносто солдат гарнизона; сорок жителей, которые были женаты: сорок три ребенка, тридцать четыре раба, принадлежащие королю; с восемью детьми, восемью бандитками, тридцатью девятью неграми, принадлежащими частным лицам; с двадцатью семью негритянками и тридцатью четырьмя детьми. Пираты разоружили всех испанцев и немедленно отправили их на плантации в поисках провизии, оставив женщин в церкви для совершения богослужений.

Вскоре после этого они осмотрели весь остров и все его крепости, которых оказалось девять, а именно: в форте Святого Иеронима, рядом с мостом, было восемь больших пушек с лафетами в двенадцать, шесть и восемь фунтов, а также шесть труб с мушкетами, в каждой из которых было по десять мушкетов. Здесь они нашли еще шестьдесят мушкетов с достаточным количеством пороха и других боеприпасов. Вторая крепость, названная Святым Матвеем, имела три пушки по восемь фунтов каждая. Третья, самая главная, под названием Санта-Тереза, имела двадцать больших пушек, восемнадцать, двенадцать, восемь и шесть фунтов; с десятью трубами мушкетов, как и в предыдущих, и девяносто мушкетов, кроме прочей амуниции. Замок этот был построен из камня и раствора, с очень толстыми стенами и большим рвом вокруг него, глубиной в двадцать футов, который, хотя и был сухим, все же было очень трудно преодолеть. Сюда не было входа, но через одну дверь можно было попасть в середину замка. Внутри него была гора, почти неприступная, с четырьмя пушками на вершине, откуда они могли стрелять прямо в порт. Со стороны моря он был неприступен, потому что вокруг него были скалы, и море яростно билось о них. С суши она была так удобно расположена на горе, что к ней можно было подойти только по тропинке шириной в три или четыре фута. Четвертая крепость называлась Сент-Августин и имела три пушки калибром восемь и шесть фунтов. Пятая, названная Ла Платформа де ла Консепшн, имела только две пушки по восемь фунтов. Шестой, по имени Сан-Сальвадор, также имел не более двух пушек. Седьмой, под названием Plattaforma de los Artilleros, также имел две пушки. Восьмой, под названием Санта-Крус, имел три пушки. Девятый, называемый фортом Святого Иосифа, имел шесть пушек, двенадцати- и восьмифунтовых, кроме того, две трубы мушкетов и достаточное количество боеприпасов.

На складах находилось более тридцати тысяч фунтов пороха, а также все остальные боеприпасы, которые пираты брали с собой на борт. Все пушки были остановлены и заколочены, а крепости разрушены, кроме Сент-Джерома, где пираты держали караул и оказывали сопротивление. Капитан Морган попросил найти бандитов из Панамы или Пуэрто-Бельо, и ему привели троих, которые выдавали себя за знатоков проспектов этих мест. Он попросил их стать его проводниками и показать ему самые безопасные пути в Панаму, и если они выполнят это, то он обещал им равные доли в награбленном в этой экспедиции и свободу по прибытии на Ямайку. Бандиты с готовностью приняли эти предложения, пообещав служить ему очень верно, особенно один из трех, который был самым большим негодяем, вором и убийцей среди них и заслуживал скорее быть заживо сломанным на колесе, чем наказанным службой в гарнизоне. Этот злой парень имел большую власть над двумя другими и распоряжался ими как хотел, а они не смели ослушаться его приказов.

Капитан Морган приказал снарядить четыре корабля и одну лодку, снабдив их всем необходимым, чтобы отправиться и взять замок Чагре на реке с таким названием; сам он не хотел идти со всем своим флотом, чтобы испанцы не позавидовали его дальнейшему замыслу относительно Панамы. На эти суда он посадил четыреста человек, чтобы исполнить эти его приказы. Сам же тем временем остался в Сент-Катринсе с остальным флотом, ожидая известий об их успехе.

ГЛАВА XVI

*Капитан Морган берет замок Чагре с четырьмя сотнями человек,
посланных для этой цели из Сент-Катринса.*

Капитан Морган, отправив этот небольшой флот в Чагре, выбрал вице-адмиралом некоего капитана Бродели, который долгое время находился в тех краях и совершил множество разбойных нападений на испанцев, когда Мансвелт взял остров Святой Екатерины, о чем уже говорилось выше; поэтому его сочли подходящим человеком для этого подвига; его действия также принесли ему известность среди пиратов и их врагов - испанцев. Капитан Бродель, назначенный командиром, через три дня после своего отплытия прибыл к упомянутому замку Чагре, который испанцы называют Святым Лаврентием. Замок этот построен на высокой горе, у входа в реку, окружен крепкими палисадами, или деревянными стенами, засыпанными землей, которая защищает их не хуже самой лучшей стены из камня или кирпича. Вершина этой горы как бы разделена на две части, между которыми находится ров глубиной в тридцать футов. У замка есть только один вход, и тот через разводной мост, перекинутый через этот ров. С суши он имеет четыре бастиона, а с моря - еще два. Южная часть совершенно недоступна из-за обрывистости горы. Северная часть окружена рекой, которая здесь очень широкая. У подножия замка, вернее, горы, находится мощный форт с восемью большими пушками, который контролирует вход в реку. Немного ниже находятся еще две батареи, каждая из шести орудий, для защиты устья реки. С одной стороны крепости находятся два больших склада со всевозможной военной амуницией и товарами, привезенными сюда с островной страны. Рядом с этими домами находится высокая лестница, вырубленная в скале, по которой можно подняться на вершину замка. На западе находится небольшой порт, глубиной не более семи-восьми сажень, пригодный для небольших судов, и очень хорошая якорная стоянка; кроме того, перед замком, при входе в реку, находится большая скала, которую невозможно описать иначе как во время отлива.

Не успели испанцы заметить пиратов, как те открыли по ним непрерывный огонь из самых больших пушек. Они бросили якорь в небольшом порту, примерно в лиге от замка. На следующее утро, очень рано, они сошли на берег и пошли через лес, чтобы атаковать замок с этой стороны. Этот поход продолжался до двух часов пополудни, прежде чем они смогли добраться до замка из-за трудностей пути, трясины и грязи; и хотя их проводники служили им очень точно, они все же подошли к замку так близко, что потеряли много своих людей от его выстрелов, поскольку находились на открытом месте без укрытия. Это сильно озадачило пиратов, они не знали, как поступить; ведь с той стороны, по необходимости, они должны были совершить нападение: а будучи с головы до ног непокрытыми, они не могли продвинуться ни на шаг без опасности: кроме того, замок, как по своему положению, так и по силе, заставлял их сильно сомневаться в успехе. Но сдать его они не решались, чтобы не подвергнуться упрекам со стороны своих товарищей.

Наконец, после долгих сомнений и споров, решив отчаянно рисковать штурмом и своей жизнью, они двинулись к замку, держа в одной руке мечи, а в другой - огненные шары. Испанцы защищались очень бодро, не переставая вести непрерывный огонь; при этом они кричали: "Вперед, английские псы! враги Бога и нашего короля; и пусть другие ваши товарищи, которые идут позади, тоже идут, вы не дойдете до Панамы в этой схватке". Пираты, сделав несколько попыток взобраться на стены, были вынуждены отступить, отдыхая до ночи. С наступлением ночи они вернулись к штурму, чтобы попытаться с помощью своих зажигательных шаров разрушить палы перед стеной; и пока они этим занимались, произошел весьма примечательный случай, который и привел к их победе. Один из пиратов

был ранен стрелой в спину, которая пронзила его тело насквозь, он смело вытащил ее на груди, намотал на нее немного хлопка, вложил ее в свой мушкет и выстрелил в замок; Но хлопок, разгоревшийся от пороха, поджег два или три дома в замке, крытые пальмовыми листьями, что испанцы заметили не так скоро, как было необходимо; ибо этот огонь, встретившись с посылкой пороха, взорвал его, причинив тем самым большие разрушения и не меньшее замешательство испанцам, которые не смогли остановить его, не заметив вовремя.

Пираты, видя эффект от стрелы и несчастья испанцев, были бесконечно рады; и пока они были заняты тушением огня, который вызвал большое замешательство из-за отсутствия воды, пираты воспользовались этой возможностью и подожгли палисады. Пожар, возникший сразу в нескольких частях замка, дал им большое преимущество перед испанцами: огонь проделал множество проломов в палисадах, и огромные кучи земли посыпались в ров. Тогда пираты, взобравшись наверх, проникли в замок, хотя те испанцы, которые не были заняты огнем, сбросили вниз множество пылающих горшков, полных горючих веществ и неприятных запахов, которые уничтожили многих англичан.

Испанцы, при всем своем сопротивлении, не смогли помешать сжечь палисад до полуночи. Тем временем пираты продолжали свое намерение захватить замок; и хотя огонь был очень сильным, они ползали по земле, как только могли, и стреляли среди пламени в испанцев с другой стороны, и таким образом убили многих со стен. Когда наступил день, они заметили, что вся подвижная земля, лежавшая между палами, была засыпана рвом, так что теперь те, кто находился внутри замка, были одинаково уязвимы для тех, кто находился снаружи, как и раньше; тогда пираты продолжили стрелять очень яростно и убили многих испанцев, так как губернатор поручил им сделать хорошие посты, отвечающие кучам земли, засыпанным во рву, и приказал перевезти артиллерию к проломам.

Огонь в замке все еще продолжался, и пираты из-за границы делали все возможное, чтобы помешать его продвижению, непрерывно стреляя по нему; одна часть их была занята только этим, а другая следила за всеми движениями испанцев. Около полудня англичане пробили брешь, которую защищал сам губернатор с двадцатью пятью солдатами. Испанцы оказали очень мужественное сопротивление, используя мушкеты, пики, камни и мечи, но пираты пробивались сквозь все это, пока не овладели замком. Оставшиеся в живых испанцы бросились из замка в море, предпочтя умереть таким образом (немногие или никто не выжил после падения), чем просить четверть за свою жизнь. Сам губернатор отступил к корпусу дю Гард, перед которым были установлены две пушки: здесь он по-прежнему защищался, не требуя четверти, пока не был убит выстрелом из мушкета в голову.

Губернатор был мертв, а корпус дю Гарда сдался, но в нем осталось в живых тридцать человек, из которых едва ли десять не были ранены: они сообщили пиратам, что восемь или девять их солдат дезертировали и отправились в Панаму, чтобы сообщить о своем прибытии и вторжении. Из трехсот четырнадцати человек гарнизона крепости осталось только тридцать, среди которых не было в живых ни одного офицера. Всех их взяли в плен и заставили рассказать все, что им было известно об их замыслах и предприятиях. Среди прочего, губернатор Панамы три недели назад получил из Картахены уведомление, что англичане снаряжают флот на Испаньоле, намереваясь захватить Панаму; кроме того, об этом узнал дезертир из пиратов на реке Де-ла-Хача, где они устроили привал. В связи с этим губернатор послал сто шестьдесят четыре человека для усиления гарнизона этой крепости с большим количеством провианта и боеприпасов; обычный гарнизон насчитывал всего сто

пятьдесят человек, но эти составляли двести четырнадцать человек, очень хорошо вооруженных. Кроме того, заявили, что губернатор Панама расставил несколько засад вдоль реки Чагре и что он поджидает их на открытых полях Панама с тремя тысячами шестьюстами человек.

Взятие этого замка обошлось пиратам очень дорого, по сравнению с тем, что они обычно теряли, а трудов и забот было больше, чем при завоевании острова Святой Екатерины; ведь, пересчитав своих людей, они потеряли более ста человек, кроме семидесяти раненых. Они приказали испанским пленникам сбросить трупы своих людей с вершины горы на берег моря и похоронить их. Раненых отнесли в церковь, где устроили госпиталь, а также закрыли женщин.

Капитан Морган недолго оставался в Сент-Катарине после взятия замка Чагре, о чем он уже сообщал; но перед отплытием он выгрузил на берег всю провизию, какую только смог найти, и много маиса, или индийской пшеницы, и казава, из которого в этих портах также делают хлеб. Он перевез большой запас провизии в гарнизон Чагре, где только можно было ее достать. В определенном месте они бросили в море все принадлежащие им пушки, намереваясь вернуться и оставить этот остров, хорошо гарнизонованный, в вечном владении пиратов; но он приказал обстрелять все дома и крепости, кроме замка Святой Терезы, который, по его мнению, был самым крепким и надежным, чтобы укрепиться в нем по возвращении из Панама.

Завершив свои приготовления, он взял с собой всех пленников острова, а затем отплыл в Чагре, куда прибыл через восемь дней. Здесь радость всего флота была столь велика, когда они увидели английские цвета на замке, что они не думали о своем пути в реку, так что при входе в нее они потеряли четыре корабля, один из которых принадлежал капитану Моргану; однако они спасли всех людей и товары. Корабли тоже сохранились бы, если бы не поднялся сильный северный ветер, который бросил их на скалу при входе в реку.

Капитана Моргана ввели в замок под бурные аплодисменты всех пиратов, как тех, что были внутри, так и вновь прибывших. Выслушав рассказ о том, как происходило завоевание, он велел всем пленникам работать и ремонтировать все необходимое, особенно ставить новые палисады вокруг фортов замка. На реке еще оставалось несколько испанских судов, называемых чаттен, которые служили для перевозки товаров вверх и вниз по реке, а также для похода в Пуэрто-Бельо и Никарагуа. На них обычно ставят две большие пушки из железа и четыре маленькие из латуни. Эти суда они захватили, а также четыре маленьких корабля, которые они там нашли, и все каноэ. В замке они оставили гарнизон из пятисот человек, а на кораблях в реке - еще сто пятьдесят. Сделав это, капитан Морган отправился в Панаму во главе двенадцати сотен человек. Он взял с собой немного провизии, надеясь достаточно обеспечить себя среди испанцев, которые, как он знал, сидели в засаде по дороге.

ГЛАВА XVII

Капитан Морган отправляется из Чагре во главе двенадцати сотен человек, чтобы взять город Панаму.

КАПИТАН МОРГАН отправился из замка Чагре в сторону Панамы 18 августа 1670 года. С ним было двенадцать сотен человек, пять лодок, нагруженных артиллерией, и тридцать два каноэ. В первый день они проплыли всего шесть лиг и прибыли в местечко под названием Де-лос-Бракос. Здесь часть его людей сошла на берег, только чтобы поспать и размять конечности, так как они были почти калеками из-за тесноты в лодках. Отдохнув немного, они отправились искать провизию на соседних плантациях, но ничего не нашли: испанцы бежали и унесли с собой все, что у них было. В этот день, первый в их путешествии, у них была такая нехватка провизии, что большая часть была вынуждена обойтись только трубкой табака, не имея никакой другой подпитки.

На следующий день, около вечера, они прибыли в место под названием Круз-де-Хуан-Гальего. Здесь они были вынуждены оставить свои лодки и каноэ, так как река была очень сухой из-за отсутствия дождей, и в нее упало много деревьев.

Проводники сказали им, что примерно в двух лигах дальше, местность будет очень хорошей, чтобы продолжить путешествие по суше. Тогда они оставили сто шестьдесят человек на борту лодок, чтобы защищать их, дабы они могли служить убежищем в случае необходимости.

На следующее утро, на третий день, все сошли на берег, кроме тех, кто должен был держать лодки. Этим людям капитан Морган приказал, под большим страхом, чтобы ни один человек ни под каким предлогом не смел покидать лодки и сходить на берег, опасаясь, как бы их не застала врасплох засада испанцев в соседнем лесу, который был настолько густым, что казался почти непроходимым. Утром, когда они начали свой поход, пути оказались настолько плохими, что капитан Морган счел более удобным перевезти часть людей на каноэ (хотя и с большим трудом) в место, расположенное дальше по реке, под названием Седро-Буэно. Там они высадились, а каноэ вернулись за остальными, так что около ночи они полностью добрались до указанного места. Пираты очень хотели встретить испанцев или индейцев, надеясь набить брюхо их провизией, так как были доведены до крайности и голода.

На четвертый день большая часть пиратов отправилась по суше, ведомая одним из проводников; остальные пошли по воде дальше, ведомые другим проводником, который всегда шел впереди них, чтобы обнаружить по обе стороны реки засады. У них также были шпионы, которые очень ловко давали знать о всех происшествиях или о прибытии пиратов, по крайней мере, за шесть часов до их прихода. В этот день, около полудня, они подошли к посту под названием Торна Кавальос: здесь проводник каноэ закричал, что видит засаду. Его голос вызвал безграничную радость у всех пиратов, надеявшихся найти провизию, чтобы утолить голод. Прибыв на место, они не нашли там никого: испанцы бежали и не оставили после себя ничего, кроме нескольких кожаных мешков, все они были пусты, и нескольких крошек хлеба, разбросанных на земле, где они ели. Разозлившись на это, они снесли несколько маленьких хижин, которые сделали испанцы, и принялись есть кожаные мешки,

чтобы унять брожение в желудке, которое теперь было таким острым, что могло прогрызть им самые кишки. Таким образом, они устроили огромный пир на этих кожаных мешках, причем возникали различные ссоры по поводу самых больших долей. По величине места они предположили, что там находилось около пятисот испанцев, которых, не найдя никаких съестных припасов, они теперь бесконечно желали встретить, намереваясь скорее съесть некоторых из них, чем погибнуть.

Насытившись этими кусками кожи, они двинулись дальше, пока к ночи не подошли к другому посту, называемому Торна Мунни. Здесь они нашли еще одну засаду, но такую же бесплодную, как и первая. Они обыскали соседние леса, но не смогли найти ничего съестного: испанцы были так предусмотрительны, что не оставили нигде ни крошки пропитания, и теперь пираты были доведены до крайности. Здесь снова был счастлив тот, кто сохранил с полудня хоть кусочек кожи, чтобы приготовить себе ужин, выпив после него для удобства хорошую порцию воды. Некоторые, кто никогда не выходил из материнских кухонь, могут спросить, как эти пираты могли есть и переваривать эти куски кожи, такие жесткие и сухие? На это я отвечу, что, если бы они хоть раз испытали, что такое голод, или, скорее, голодуха, они нашли бы способ, как это сделали пираты. Ведь те сначала резали ее на куски, затем били между двумя камнями и растирали, часто окуная в воду, чтобы сделать ее эластичной и нежной. Наконец, они счищали шерсть и поджаривали ее. Приготовив таким образом, они разрезали его на мелкие кусочки и съели, запивая частыми глотками воды, которая, по счастливой случайности, была у них под рукой.

На пятый день, около полудня, они пришли в местечко под названием Барбакоа. Здесь они обнаружили следы еще одной засады, но место оказалось таким же необеспеченным, как и предыдущее. На небольшом расстоянии находилось несколько плантаций, которые они тщательно обыскали, но не смогли найти ни одного человека, животного или другого предмета, который мог бы утолить их сильный голод. Наконец, порыскав по окрестностям, они нашли грот, который, похоже, был вырублен в скале совсем недавно, где лежали два мешка муки, пшеницы и тому подобных вещей, два больших кувшина вина и плоды, называемые платано. Капитан Морган, зная, что некоторые из его людей уже почти умерли от голода, и опасаясь того же в отношении остальных, приказал распределить все, что было найдено на , между теми, кто испытывал наибольшую нужду. Подкрепившись этими продуктами, они вновь двинулись в путь с еще большим мужеством, чем прежде. Тех, кто был слаб, посадили в каноэ, а тем, кто был в них раньше, велели высадиться на берег. Так они продолжали свой путь до поздней ночи; придя на плантацию, они расположились на отдых, но ничего не ели, так как испанцы, как и прежде, считали всю провизию.

На шестой день они продолжили свой поход, частью по суше, частью по воде. Правда, они были вынуждены часто отдыхать, как из-за изрезанности пути, так и из-за крайней слабости, которую они пытались унять, питаясь листьями деревьев и зелеными травами или травой; таково было их жалкое состояние. В этот день в полдень они прибыли на плантацию, где стоял амбар, полный маиса. Сразу же они выбили двери и съели сухого, сколько смогли съесть; затем они раздали большое количество, дав каждому человеку хороший запас. Насытившись таким образом и продолжая свой путь еще около часа, они наткнулись на другую засаду. Не успели они ее обнаружить, как бросили свою кукурузу, надеясь найти все в изобилии. Но они сильно обманулись, не встретив ни индейцев, ни продуктов, ни чего-либо другого; зато они увидели на другом берегу реки около сотни индейцев, которые, спасаясь бегством, скрылись. Несколько пиратов прыгнули в реку, чтобы переплыть ее, и попытались захватить кого-нибудь из индейцев, но тщетно: так как они были гораздо проворнее пиратов,

то не только не встретили их, но и убили двух или трех своими стрелами; они кричали им вслед: "Ha, perros! a la savana, a la savana" - "Ha, ye dogs! go to the plain, go to the plain".

В этот день они не смогли продвинуться дальше, так как были вынуждены перейти реку, чтобы продолжить свой поход на другой берег. После этого они расположились на ночлег, хотя сон их не был крепким, так как в народе поднялся большой ропот по поводу капитана Моргана и его поведения; одни желали вернуться домой, другие скорее умерли бы там, чем отступили хоть на шаг от задуманного; третьи, у кого было больше мужества, смеялись и шутили над их рассуждениями. Между тем у них был проводник, который очень утешал их, говоря, что "не скоро они встретят людей, от которых получают немалую выгоду".

На седьмой день, утром, они привели в порядок свое оружие, и каждый разрядил свой пистолет или мушкет без пули, чтобы испытать свои замки. Сделав это, они переправились через реку, оставив пост, где они отдыхали, под названием Санта-Крус, и в полдень прибыли в деревню под названием Круз. Находясь еще далеко от этого места, они заметили много дыма из труб: вид этого вызвал у них большую радость и надежду найти людей и много хорошего настроения. Поэтому они пошли вперед так быстро, как только могли, подбадривая друг друга, говоря: "Из каждого дома идет дым: они разводят хорошие костры, чтобы жарить и варить то, что мы будем есть", и тому подобное.

В конце концов они прибыли туда, все вспотевшие и запыхавшиеся, но не нашли в городе ни одного человека и ничего съестного, чтобы подкрепиться, кроме хороших костров, которых им не хватало; ведь испанцы перед своим отъездом подожгли каждый свой дом, кроме королевских складов и конюшен.

Они не оставили после себя ни одного зверя, живого или мертвого, что сильно беспокоило их, не найдя ничего, кроме нескольких кошек и собак, которых они тут же убили и съели. Наконец, в королевских конюшнях они, по счастливой случайности, нашли пятнадцать или шестнадцать кувшинов перуанского вина и кожаный мешок, полный хлеба. Не успели они выпить этого вина, как заболели, почти все: это заставило их подумать, что вино отравлено, что вызвало новое смятение во всем лагере, считавшем себя теперь безвозвратно потерянным. Но истинная причина заключалась в недостатке пропитания и в разнообразных отбросах, которые они ели. Болезнь их была так велика, что они пролежали там до следующего утра, не имея возможности продолжить путь после полудня. Эта деревня расположена на 9 градусах 2 минутах северной широты, удалена от реки Чагре на двадцать шесть испанских лиг, а от Панамы - на восемь. Это последнее место, куда могут подойти лодки или каноэ; поэтому здесь построены склады для всех видов товаров, которые в Панаму и из Панамы перевозятся на спинах мулов.

Здесь капитан Морган был вынужден оставить свои каноэ и высадить всех своих людей, хотя никогда не был так слаб; но чтобы каноэ не были застигнуты врасплох и не набрали слишком много людей для защиты, он отправил их всех обратно к месту, где находились лодки, кроме одной, которую спрятал, чтобы она могла служить для передачи разведданных. Многие испанцы и индейцы из этой деревни бежали на ближайшие плантации, и капитан Морган приказал, чтобы никто не выходил из деревни, кроме компаний по сто человек, опасаясь, что враг воспользуется преимуществом его людей. Тем не менее, один отряд нарушил этот приказ, соблазнившись желанием получить провизию, но вскоре они с радостью снова вбежали в город, где на них с большой яростью напали испанцы и индейцы, уведя одного из них в плен. Таким образом, бдительности и осторожности капитана Моргана оказалось недостаточно, чтобы предотвратить все несчастные случаи.

На восьмой день утром капитан Морган отправил двести человек впереди своей армии, чтобы выяснить путь в Панаму и найти там засады: путь был настолько узок, что только десять или двенадцать человек могли идти в одну сторону, а часто и не так много. После десяти часов марша они пришли к месту, называемому Кебрада Обскура: здесь внезапно в них выпустили три или четыре тысячи стрел, причем они не поняли, откуда они прилетели и кто их выпустил: хотя они догадались, что это было с высокой скалистой горы, с одной стороны на другую, где был грот, способный вместить только одну лошадь или другого зверя, запряженного. Такое количество стрел сильно встревожило пиратов, тем более что они не могли понять, откуда они выпущены. Наконец, не видя больше стрел, они прошли еще немного и вошли в лес: Здесь они заметили, что некоторые индейцы бегут так быстро, как только могут, чтобы занять другой пост, с которого можно было наблюдать за их походом; однако на месте оставался один отряд индейцев, решивших сражаться и защищаться, что они и делали с большим мужеством, пока их капитан не упал раненым; И хотя он отчаялся в жизни, но его доблесть превышала его силы, он не стал просить четверти, а, пытаясь подняться, с непоколебимой силой схватил свой азагайо, или копье, и ударил одного из пиратов; но прежде чем он успел нанести второй удар, его застрелили насмерть. Такая же участь постигла и многих его товарищей, которые, как хорошие солдаты, погибли вместе со своим капитаном, защищая свою страну.

Пираты попытались взять в плен нескольких индейцев, но те, будучи проворнее пиратов, сбежали все, оставив восемь пиратов мертвыми и десять ранеными: да, если бы индейцы были более ловкими в военном деле, они могли бы защищать этот проход и не пропустить ни одного человека. Через некоторое время после этого они пришли к большому шампанскому, открытому и полному прекрасных лугов; отсюда они могли видеть на расстоянии перед индейцев на вершине горы, недалеко от дороги, по которой они должны были пройти: Они послали пятьдесят человек, самых ловких из тех, что у них были, чтобы попытаться поймать кого-нибудь из них и заставить их открыть своих спутников, но все напрасно, потому что они сбежали благодаря своей ловкости и вскоре показались в другом месте, приветствуя англичан и крича: "A la savana, a la savana, perros Ingleses!", то есть "На равнину, на равнину, английские собаки!". Тем временем десять пиратов, которые были ранены, перевязали и заштукатурили.

Здесь был лес, и с каждой стороны по горе. Индейцы владели одной из них, а пираты - другой. Капитан Морган был убежден, что испанцы устроили здесь засаду, так удобно она лежит: тогда он послал двести человек, чтобы обыскать ее. Испанцы и индейцы, увидев, что пираты спускаются с горы, тоже сделали это, как будто намереваясь напасть на них; но, оказавшись в лесу, вне поля зрения пиратов, они больше не появлялись, оставив проход открытым.

Около ночи пошел сильный дождь, заставивший пиратов идти быстрее и искать дома, чтобы уберечь оружие от сырости; но индейцы подожгли все дома и увели весь скот, так что пираты, не найдя ни домов, ни провизии, были вынуждены вернуться; но после усердных поисков они нашли несколько пастушьих хижин, но в них не было ничего съестного. Не вмещая много людей, они разместили в них, каждой роты, небольшое число, которые держали оружие остальных: те, кто остался в открытом поле, перенесли много трудностей в ту ночь, дождь не прекращался до утра.

На следующее утро, с рассветом, девятым по счету в этом утомительном путешествии, капитан Морган двинулся в путь, пока сохранялся свежий утренний воздух; тучи, еще висевшие над их головами, были куда более благоприятны, чем палящие лучи солнца, и путь теперь был еще труднее, чем раньше. После двух часов марша они обнаружили около

двадцати испанцев, которые наблюдали за их передвижениями: они попытались поймать некоторых из них, но не смогли: те внезапно исчезли и скрылись в пещерах среди скал, неизвестных пиратам. Наконец, поднявшись на высокую гору, они обнаружили Южное море. Это счастливое зрелище, словно конец их трудов, вызвало у них безграничную радость: здесь они смогли разглядеть один корабль и шесть лодок, которые вышли из Панамы и поплыли к островам Тавога и Тавогилья: затем они пришли в долину, где нашли много скота, которого они забили добрый запас: Здесь, пока одни убивали и очищали от шкур коров, лошадей, быков и, главным образом, ослов, которых было много, другие разжигали костры и добывали дрова для их жарки: затем, разрезав плоть на удобные куски или куски, они бросали их в огонь и, наполовину зажаренные или запеченные, пожирали их с невероятной поспешностью и аппетитом; таков был их голод, что они больше походили на каннибалов, чем на европейцев; кровь много раз стекала с их бород до пояса.

Утолив голод, капитан Морган приказал им продолжать поход. Здесь он снова послал перед основным отрядом пятьдесят человек, чтобы они взяли несколько пленных, если смогут; его очень беспокоило, что за девять дней он не встретил ни одного человека, который бы сообщил ему о состоянии и силах испанцев. Ближе к вечеру они обнаружили около двухсот испанцев, которые приветствовали пиратов, но те не понимали, что говорят. Через некоторое время после этого они увидели самый высокий шпиль Панамы: не успели они его обнаружить, как проявили признаки крайней радости, подбрасывая в воздух свои шляпы, прыгая и крича, как будто они уже одержали победу и выполнили свои планы. Все их трубы звучали, а барабаны били в знак этой готовности их умов: так они разбили свой лагерь на эту ночь, при общем довольстве всего войска, с нетерпением ожидая утра, когда они намеревались напасть на город. Этим вечером появилось пятьдесят конных, которые вышли из города на шум барабанов и труб, чтобы, как считалось, наблюдать за их передвижениями: они подошли почти на расстояние мушкетного выстрела от армии, с трубой, которая звучала удивительно хорошо. Те, кто был верхом, громко приветствовали пиратов и угрожали им, говоря: "Perros! nos veremos", то есть "Вы, собаки! мы вас встретим". Высказав эту угрозу, они вернулись в город, за исключением семи или восьми всадников, которые стояли неподалеку и наблюдали за их передвижениями. Сразу же после этого город открыл огонь и не переставал всю ночь играть из своих самых больших пушек против лагеря, но почти не причиняя вреда пиратам, до которых они не могли легко добраться. Двести испанцев, которых пираты видели днем, появились снова и стали заграживать проходы, чтобы никто из пиратов не мог ускользнуть от их рук; но пираты, хотя и были в некотором роде осаждены, вместо того чтобы бояться их заграждений, как только они расставили часовых вокруг своего лагеря, открыли свои ранцы и, не имея ни салфеток, ни тарелок, принялись с большим удовольствием есть куски бычьей и лошадиной плоти, которые они приберегли с полудня. Покончив с этим, они улеглись спать на траве в полном покое и довольстве, с нетерпением ожидая лишь рассвета следующего дня.

На десятый день, рано утром, они привели в порядок всех своих людей и под звуки барабанов и труб двинулись прямо к городу; но один из проводников попросил капитана Моргана не ехать по общей дороге, чтобы не встретить на ней множество засад. Он последовал его совету и выбрал другой путь через лес, хотя и очень неудобный и трудный. Испанцы, заметив, что пираты выбрали другой путь, о котором они почти не думали, были вынуждены оставить свои стоянки и батареи и выйти им навстречу. Губернатор Панамы привел в порядок свои силы, состоящие двух эскадр, четырех пеших полков и огромного количества диких быков, которых гнали множество индейцев, с некоторыми неграми и другими людьми, чтобы помочь им.

Пираты, продолжая свой поход, добрались до вершины небольшого холма, откуда открывалась широкая перспектива на город и раскинувшуюся под ним сельву. Здесь они обнаружили столь многочисленные силы жителей Панама в боевом порядке, что были поражены страхом, сильно сомневаясь в удаче этого дня: да, мало кто из них желал оказаться дома или, по крайней мере, освободиться от обязательств, которые налагала на них эта сделка, так близко касавшаяся их жизни. Некоторое время они колебались в своих мыслях, но в конце концов пришли к выводу, в какое положение они себя поставили, и что теперь они должны либо решительно сражаться, либо умереть, ибо от врага, по отношению к которому они совершили столько жестокостей, нельзя было ждать отпора. Тогда они ободряли друг друга, решив победить или пролить последнюю каплю крови. Тогда они разделились на три батальона, отправив вперед двести буханьеров, которые отлично владели оружием. Спустившись с холма, они направились прямо к испанцам, которые на просторном поле ждали их прихода. Как только они приблизились, испанцы начали кричать: "Viva el rey!" "Боже, храни короля!", и тут же их кони двинулись на пиратов: но поля были полны кряжей, а под ногами была мягкая почва, и они не могли проехать так, как им хотелось. Двести буханьеров, шедших впереди, опустившись на одно колено, начали бой резов, с полным залпом дробы: испанцы защищались мужественно, делая все возможное, чтобы расстроить пиратов. Пешие пытались сесть на коней, но пираты вынудили их оставить их. Оказавшись в затруднительном положении, они попытались загнать быков сзади, чтобы привести их в беспорядок; но дикий скот убежал, испугавшись шума битвы; только несколько человек прорвались сквозь английские роты и только разорвали в клочья цвета, а буханьеры застрелили каждого из них.

Сражение продолжалось два часа, большая часть испанских лошадей была уничтожена и почти все убиты: остальные бежали, и пешие, видя, что им не одержать верх, разрядили имевшиеся у них мушкеты и, бросив их, бежали прочь, каждый как мог. Пираты не могли преследовать их, будучи слишком измученными и уставшими от долгого пути. Многие, не имея возможности бежать, куда хотели, спрятались на время среди кустарника на берегу моря, но очень неудачно: большинство из них, обнаруженных пиратами, были немедленно убиты без всякого промедления. Некоторых религиозных людей привели в плен к капитану Моргану, но он, будучи глух к их крикам, приказал забить их всех пистолетами, что и было сделано. Вскоре после к нему привели капитана, которого он очень строго допросил; в частности, спросил, где находятся силы панамцев? Он ответил, что все их силы состоят из четырехсот конных, двадцати четырех пеших рот по сто человек в каждой, шестидесяти индейцев и нескольких негров, которые должны были нагнать на англичан две тысячи диких быков и таким образом, разбив их строй, привести их в полное расстройство: Кроме того, в городе они сделали траншеи и возвели батареи в нескольких местах, в которых установили множество пушек; и что у въезда на шоссе, ведущее в город, они построили форт, оснащенный восемью большими медными пушками, который защищали пятьдесят человек.

Капитан Морган, услышав это, немедленно отдал приказ идти другим путем; но сначала он произвел смотр своих людей, среди которых обнаружил большое количество убитых и раненых, причем гораздо больше, чем считалось ранее. Из испанцев на месте нашли шестьсот убитых, а также раненых и пленных. Пираты, несколько не унывая, видя, что их число так уменьшилось, а скорее преисполнившись гордости, понимая, какое огромное преимущество они получили против своих врагов, отдохнув некоторое время, приготовились смело идти к городу, поклявшись друг другу, что будут сражаться, пока ни одного человека не останется в живых. С таким мужеством они возобновили свой поход, чтобы либо завоевать, либо быть завоеванными; взяв с собой всех пленных.

Приближение к городу было сопряжено с большими трудностями, так как в нем испанцы установили в нескольких кварталах множество больших пушек, одни из которых были заряжены мелкими железными осколками, а другие - мушкетными пулями; из всех этих орудий они салютовали пиратам при их приближении и давали им полные и частые залпы, непрерывно стреляя по ним, так что они неизбежно теряли на каждом шагу большое число людей. Но ни эта явная опасность для жизни, ни вид стольких людей, постоянно падающих у них под ногами, не могли удержать их от наступления, и они с каждым мгновением все больше наседали на врага; и хотя испанцы не переставали стрелять и делать все возможное для своей защиты, они все же были вынуждены уступить после трехчасового боя. Овладев собой, пираты убивали и уничтожали всех, кто пытался хоть как-то противостоять им. Жители перевезли лучшие из своих товаров в более отдаленные и заоблачные места; однако в городе нашлось несколько складов, хорошо укомплектованных товарами, как шелками и тканями, так и льном и другими ценными вещами. Как только первый приступ ярости прошел, капитан Морган собрал своих людей и приказал им под страхом наказания не пить и не пробовать никакого вина; причина, по которой он это сделал, заключалась в том, что, по его сведениям, все это отравлено испанцами. Однако считалось, что он отдал эти благоразумные приказы, чтобы предотвратить распутство своих людей, которое, как он предвидел, будет очень велико в сначала, после столь сильного голода, перенесенного в пути; кроме того, он боялся, чтобы испанцы, увидев их в вине, не сплотились и, обрушившись на город, не использовали их так же бесчеловечно, как использовали жителей раньше.

ГЛАВА XVIII

Капитан Морган отправляет каноэ и лодки в Южное море - он поджигает город Панаму - грабежи и жестокости, совершенные там пиратами, до их возвращения в замок Чагре.

Капитан Морган, как только он расставил необходимую охрану в нескольких кварталах города и за его пределами, приказал двадцати пяти людям захватить большую лодку, которая застряла в грязи порта из-за отсутствия воды во время отлива. В тот же день около полудня он поджег несколько больших зданий города, причем никто не знал, кто был их автором, а тем более по каким мотивам капитан Морган это сделал, которые неизвестны до сих пор: пожар усилился настолько, что к вечеру большая часть города была охвачена пламенем. Капитан Морган притворился, что это сделали испанцы, понимая, что его собственные люди осуждают его за этот поступок. Многие испанцы и некоторые пираты делали все возможное, чтобы погасить пламя или, взрывая дома порохом и снося другие, остановить его, но тщетно: менее чем за полчаса оно охватило целую улицу. Все дома города были построены из кедра, очень любопытные и великолепные, и богато украшены, особенно висюльками и картинами, из которых часть была снята, а другая большая часть сгорела.

В этом городе (который является резиденцией епископа) было восемь монастырей, семь мужских и один женский, две величественные церкви и одна больница. Все церкви и монастыри были богато украшены алтарями и картинами, большим количеством золота и серебра и другими драгоценными вещами, которые церковники спрятали. Кроме того, здесь было две тысячи великолепных домов, большую часть которых населяли богатые купцы. Для остальных, менее качественных, и торговцев, в этом городе было еще пять тысяч. Здесь же находилось множество конюшен для лошадей и мулов, которые везут к Северному морю дощечки короля Испании, а также частных лиц. Близлежащие поля полны плодородных плантаций и приятных садов, открывающих восхитительные перспективы для жителей в течение всего года.

"МОРГАН СНОВА ВОШЕЛ В ГОРОД СО СВОИМИ ВОЙСКАМИ" -
[СТРАНИЦА 215](#)

У генуэзцев в этом городе был величественный дом для торговли неграми. Он также был сожжен капитаном Морганом дотла. Кроме этого здания, сгорело двести складов и множество рабов, спрятавшихся в них, с бесчисленными мешками муки; пожар продолжался четыре недели после его начала. Большая часть пиратов все еще стояла лагерем за городом, опасаясь и ожидая, что испанцы придут и сразятся с ними заново, поскольку было известно, что они значительно превосходят пиратов числом. Это заставило их держаться на поле боя, чтобы сохранить свои силы, которые теперь сильно уменьшились от потерь. Раненых, которых было много, они поместили в одну церковь, которая так и осталась стоять, а остальные были уничтожены огнем. Кроме этих уменьшений численности своих людей, капитан Морган отправил конвой из ста пятидесяти человек в замок Чагре, чтобы передать весть о своей победе при Панаме.

Они часто видели, как целые отряды испанцев бегают туда-сюда по полям, что заставляло их подозревать, что они собираются на митинг, на который у них никогда не хватало смелости. Во второй половине дня капитан Морган вернулся в город со своими войсками, чтобы каждый мог занять свое жилье, которое теперь они с трудом могли найти - немногие дома избежали пожара. Затем они очень тщательно искали среди руин и пепла посуду из пластины или золота, которая не была полностью уничтожена пламенем, и таких вещей они нашли не мало, особенно в колодцах и цистернах, где их спрятали испанцы.

На следующий день капитан Морган отправил два отряда по сто пятьдесят человек в каждом, крепких и хорошо вооруженных, на поиски сбежавших жителей. Совершив несколько походов по полям, лесам и горам, они вернулись через два дня, приведя более двухсот пленников, мужчин, женщин и рабов. В тот же день вернулось и судно, отправленное капитаном Морганом в Южное море, а также три другие захваченные лодки. Но все эти призы они охотно отдали бы, и с большим трудом, за один галеон, который чудом спасся, богато нагруженный всеми королевскими пластинами, драгоценностями и другими ценными вещами лучших и богатейших купцов Панама; на борту его были также религиозные

женщины из женского монастыря, которые взяли с собой все украшения своей церкви, состоящие из большого количества золота, пластин и других вещей большой ценности.

Сила этого галеона была незначительной: на нем было всего семь пушек и десять или двенадцать мушкетов, и он был очень плохо снабжен продуктами, предметами первой необходимости и пресной водой, не имея больше парусов, кроме самых верхних на гот-мачте. Этот рассказ пираты получили от некоего человека, который разговаривал с семью моряками с галеона, сошедшими на берег в кокботе за пресной водой. Отсюда они заключили, что легко могли бы взять его, если бы пустились в погоню, как им и следовало сделать; но им помешали догнать этот богатейший приз их обжорство и пьянство, когда они обильно развратничали с несколькими богатыми винами, которые нашли наготове, предпочитая скорее насытить свои аппетиты, чем завладеть столь огромной выгодой; ведь этот единственный приз был бы гораздо ценнее, чем все, что они получили в Панаме и близлежащих местах. На следующий день, раскаявшись в своей небрежности, утомленные своими пороками и распутством, они отправились на другом судне, хорошо вооруженные, чтобы со всей скоростью преследовать упомянутый галеон; но тщетно: испанцы, находившиеся на борту, получили сведения о своей опасности за один или два дня до этого, пока пираты крейсировали так близко от них; тогда они бежали в более отдаленные и неизвестные места.

Пираты обнаружили в портах островов Тавога и Тавогилла несколько лодок, груженных очень хорошими товарами; все это они забрали и привезли в Панаму, где подробно рассказали обо всем капитану Моргану. Пленники подтвердили слова пиратов, добавив, что они, несомненно, знают, где может находиться галеон, но весьма вероятно, что до этого они уже получали облегчение из других мест. Это вновь взбудоражило капитана Моргану, и он отправил все лодки в порту Панамы на поиски упомянутого галеона, пока они не смогут его найти. Эти лодки, которых было всего четыре, после восьми дней плавания туда и обратно и обыска нескольких портов и бухт потеряли всякую надежду найти его: тогда они вернулись в Тавогу и Тавогиллу; здесь они нашли хорошее судно, недавно пришедшее из Пайты, груженное тканями, мылом, сахаром и печеньем, с 20 000 штук восьми; это они немедленно захватили без малейшего сопротивления; а также лодку, которая была недалеко, на которую они погрузили большую часть товаров с судна, а также несколько рабов. С этой покупкой они вернулись в Панаму, несколько более удовлетворенные, но в то же время сильно недовольные тем, что не смогли встретиться с галеоном.

Конвой, отправленный капитаном Морганом в замок Чагре, вернулся примерно в то же время, принес с собой очень хорошие новости; ведь пока капитан Морган ехал в Панаму, те, кого он оставил в замке Чагре, послали за двумя лодками для плавания. Они встретили испанское судно, которое преследовали в пределах видимости от замка. Заметив это, пираты в замке вывесили испанские цвета, чтобы обмануть корабль, который бежал перед лодками; и бедные испанцы, думая укрыться под замком, попали в западню и стали пленниками. Груз на борту упомянутого судна состоял из продуктов и провизии, что не могло быть более удачным для замка, где уже начали нуждаться в подобных вещах.

Эта удача жителей Чагре заставила капитана Моргану задержаться в Панаме, заказав несколько новых походов в близлежащие страны; и пока пираты в Панаме совершали эти походы, пираты в Чагре занимались пиратством в Северном море. Капитан Морган ежедневно посылал отряды по двести человек, чтобы те обшарили все окрестные земли; и когда один отряд возвращался обратно, отправлялся другой, который вскоре собрал много богатств и множество пленников. Их приводили в город и подвергали самым изысканным пыткам, чтобы заставить признаться в чужом и своем имуществе. Случилось так, что в доме

одного знатного человека нашли одного несчастного, который среди суматохи надел пару тафтяных бриджей своего хозяина, из которых торчал маленький серебряный ключ; заметив это, они спросили его, где находится этот ключ. Он ответил, что не знает, что с ним случилось, но что, найдя эти бриджи в доме своего хозяина, он решился их надеть. Не добившись другого ответа, его посадили на дыбу и бесчеловечно вывихнули ему руки; затем накрутили на лоб веревку, которую так сильно сжимали, что глаза его казались большими, как яйца, и готовы были вывалиться. Но не получив положительного ответа на эти мучения, они повесили его за запястья, нанеся ему множество ударов и ударов под этой нестерпимой болью и позой тела. После этого они отрезали ему нос и уши и прижигали лицо горячей соломой, пока он не смог больше ни говорить, ни оплакивать свои страдания: тогда, потеряв всякую надежду на признание, они велели негру прогнать его, что положило конец его жизни и их бесчеловечным пыткам. Так закончили свои дни и многие другие несчастные пленники - обычным развлечением и отдыхом этих пиратов были подобные трагедии.

Пробыв в Панаме целых три недели, капитан Морган приказал подготовить все к своему отплытию. Он приказал каждой роте людей найти столько повозочных животных, чтобы они могли доставить добычу к реке, где лежали его каноэ. Примерно в это время прошел большой слух, что значительное число пиратов намеревается покинуть капитана Моргана, и что, взяв корабль, стоявший в порту, они решили отправиться грабить в Южное море, пока не наберут столько, сколько посчитают нужным, а затем вернуться на родину, через Ост-Индию. Для этой цели они собрали много провизии, которую спрятали в укромных местах, а также достаточное количество пороха, пуль и прочих боеприпасов; кроме того, несколько больших пушек, принадлежащих городу, мушкеты и другие вещи, которыми они намеревались не только оснастить свое судно, но и укрепиться на каком-нибудь острове, который мог бы послужить им убежищем.

Этот замысел непременно осуществился бы, если бы капитан Морган не получил своевременный совет от одного из своих товарищей: тогда он приказал срубить и сжечь грот-мачту упомянутого корабля, а также все остальные лодки в порту: таким образом намерения всех или большинства его товарищей были полностью расстроены. Затем капитан Морган отправил многих испанцев в прилегающие поля и деревни в поисках денег, чтобы выкупить не только себя, но и остальных пленников, а также церковников. Кроме того, он приказал заколотить и остановить всю артиллерию города. В то же время он отправил сильную роту людей на поиски губернатора Панамы, о котором было получено известие, что он устроил несколько засад на пути, по которому должен был вернуться: , но вскоре они вернулись, заявив, что не нашли никаких признаков таких засад. Для подтверждения этого они привели несколько пленных, которые заявили, что у упомянутого губернатора было намерение оказать некоторое сопротивление на этом пути, но люди, предназначенные для этого, не желали за это браться, так что за неимением средств он не мог привести свой замысел в исполнение.

24 февраля 1671 года капитан Морган отплыл из Панамы, вернее, из того места, где стоял город Панама; из добычи он взял с собой сто семьдесят пять повозок, нагруженных серебром, золотом и другими драгоценностями, а также около шестисот пленников, мужчин, женщин, детей и рабов. В тот день они подошли к реке, протекающей по восхитительной равнине, в лиге от Панамы: здесь капитан Морган привел все свои силы в порядок, так что пленники оказались в центре, окруженные со всех сторон пиратами, где не было слышно ничего, кроме причитаний, плача, воплей и горестно вздыхающих женщин и детей, которые боялись, что капитан Морган задумал перевезти их всех в свою страну для рабства. Кроме того, все эти несчастные пленники испытывали в то время сильный голод и жажду, и капитан

Морган специально заставлял их терпеть эти страдания, чтобы побудить их искать деньги для выкупа, согласно налогу, который он установил для каждого. Многие женщины умоляли капитана Моргана, стоя на коленях, бесконечными вздохами и слезами, позволить им вернуться в Панаму, чтобы жить со своими дорогими мужьями и детьми в маленьких соломенных хижинах, которые они построят, поскольку у них не было домов до восстановления города. Но он ответил: "Он пришел сюда не для того, чтобы слушать причитания и плач, а чтобы искать деньги, поэтому они должны сначала найти их, где бы они ни были, и принести ему; в противном случае он, несомненно, переправит их всех в такие места, куда они не захотят идти".

На следующий день, когда начался поход, эти жалобные вопли и крики возобновились, так что вызвали бы сострадание в самом жестоком сердце, но капитан Морган, как человек, мало склонный к милосердию, ничуть не был тронут. Они шли в том же порядке, что и раньше: один отряд пиратов - в авангарде, пленники - в середине, остальные - сзади; несчастных испанцев на каждом шагу били по спине и бокам тупыми концами оружия, чтобы заставить их идти быстрее.

Прекрасную даму, жену одного из богатейших купцов Тавоги, вели в плен одну, между двумя пиратами. Ее причитания пронзили небеса, когда она, видя, что ее уносят в плен, часто плакала перед пиратами и рассказывала им, "что она отдала приказ двум религиозным людям, на которых она полагалась, пойти в определенное место и принести столько денег, сколько составит ее выкуп; что они честно обещали сделать это, но, получив деньги, вместо того чтобы принести их ей, они использовали их другим способом, чтобы выкупить некоторых из своих собственных и особых друзей." Об этом их дурном поступке узнал один из рабов, который принес письмо упомянутой госпоже. Ее жалобы и их причина были доведены до сведения капитана Моргана, и он счел нужным разобраться в этом. Убедившись в том, что это правда, и особенно услышав подтверждение этому из исповеди упомянутых религиозных людей, хотя и под легкомысленным предлогом, что они отвлекли деньги лишь на день или два, а в это время ожидали большей суммы, чтобы вернуть их, он дал свободу упомянутой леди, которую в противном случае намеревался перевезти на Ямайку. Но вместо нее он держал в плену упомянутых религиозных людей, используя их в соответствии с их заслугами.

Капитан Морган прибыл в город под названием Круз, расположенный на берегу реки Чагре, и опубликовал среди пленников приказ, согласно которому в течение трех дней каждый должен принести свой выкуп под страхом отправки на Ямайку. Тем временем он отдал приказ собрать в этих местах столько риса и маиса, сколько было необходимо для снабжения кораблей. Здесь некоторые из пленников были выкуплены, но многие другие не смогли принести свои деньги. После этого он продолжил свое плавание и покинул деревню 5 марта следующего года, взяв с собой всю добычу, какую только мог. Туда же он увел и новых пленников, жителей Панамы, которые не заплатили выкуп. Но два религиозных человека, присвоившие деньги госпожи, были выкуплены через три дня другими людьми, которые проявили к ним больше сострадания, чем к ней.

Примерно на середине пути в Чагре капитан Морган велел собрать их и заставил каждого поклясться, что он ничего не утаил, даже шестипенсовика. Сделав это, капитан Морган, зная, что эти развратные парни не захотят давать ложную клятву ради интереса, велел обыскать каждого очень строго, как в одежде, так и в ранцах и других местах. Да, чтобы этот приказ не был плохо воспринят его товарищами, он разрешил обыскать себя, вплоть до обуви. Для этого, по общему согласию, из каждой компании был назначен один человек, который должен был обыскивать остальных. Французским пиратам, участвовавшим в экспедиции, не понравилась эта новая практика обыска; но, будучи в меньшинстве по

сравнению с англичанами, они были вынуждены подчиниться, как и остальные. Закончив поиски, они снова высадились на берег и 9 марта прибыли в замок Шагге. Здесь они нашли все в полном порядке, за исключением раненых, которых они оставили при отплытии; из них больше всего умерло от ран.

Из Шагге капитан Морган вскоре после своего прибытия отправил в Пуэрто-Бельо большое судно со всеми пленными, взятыми на острове Святой Екатерины, требуя от них значительного выкупа за замок Шагге, где он тогда находился; угрожая в противном случае разрушить его. На это жители Пуэрто-Бельо ответили, что не дадут ни одного фартинга на выкуп упомянутого замка, и англичане могут поступать с ним, как им заблагорассудится. После этого был произведен дележ всей добычи, добытой в том плавании; каждая компания и каждый конкретный человек в ней получили свою долю, вернее, ту часть, которую капитан Морган пожелал им отдать. Ибо остальные его спутники, даже из его собственной нации, роптали на его действия и говорили ему в лицо, что он оставил лучшие драгоценности себе, ибо они считали невозможным, чтобы им принадлежала не большая доля, чем двести кусков по восемь на душу населения из стольких ценных награбленных ими богатств; эту небольшую сумму они считали слишком малой за столько труда и опасностей, которым они подвергались. Но капитан Морган был глух ко всем этим и многим другим подобным жалобам, решив обмануть их, как только мог.

Наконец, обнаружив, что подвергается многочисленным порицаниям со стороны своих людей, и опасаясь последствий, он счел небезопасным оставаться дольше в Шагге, но приказал перевезти на корабль все орудия замка; затем он приказал разрушить большую часть стен, сжечь здания и разрушить столько всего, что можно было сделать за короткое время. Сделав это, он тайно сел на свой корабль, не предупредив своих спутников, и вышел в море, за ним всего три или четыре корабля из всего флота. Это были те, кто (как полагали французские пираты) вместе с капитаном Морганом получил лучшую часть добычи, которая была скрыта от них в дивидендах. Французы охотно отомстили бы капитану Моргану и его последователям, если бы им удалось столкнуться с ним в море; но они были лишены самого необходимого, и им пришлось немало потрудиться, чтобы найти достаточно провизии для плавания на Ямайку, так как он оставил их без всякой провизии.

КОНЕЦ

Примечания переводчика:

Исправлены очевидные пунктуационные ошибки.

В данном тексте использованы грот-мачта и грот-мачта; French-man и Frenchman; sea-side и seaside; such-like и suchlike.

Остальные исправления обозначены пунктирными линиями под исправлениями. Прокрутите мышью над словом, и на экране появится оригинальный текст.
